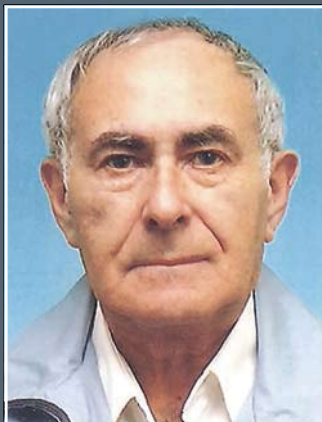

Семен ШПУНГИН (р. 1929) – журналист. Родился в Даугавпилсе (Латвия) в семье фотографа. Учился в основной школе на иврите, а с приходом советской власти в 1940-м – на идише. До войны успел окончить четыре класса. Во время нацистской оккупации Латвии вместе с другими членами семьи был заключен в гетто. Родители и младшая сестра семи лет погибли от рук нацистов. В октябре 1943 года Семену удалось бежать из «малого гетто» в городской крепости, и он скитался по дорогам, пока не был схвачен солдатами вермахта.

Доставленный в полицию безопасности, выдал себя за беженца из России, отставшего от поезда. Случилось невероятное: ему поверили и препроводили на биржу труда. Почти девять месяцев батрачил у крестьян Калупской волости, скрываясь под чужим именем. В 1944 году, вскоре после освобождения, был направлен на курсы ОСОАВИАХИМа в Подмосковье. Важным событием для Семена стало знакомство с Ильей Эренбургом. Сочувствуя «мальчику из гетто», писатель принял большое участие в его судьбе. С 1946 года Семен жил в Даугавпилсе в семье брата отца, вернувшегося с войны, и учился в средней школе, наверстывая упущенные годы. В 1949 году получил аттестат зрелости с серебряной медалью. В том же году поступил в Литературный институт им. Горького при Союзе советских писателей СССР, а в 1950-м перевелся на отделение журналистики Московского университета, который окончил в 1954 году, получив диплом с отличием. По распределению работал в смоленской областной газете «Рабочий путь». Спустя три года, осенью 1957 года, переехал в Ригу, где более тридцати лет работал в системе ТАСС корреспондентом по науке и культуре. Его материалы широко публиковались в советских и зарубежных СМИ. Удостоен почетного звания заслуженного журналиста республики. С февраля 2000 года Семен Шпунгин живет в Израиле, в приморском городе Бат-Ям. Член Ассоциации журналистов Тель-Авива и израильской парламентской организации по вопросам Катастрофы еврейского народа в годы Второй мировой войны.

ISBN 978-9934-8448-8-1

Семен Шпунгин ДО И ПОСЛЕ ПОБЕГА

Семен Шпунгин

ДО И ПОСЛЕ ПОБЕГА

Семен Шпунгин

ДО И ПОСЛЕ ПОБЕГА

Воспоминания

Рига 2014

Издание поддержали:

*Галина Стоян, Давид Зильберман, Борис Цилевич,
Мария Рудля, Пинхус Каган, Михаил Вигдоров, Евгения Горба,
Ида Монин, Лев Кацнельсон, Хонон Шперлинг, Гири Штейн,
Иосиф Рочко, Ромиель Тинбер, Лев Шнеер, Лев Михайлов,
Белла Мультнер, Лев Гавартин, Эмма Брамник-Вульфсон,
Светлана Заславская*

Составление и комментарии
доктора истории *Григория Смирин*

Предисловие
Леонида Школьника

Издатель: общество «Шамир» (Рига, Латвия)

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Предисловие

Как вы думаете, дорогие читатели, может ли не тронуть ваше сердце человек, родившийся в еврейском доме в Двинске (Даугавпилсе), который находился до революции в черте оседлости и в котором до Второй мировой войны было «всего-то» около сорока синагог? Этот город помнит и чтит имена великого еврейского актера Соломона Михоэлса и реформатора языка иврит Элиэзера Бен-Иегуды, здесь бывали Шолом-Алейхем, Хаим Нахман Бялик, Владимир (Зеев) Жаботинский.

Семен Шпунгин, автор книги, которая перед вами, как раз и есть такой человек. Написанное им не воспоминания, не пересказ пережитого и увиденного, не самоотчет о жизни. Мне кажется, что книга Семена Шпунгина, бесспорно талантливого человека, — это **в о з в р а щ е н и е к и с - т о к а м**, к истокам нелегкой и все же удивительно богатой судьбы, в ту жизнь, каждый день которой был и подарком небес, и горечью бытия, и болью потерь близких.

Общепринятая максима «Нельзя войти дважды в одну и ту же реку» к Шпунгину не относится. В своей книге он входит в Реку памяти многожды, чтобы рассказать, показать нам все, что приключилось с евреями в той самой прекрасной, самой трагической поре довоенной Латвии...

«В семье нас было четверо. Мой отец, Илья Шпунгин, владел самой известной фотостудией в городе, на улице Райниса. Мы имели фруктовый сад; во дворе водилась пернатая живность. Маму мою звали Яхной, или по-домашнему — Ялей. Она занималась хозяй-

ством. Мне в начале войны было двенадцать лет, а моей сестре Рахели — Розочке — семь. Она еще не ходила в школу...»

Что же произошло потом?

Произошла война.

Шпунгин снова входит в Реку памяти:

«Все рухнуло. Дом наш сгорел от зажигательной бомбы. Нас приютила бабушка Хава, жившая в мансарде по Аллейной улице. Но там задержаться пришлось ненадолго. В июле 1941 года всем евреям было предписано переселиться в гетто...»

В той, довоенной и «военной» жизни автора было все — и счастливое детство в родительском доме («Мой папа был верующим, мы соблюдали еврейские традиции, чтити Шаббат, ели только кошерную пищу, держали молочную посуду отдельно от мясной»), и тяжелейшие годы, когда Семен вместе со всей семьей оказался в Даугавпилском гетто (кстати, его показания были включены в материалы Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками и впервые опубликованы в знаменитой «Черной книге» В. Гроссмана и И. Эренбурга), и чудо спасения 15-летнего мальчишки в 1944 году.

Шпунгин не просто вспоминает, он предлагает каждому из нас, читающим его строки, быть соучастником причючившегося с ним:

«Мои скитания кончились у железнодорожной станции Курцумс. Я спросил человека, возившегося возле дома по хозяйству, как пройти к литовской границе.

Он указал на дорогу, поднимающуюся в гору, назвал ориентир — усадьбу старосты, объяснил, куда повернуть за нею. Затем спокойно, как бы вскользь обронил:

— А известно ли тебе, что, встретив чужого в наших краях, мы должны сообщить о нем?.. Партизаны появились...»

Впрочем, мой собеседник выглядел незлобивым. Он даже вынес мне горбушку хлеба на прощание...

Что-то в пути заставило меня оглянуться назад. Я увидел немецких солдат на велосипедах с несущимися рядом рядом собаками. Несмотря на чувство опасности, я все же надеялся, что это не погона за мной. Да мало ли, зачем и куда они едут!

Солдаты опередили меня, спешились и преградили дорогу, сдерживая на поводках собак. Я услышал одно только слово — «*Dokumente!*». Но оно прозвучало так неожиданно, что я, не успев опомниться, протянул припрятанный «шайн» — ту самую красную карточку из картона с оторванным уголком. И только теперь до меня дошло, что я наделал! Как это я не сообразил, насколько легко выяснить, кем и кому выдано свидетельство с отсутствующим словом «еврей». Тем более, что в нем записана моя настоящая фамилия.

Меня доставили в расположение части, начали допрашивать. Изъяснялся я на ломаном немецком, как принято было среди населения в годы оккупации. Выдал себя за беженца, отставшего от поезда...».

А дальше со Шпунгиным произошло действительно чудо. И связано оно было... с языком идиш.

«В штабе мне учинили основательный допрос с помощью переводчика. У меня, конечно, не было заготовленной легенды, кроме байки о беженце из России. Все придумывал на ходу. Вопросы задавал немецкий гауптман, а я отвечал почти без запинки. Говорил, что взбрелет в голову. Счет шел на секунды. Фамилия? Островский. Имя? Иван. Постоянное местожительство? Город... Брянск. Национальность? Я едва справился с замешательством, но все же уверенно ответил: мать — русская, отец — татарин. Необходимое пояснение. Мне было известно, что татары являются мусульманами, а те делают мальчикам обрезание. Но вот незадача: я в жизни не видел татар и понятия не имел об их внешности. Для того, чтобы как-то «оправдать» свои черные волосы и брови, я добавил на допросе, что бабушка моя была... цыганкой. Совершенно не ведая о том, что и цыгане преследуются нацистами! <...>

Гауптман после допроса подошел ко мне и, хитро прищурившись, изрек:

— *Also hast du drei Blüten Gemisch? Aber sag mal die Wahrheit: bist du kein Icik?* (Так что же, у тебя смесь трех кровей? Но скажи-ка правду: ты не Ицик?). <...>

С вечера я находился под присмотром дежурного унтер-офицера в отдельной комнате. Сюда заходили и другие немцы. Из разговоров я уловил, что утренним поездом меня отвезут в Даугавпилс и передадут в *Sicherheitspolizei*, т. е. в гестапо. О том, что меня ожидало, не стоило гадать. Это — конец. <...>

Дежурный опустил меня в туалет. В коридоре я кинулся к входной двери, а она — на замке. Как же так?! Еще недавно была открыта...

Через какое-то время я опять симулировал расстройство желудка. Все повторилось в той же последовательности. Я и третий раз получил разрешение выйти. Но теперь, когда отчаянно рванул дверь, она отворилась, и я... уткнулся в дуло винтовки. Так немцы изволили «пошутить» надо мной. А унтер-офицер сказал своему сослуживцу, что я безусловно еврей, а евреи — все они очень хитрые!.. <...>

Дальше произошло нечто странное, непонятное. Оставшись со мной наедине, мой страж тихо произнес на... идише:

— *Их вэйс, ду бист а клугер ингл* (Я знаю, ты умный мальчик), — и отвернулся.

Слова эти навсегда врезались в мою память, и я по сей день теряюсь в догадках, что скрывалось за ними. Я также не знаю, сыграл ли тот унтер-офицер какую-либо роль в моей дальнейшей судьбе...

А потом у Семена Шпунгина была совсем другая жизнь, насыщенная новыми удивительными событиями — счастливыми и горькими, обретение профессии, семьи, творческого почерка и, конечно, друзей, сопровождавших его в течение жизни.

Одним из тех, кто стал не просто другом Шпунгина, но и добрым его наставником в жизни, был Илья Григорьевич Эренбург. При всей его невероятной занятости он нашел время для мальчишки, чудом спасшегося из гетто.

Автор рассказывает об Эренбурге, не приукрашивая образ писателя, не угождая ему, — лишь сообщая нам факты, о которых мы прежде не знали.

«На первых порах у Эренбурга было со мной немало хлопот. По его просьбе генерал, возглавлявший ОСОАВИАХИМ, издал приказ о моем увольнении «по несовершеннолетию» с указанием, чтобы мне оставили выданное обмундирование.

Вдобавок Эренбург прислал свою фронттовую шинель и еще кое-что из своей военной экипировки. Далее встал вопрос о прописке. В закрытой Москве, да еще во время войны, это было непросто. Опять все решил звонок Эренбурга, за которым последовало распоряжение начальника Управления милиции столицы...

...Непредвиденный случай произошел в отделении милиции, куда я явился для прописки. В отдельной комнате двое в штатском учинили мне допрос прямо с порога:

— Какую разведывательную школу вы кончали у немцев? Быстро назовите расположение и даты! Отвечайте!

Сперва я опешил, а потом взорвался, да так, что в конце концов чекисты стали меня успокаивать. Помню их слова напоследок:

— Уж извините, у нас работа такая.

Учиться я пошел в заведение под названием «Городская очно-заочная школа». Пропустив три года, в обычной школе я был бы «переростком». Ко всему прочему, я совсем не знал русской грамматики. Весь мой довоенный багаж в Латвии — это три класса на ашкеназском иврите и еще четвертый на идише. Тем не менее, за один учебный год я одолел в Москве и пятый, и шестой классы.

Я встречался с Валентиной Ароновной Мильман, другими людьми из круга общения Эренбурга и Савича. Появились и новые знакомые. Нередко я посещал Еврейский антифашистский комитет на улице Кропоткина, где, случалось, разговаривал со Львом Квитко, Ициком Фефером, Перецем Маркишем. Однажды меня пригласил Василий Гроссман, чтобы написать обо мне корреспонденцию для зарубежных газет. Она была передана через Совинформбюро».

Я листаю страницы рукописи Семена Шпунгина и на каждой нахожу для себя массу такого, чего до сих пор не встречал в литературе о прошедшей войне на территории канувшего в вечность Советского Союза. Это касается и его работы в советской журналистике, и попытки вербовки со стороны КГБ, и новой жизни в стране, текущей не только «молоком и медом», но и кровью солдат, ее защищающих...

И я завидую тем, кому еще предстоит прочесть эту книгу Семена Шпунгина. Потому что их ждет встреча с судьбой настоящего — мудрого, искреннего, без капли фальши — человека.

Леонид Школьник,
главный редактор международного
еженедельника (США—Израиль)
«Мы здесь», Иерусалим

ОТБЛЕСКИ МОЕГО ДАЛЕКОГО ДЕТСТВА

Как свидетель Катастрофы я, бывает, делюсь воспоминаниями о пережитом, и меня порой спрашивают о том, что было «до того»: из какой я семьи, чем занимались родители, и как жили евреи в довоенном и в досоветском Даугавпилсе¹, где прошло мое детство. Сейчас, приступая к рассказу, лишний раз убеждаюсь в удивительной избирательности памяти. Я способен назвать фамилии многих моих одноклассников, но уже с трудом представляю себе, как они выглядели. И наоборот, перед глазами всплывают знакомые лица, а имена выветрились. Что поделаешь... Зато я сегодня больше осведомлен о фактах и событиях, воспринятых в раннем возрасте и, стало быть, могу не только говорить о них, но и давать пояснения.

Грех жаловаться на мое детство. Оно, можно сказать, было радужным, жили мы в достатке. Те годы представляются мне в образе нашего сада... В нем по осени созревали сладчайшие груши и ароматные яблоки, росли сливы, вишни, ягоды крыжовника, смородины. Все это дразнило окрестных мальчишек, которые, случалось, перелезали через забор, чтобы полакомиться плодами. Были здесь и цветы разных сортов, и ухоженные грядки с овощами к обеденному столу, а в укромном уголке таилась уютная сиренью беседка.

Дом, которым владел мой папа, фотограф Илья Шпунгин, находился в Даугавпилсе на улице Райниса, 83/85. Одноэтажное кирпичное строение состояло из двух квартир. Мы жили в одной из них, а другую сдавали внаем. Впри-

тык к нашей половине располагалась папина фотостудия, пожалуй, самая известная в городе. Она имела громкое фирменное название *“Foto Rafael”*. Такое тиснение красовалось на всех «открытках», заказанных клиентами. В брошке оформленной витрине выставля-

Яхна Пинхусович (мать Семена Шпунгина) до змужества

лись лучшие снимки разных размеров, вплоть до огромных портретов в полный рост человека.

Сюда, бывало, подкатывали редкие в ту пору автомобили с пассажирами в свадебных нарядах, и тогда у входа собирались любопытные прохожие.

Папа славился высоким качеством работы, свойственным старым мастерам. Его стихией был дневной павильон с декорациями и лампами подсветки. Посередине стоял большой стационарный аппарат. Усадив клиента перед объективом и подобрав для него подходящую позу, надо было нырнуть под покрывало, чтобы всмотреться в человека, отображаемого оптикой вверх ногами, рассчитать экспозицию, вставить кассету и... «Внимание!.. Не шевелитесь!.. Раз... Два... Спасибо!»

Дальше следовал кропотливый процесс проявления и закрепления снимков, а потом стеклянные негативы приходилось сушить и ретушировать. В завершение наступал черед печатания на фотобумаге. Ногти у папы, пропитанные химикатами, были коричневые, как у заядлого ку-

Помолвка родителей Семена Шпунгина. 1928 год. Родители в верхнем ряду в центре. В среднем ряду третья слева бабушка Хава, рядом с нею дедушка Арье Лейб — родители отца. Вторая справа в том же ряду другая бабушка — Двойра

рильщика. Он много часов проводил в лаборатории при тусклом свете красного фонаря.

Маму мою звали Яхной, по-домашнему — Ялей. У нее тоже хватало хлопот — закупаться на городском базаре, на «Ятках» (так назывался рынок кошерного² мяса) и в бакалейных магазинах, готовить еду, управляться с уборкой квартиры, относить белье в прачечную и т. д.

Я всегда с нетерпением ждал лета, когда мы выезжали на дачу в один из пригородных поселков — Погулянку на берегу Даугавы или в Стропы с большим озером и сосновым лесом. Первый поселок считался более «цивилизованным», второй отличался здоровым сухим климатом. В обоих местах было раздолье, встречались старые дачные друзья, заводились новые знакомства. Сбиваясь в «команды», мы затевали игры, ходили в походы, купались, удили

рыбу. Мне очень нравилось в грозу сидеть на веранде и слушать гул ливня за окном...

Иногда меня отправляли рейсовым автобусом на неделю-другую погостить у родственников в поселок Боровка (полтавышски — Силене), что в 25 километрах от Даугавпилса. Там жила бабушка Двойра, скончавшаяся в середине 30-х годов, и семья маминого младшего брата Абраши Пинхусовича. У них я чувствовал себя, как дома. Тем более что мне позволяли водиться с местными мальчишками. Рядом находилось озеро, и был ручей, в котором ловили мальков сачками.

Описывая местечко своего детства, английский литератор и острослов Хаим Бермант³ (1929—1998) вспоминал, что «Абрашу Пинхусовича, адвоката и ходатая за жителей Боровки перед властью имущими, обожали как евреи, так и неевреи. Он был обладателем одного из двух автомобилей в Боровке и одного из трех телефонов...» Тут, к сожалению, допущены кое-какие неточности. Дядя Абраша действительно был грамотным, деятельным и отзывчивым человеком, но не был адвокатом и никогда не имел автомобиля. Он унаследовал от своего отца смолокурню, приносившую довольно скромный доход. В первые дни нацистской оккупации Абрашу Пинхусовича и его семью убили добровольные каратели.

Такая же судьба постигла старшего брата мамы Липмана и среднего брата Гирша Пинхусовичей. С ними рас-

Илья и Яхна Шпунгины — родители автора

Двухлетний Семен Шпунгин на руках у своего отца, рядом его мать. 1931 год. В первом ряду слева старший брат матери Липман Пинхусович; в верхнем ряду первый слева ее средний брат Гириш Пинхусович; там же второй слева младший брат матери Абрам Пинхусович; в первом ряду в центре бабушка Двойра

правились в небольших латвийских городах Гулбене и Скрунде.

Мой папа был верующим. Мы соблюдали еврейские традиции, чтити Шаббат⁴, ели только кошерную пищу, держали молочную посуду отдельно от мясной. Я знал, что папа — левит и, следовательно, я тоже. Статус переходит из поколения в поколение к сыновьям по отцовской линии. Это значит, что мы потомки колена Левия⁵ — служителей Иерусалимского храма.

До 1940 года в Даугавпилсе насчитывалось около 40 синагог⁶. Причем многие из них отличались профессиями прихожан. Были свои синагоги у мясников, портных, столяров, грузчиков и т. д. Мы с папой обычно посещали хоральную синагогу, обладавшую замечательной акустикой. Когда кантор возносил молитву вместе с хором, служба обретала трепетную торжественность.

Перед большими праздниками дети и подростки заполняли магазин братьев Гиндиных, продававших предметы религиозного культа и сопутствующие товары. К Пуриму⁷ шли нарасхват маскарадные принадлежности и в особенности — пугачи и трещотки, чтобы заглушать производимое имя злодея Амана. По любому случаю запасались красочными флажками с изображением щита Давида. А в дни Хануки не обходились без волчка с четырьмя гранями, помеченными еврейскими буквами. Такой волчок назывался «дрейдл». Им пользовались в игре на деньги или конфеты.

Семену Шпунгину четыре года

На праздник Кушей (Суккот)⁸ нас приглашал к себе дедушка Арье Лейб, папин отец. Загодя он возводил во дворе сукку — деревянный шатер, покрытый ветками. В своем доме на Аллейной улице дедушка содержал лавку — он торговал сеном и овсом. Клиентами этой «заправочной станции» для лошадей были «балаголы» — легкие и ломовые извозчики.

Сестра Семена Шпунгина Рахель (Розочка)

Даугавпилс, или по-старому Двинск, входивший до революции в черту оседлости⁹, издавна считался одним из центров еврейской жизни. В его историю вписаны имена выдающихся личностей. Здесь родился великий актер Соломон Михоэлс¹⁰, жил реформатор языка иврит¹¹ Элиэзер Бен-Иегуда¹² и первый ашкеназский¹³ главный раввин¹⁴ Страны Израиля Авраам Исаак Кук¹⁵. Сюда приезжали классики еврейской литературы Шолом-Алейхем¹⁶, Хаим Нахман Бя-

лик¹⁷, Шолом Аш¹⁸, основатель движения сионистов-ревионистов¹⁹ Владимир (Зеев) Жаботинский...²⁰

В годы независимой Латвии еврейскую молодежь привлекали сионистские²¹ организации разного толка, такие как «Гашомер-Гацаир»²², «Гордония»²³, Бетар²⁴. В городе работали еврейские учебные заведения, клубы, спортивные, медицинские и благотворительные учреждения. Было даже общество поддержки бедных невест. Я появился на свет в еврейском родильном доме.

Еврейский Даугавпилс прославили два великих раввина, признанные гаонами²⁵ (гениями), — Меер Симха²⁶ (1843—1926) и Иосиф Розин, или Рогачевец²⁷ (1858—1936). Портреты обоих висели рядом на видном месте у нас в столовой. Их имена, овеянные легендами, известны и почитаются евреями во всем мире. Мне было семь лет, когда в 1936 году хоронили Рогачевца. Это зрелище запомнилось навсегда. Улицы были так плотно запруже-

ны провожающими, что, казалось, людскому потоку нет конца и края.

Приведу дословно такие строки, вычитанные в Интернете: «Эйнштейн считался гением среди людей просвещенных, рабби²⁸ Розин (Рогачевец) — среди знатоков Торы²⁹ и Талмуда³⁰. Он знал весь Талмуд наизусть и повторял его по памяти, даже когда ехал в поезде. Он буквально ни на минуту не мог прекратить изучать Тору. Он стригся раз или два в году, так как у него не было времени даже на это. Говорят, что он писал одновременно правой и левой руками два разных письма. Всего этого он достиг благодаря высокому интеллекту и уму необычайной глубины».

Сообщается, что однажды Хаим Нахман Бялик имел долгий разговор с Эйнштейном, а после этого — с Рогачевцем. У поэта сложилось впечатление, что «...в голове рабби Розина могут поместиться два таких мозга, как у Эйнштейна».

До пяти лет я рос единственным ребенком в семье. В 1934 году моей «соперницей» стала сестричка Рахель, или Розочка, которую поначалу я ревновал к родителям. Мне казалось, что всю свою любовь они обратили на нее, а мне уделяли меньше внимания. Девочка была тихой, послушной. Не помню, чтобы она когда-нибудь плакала, капризничала. С горечью признаюсь, что подробности ее недолгой жизни после Катастрофы начисто выпали из моей памяти. Мама мечтала о ее будущем, представляла себе ее учебу в университете, примеряла к ней профессию врача. Кто мог знать, чем обернется это будущее...

С восьми лет я стал учеником первого класса основной школы³¹ № 16, в которой обучение велось на иврите, точнее, на его ашкеназском диалекте. К тому времени я уже прошел два подготовительных класса, не считая детского сада, где началось знакомство с ивритом. Школа была с религиозным уклоном, в ней учились только мальчики. Нас обязывали ходить в ермолке и носить под сорочкой «арбеканфес» (от ивритских слов *арба кнафот* — четыре крыла). Это, кто не знает, надеваемый через прорезь прямоугольный

3-й класс даугавпилсской еврейской основной школы № 16. Семен Шпунгин — во втором ряду пятый слева

кусочек ткани с прикрепленными пучками шерстяных или шелковых нитей. Был у меня и частный репетитор по фамилии Баскин, отец одной из наших учительниц. С его помощью я постигал азы Священного Писания.

В детстве я мог изъясняться на четырех языках. На идише³² и русском разговаривали дома, а в школе, кроме иврита, преподавали латышский. Русским, кстати, владело практически все население города, который в прошлом относился к Витебской губернии.

По разным признакам, в моем окружении взрослых людей не очень беспокоили события за пределами Латвии. Погруженные в обыденные заботы, они мало что знали о репрессиях в СССР и гонениях на евреев в нацистской Германии. В воздухе не витала тревога, не было предчувствия опасности. Чем объяснить царившую тогда беспечность? Не исходила ли она от благодушного тона еврейских газет, которые тогда издавались в Европе, включая Польшу и Латвию? Эта тема, насколько мне известно, не затрагивалась исследователями.

Но оставим грустные размышления. Впору обратиться к мальчишеским радостям и соблазнам городской жизни. Не считая цирка шапито, который пару раз в году обустроивался на Яблочной площади и вызывал ажиотаж, меня и моих друзей всегда манили кинотеатры. Самый большой из них — «Эден» был расположен возле Дубровинского парка. Здесь перед сеансом зрители задирали головы, рассматривая аттракцион с тележкой, двигавшейся вдоль потолка по натянутым струнам. Сбоку от экрана играл на рояле тапер. Публику восторгали комические персонажи немого кино Пат и Паташон. Всеобщей любимицей звуковых фильмов была маленькая актриса, обаятельная девчужка-вундеркинд Ширли Темпл. В кинотеатре «Колизей» нередко показывали картины на идише. Особым успехом пользовался мюзикл «Идл митн фидл» («Еврейчик со скрипкой»).

В мозаике моих воспоминаний сохранились сцены празднования Дня независимости Латвии. Военный парад с танкетками, проводившийся 18 ноября, не в счет. Самым впечатляющим был вечер накануне. Город, залитый иллюминацией после захода солнца, обретал сказочный вид. Необыкновенную нарядность улицам придавали плоские с огоньками, расставленные по кромкам тротуаров, и бегущие разноцветные лампочки на фасадах общественных зданий. Во всех витринах и даже во многих окнах квартир красовались портреты «вождя» — президента государства Карла Ульманиса с его неизменной прической «ежиком». Все это дополнялось факельным шествием под музыку духовых оркестров и массовым гулянием, кончавшимся за полночь.

...Наступило лето 1940 года. 16 июня пополудни тротуары Рижской улицы, ведущей к железнодорожному пассажирскому вокзалу, заполнили толпы горожан. Ожидался приезд президента Латвии, решившего удостоить своим присутствием открытие Праздника песни в Даугавпилсе. Чтобы не упустить случай лицезреть Карла Ульманиса воочию, я заблаговременно явился к знакомым, чей дом стоял напротив вокзала, и вместе с ними находился на бал-

коне второго этажа. Поезд пришел по расписанию, но... без президента. Все недоумевали: что случилось? Через какое-то время стало известно, что в этот день границу соседней Литвы пересекли части Красной армии.

А на следующее утро они уже были у нас, и я наблюдал, как по дамбе движется бесконечная колонна пехоты. Советских бойцов и командиров приветствовали коммунисты, тут же вышедшие из подполья, и толпы сочувствующих. Происходили редкие стычки с полицией, которая пребывала в растерянности, не зная, как вести себя в создавшейся обстановке. Участники стихийной демонстрации взяли штурмом тюрьму и освободили политических заключенных.

Новая власть еще не успела утвердиться, а старая рушилась на глазах. Мальчишки на улицах обступали и забрасывали вопросами красноармейцев. Рядом с ними улавливался специфический запах, источаемый то ли кирзовыми сапогами, то ли гимнастерками. Политруки среди бела дня устанавливали в скверах и на площадях переносные экраны и показывали советские фильмы, которые шли потом и в кинотеатрах. В репертуаре были «Чапаев», «Броненосец «Потемкин»», «Член правительства», «Человек с ружьем», «Ленин в Октябре»... Картину «Тринадцать» я смотрел несколько раз с захватывающим интересом.

Сионистские организации были распущены. В то же время бурную деятельность среди молодежи развернул комсомол. День ото дня менялся уклад жизни. 5 августа Латвию приняли в состав СССР, и все судили и гадали, что будет дальше. Крестьян пока не трогали, колхозы еще не создавались, но частные предприятия в городе, а позднее и дома, забирало государство. Появилась милиция. Многие записывались в Рабочую гвардию³³, толком не зная ее назначения. Им выдавали на дом винтовки. Афиши зазывали на митинги и собрания по всякому поводу.

Не могу не коснуться феномена предвоенных советских песен, которые тогда захлестнули Даугавпилс. Хотя сло-

весная начинка многих из них была довольно примитивной, они взвинчивали людей, настраивая на патриотический лад. Неприятательные, легко запоминающиеся мелодии звучали повсеместно. У всех на языке были куплеты «Трех танкистов», «Москвы майской», «Марша энтузиастов», «Песни о Родине», «Если завтра война...», «Дан приказ ему на запад...», «Гремя огнем, сверкая блеском стали...» и т. д. и т. п.

Семену Шпунгину десять лет

Скажу чистую правду: моя несмышленная голова не выдержала натиска советских песен и кинофильмов. Я с гордостью носил красный галстук и напевал пионерский гимн «Взвейтесь кострами, синие ночи...». Мне было невдомек, какие чувства по отношению к советской власти испытывали мои родители. Они не могли не опасаться национализации нашего дома вместе с фотостудией, но об этом при мне вслух не говорили.

Я запоем читал «Пионерскую правду». Из ее статей и заметок узнал о герое Гражданской войны Сергее Лазо, которого, как писали, японцы сожгли заживо в топке паровоза, о подвиге мальчика Павлика Морозова, о том, каких немислимых успехов на сборе хлопка добилась таджикская девочка Мамлакат Нахангова, и о многом другом.

Школу мою, в которой преподавали на иврите, закрыли. Меня перевели в четвертый класс школы № 14, где обучение велось на идише. Она была смешанной — с учениками и ученицами. Здесь давали уроки русского языка. К тому времени я уже умел читать по-русски, но письмо и

грамматику осваивал впервые. Меня вовлекли в кружок самодеятельности и однажды доверили даже выступить на вечере какого-то клуба. Со сцены я декламировал стихи:

Спит Москва, страны столица,
В этот поздний зимний час.
Только Сталину не спится,
Сталин думает о нас...

Пролетел насыщенный событиями год с того дня, как Красная армия вошла в Латвию. Слова В. М. Молотова, известившего 22 июня 1941 года по радио о нападении Германии на Советский Союз, вскоре наглядно подтверждали немецкие самолеты, кружившие над городом. Они безраздельно господствовали в небе, оглашая пространство воющими и скрежещущими звуками. Поодаль гремели взрывы. А ночью в наступившей тишине вызывали оторопь осветительные бомбы. Медленно опускаясь на парашютах, они ослепительно ярко озаряли окрестности.

С каждым днем нарастало беспокойство. Время от времени мы выбегали из дому, спеша за угол к соседям, и у них вместе с другими жильцами отсиживались в сыром подвале. В ночь с 25 на 26 июня партийные работники и все начальники госучреждений скрытно покинули город на грузовиках с пожитками. Утром, глянув в окно, папа увидел людей, мужчин и женщин с детьми, идущих в сторону железной дороги.

Некогда было раздумывать. Расстелив на полу пару простыней и побросав в них попавшиеся под руку вещи, мы связали их в узлы и четвером — родители и я с Розочкой, устремились, как и все, на товарную станцию. Нас сопровождал запах гари. Позади над домами взметнулись клубы дыма. Самолеты обстреливали железную дорогу на бреющем полете. Через считанные часы подразделения вермахта хлынули с левобережья Даугавы в центр города.

А последний поезд с беженцами, который мы еще застали на путях, ушел на Восток без нас. Но это уже другая история...

ДО И ПОСЛЕ ПОБЕГА (ВОСПОМИНАНИЯ УЗНИКА ДАУГАВПИЛССКОГО ГЕТТО)

Я никогда не решался писать воспоминания о гетто¹, да и сейчас едва могу подступиться к этому². Хотелось бы изложить невероятную историю моего побега. Но без того, что ему предшествовало, трудно передать случившееся глубокой осенью 1943 года. И потому я не могу не коснуться событий, которые не оставляют меня с тех пор, как германские войска вошли в Даугавпилс.

Город пал на пятый день войны. Население восприняло перемену по-разному: кто с нескрываемой радостью, кто с беспокойством. Немецкая администрация еще не успела обосноваться, а местная полиция возникла, как изпод земли. Зачисленные в нее добровольцы расхаживали с винтовками и зелеными повязками на рукаве, а некоторые вырядились в давно припрятанную форму айзсаргов³. Полиция, впрочем, не очень заботилась о наведении порядка. Часть жителей, не таясь, грабила магазины, стоявшие с разбитыми витринами. На Рижской улице, одной из немногих уцелевших в центре, я видел людей, несущих всякую утварь и продукты питания в корзинах, кошелках и даже в охапках.

Вскоре афишные тумбы, заборы и стены домов были обклеены приказами префекта⁴ на немецком и латышском языках. Они относились только к евреям. И первый из них строжайше обязывал мужчин до 60 лет собраться в назначенное время на базарной площади. Другой приказ повелевал немедленно пришить желтые звезды⁵ к одежде — на груди, спине, а также на брючине. Нам запреща-

лось ходить по тротуарам, посещать какие-либо общественные места.

Тех, кто рискнул прийти на базарную площадь, погна-ли в тюрьму, где над ними несколько дней издевались. Потом большинство расстреляли в железнодорожном са-дике. Полицейские все чаще врываются в еврейские дома, забирали ценности, уводили людей или убивали их во дво-рах. На городских окраинах возникли массовые могилы.

В семье нас было четверо. Мой отец, Илья Шпунгин, владел самой известной фотостудией в городе, на улице Райниса. Мы имели фруктовый сад; во дворе водилась пернатая живность. Маму мою звали Яхной, или по-до-машнему — Ялей. Она занималась хозяйством. Мне в на-чале войны было двенадцать лет, а моей сестре Рахели — Розочке — семь. Она еще не ходила в школу.

В каменном мешке

Все рухнуло. Дом наш сгорел от зажигательной бомбы. Нас приютила бабушка Хава, жившая в мансарде по Аллей-ной улице. Но там задержаться пришлось ненадолго. В июле 1941 года всем евреям было предписано переселиться в гетто. Когда мы наняли повозку и начали грузить в нее самые необходимые вещи, объявился нежданный над-смотрщик — один из соседей, казавшийся всегда тихим и покладистым. Он проверял каждый тюк и бойко указы-вал, что можно вывезти из квартиры и чего нельзя.

Гетто, находившееся на левобережье Даугавы, было в своем роде уникальным. Евреев заточили в предмостные укрепления с наружными окнами — бойницами. Камен-ный мешок, совершенно не приспособленный для жилья, представлял собой длинное двухэтажное строение с кре-постными стенами. Оно растянулось дугой на несколько сотен метров и примыкало к реке. С внутренней стороны к нему прилегала дорога, ограждаемая высоким валом. На нем была площадь со сторожевыми будками. Поднимать-ся туда запрещалось под страхом расстрела.

Вселение даугавпилских евреев в гетто. Июль 1941 года

Женщин с детьми сразу отделили от мужчин. Так что папа оказался оторванным от нас — мамы, бабушки, меня и Розочки. Мы попали в палату № 24 — глубокую нишу без дверей, как и все прочие помещения. Теснота была невероятная. Спали вплотную друг к другу на деревян-ном настиле. Отовсюду слышались потрескивающие зву-ки: обитатели палаты давили вшей. Перед моими глаза-ми — старушка, не снимавшая с себя черное пальто. Но выглядело оно почти белым от кишаших на нем насеко-мых.

За нехваткой мест, сотни семей расположились со сво-им скарбом на склоне вала под открытым небом. В гетто скопилось более 20 тысяч человек — евреев Даугавпилса, его близких и далеких окрестностей, а также беженцев из Литвы. Скученность, невозможность соблюдения про-стейших требований санитарии грозили со дня на день вызвать эпидемии.

Но прошли две-три недели, и многие вздохнули с облегчением. Всех, кому за шестьдесят пять, извести-ли, что их переводят «во второй лагерь», где условия

Узники Даугавпилсского гетто, которым не хватило места в «палатах» (помещениях предмостного укрепления), расположившиеся со своими пожитками под открытым небом на откосе, ограждавшем внутреннее пространство гетто. Июль—август 1941 года

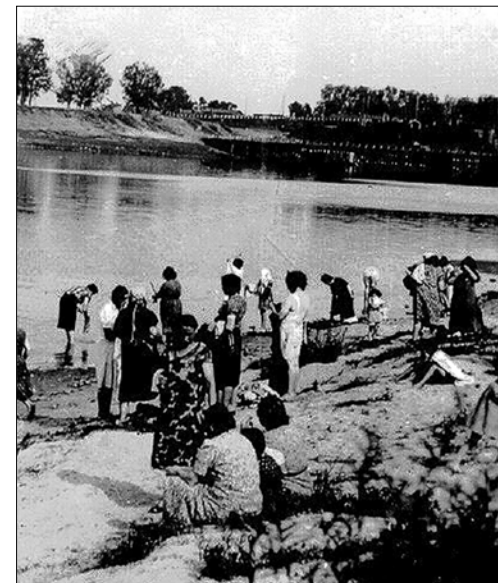
будут гораздо лучше. Несколько тысяч пожилых людей, включая мою бабушку Хаву, доверчиво сели в грузовики и отбыли под охраной в неизвестном направлении. Вскоре мы узнали, что телами этих стариков заполнились рвы возле дачного поселка Межциемс (Погулянка). Это была первая и самая «тихая» акция в нашем гетто.

За нею последовали другие. Но больше никто уже не поддавался обману. Все понимали, что означает «второй лагерь». Людей теперь выстраивали в колонну, и началась так называемая селекция. Ее проводили чины из полиции безопасности (*Sicherheitspolizei*) — со значками СС на петлицах. Им помогали полицейские и участники расстрельной команды в форме латвийской армии. Однажды во время селекции охваченная паникой девушка перебежала из одной группы в другую. Увидев это, один из карателей пытался ее найти, но упустил из виду. Тогда он извлек из колонны первых попавшихся — маму,

меня и сестру. Не знаю, каким образом я сумел оттащить своих назад и как нам удалось незаметно раствориться в толпе.

Мужчин и женщин по утрам уводили в город на работу: они обслуживали различные учреждения и воинские части. Пока это сохраняло жизнь каждому из них и его семье. Однако, уходя, многие прощались со своими близкими, не зная, встретятся ли они вновь. В гетто функционировали «юденрат»⁶, собственная «полиция», больница и даже детский сад. Но все это подобие быта сочеталось с лагерными порядками, всевозможными запретами и наказаниями.

Помимо массовых экзекуций, устраивались и показательные. В них обычно участвовал местный палач Совер из *Sicherheitspolizei*. Именно он накинул петлю на шею женщины по фамилии Гительсон, которая посмела появиться в городе без опознавательных желтых звезд. Такой же публичной казни и за такое же «преступление» подверглась молоденькая девушка-блондинка. А женщину Хаю Мейерову расстреляли на виду у всех за попытку утаить буханку хлеба при возвращении с работы⁷.

Узницы Даугавпилсского гетто, пригнанные для мытья на берег Даугавы. Лето 1941 года

Даугавпилское гетто в предмостном укреплении на левом берегу Даугавы и его узники. Август—сентябрь 1941 года

Экзекуция по праздникам

Самые кровавые акции в гетто совпадали с советскими праздниками. Поздним вечером накануне 7 ноября 1941 года охранники вывели всех во двор, долго чего-то ждали, а потом отпустили. Но уже на рассвете прибыли гестаповцы⁸, и началась привычная сортировка. Первыми по списку были вызваны и поставлены отдельно семьи ремесленников, обслуживавших непосредственно *Sicherheitspolizei*. В сторону отвели также членов «юденрата». Составлялись еще какие-то группы. Из работающих отобрали только мужчин и погнали их в город через массивные ворота. Всех остальных, тысячи людей, выстроили на валу.

Я прижался к маме, за руку ее ухватила Розочка. Было предчувствие, скорее даже уверенность, что нас повезут в Межциемс, — и никакой надежды на спасение. А когда

находившаяся перед нами расстрельная команда вскинула винтовки, мне показалось, что расправа уже происходит здесь на месте. Нет на моей памяти минут страшнее, чем эти. В помутненном мозгу билась одна и та же мысль: я не хочу умереть!.. Я прожил на свете всего двенадцать лет... Едва услышу на латышском команду «Огонь!», сразу упаду и притворюсь мертвым... Только бы успеть... Только бы успеть...

А выстрелов не было. Вероятно, убийцы пока лишь упражнялись. Мною овладел безумный порыв — сбежать или скатиться кубарем с вала, чтобы внизу укрыться где-нибудь в каменных казематах. Я уже ступил было на откос, но оглянулся на всякий случай... И поняв, что меня не могли не заметить, юркнул обратно в притихшие ряды. В это же самое время внутри гетто шел повальный обыск. Полицейские рыскали по палатам, ворошили и простреливали тюки с вещами, постели, взбирались на чердаки, заглядывали во все темные закоулки.

Но где моя мама?! Я отчаянно искал ее, проталкиваясь между стоящими, кричал, звал по имени, но она не отзывалась. Мама! Мамочка! Полная тишина. Все молчат. Все застыли в оцепенении, ни на что не обращая внимания. Внезапно раздается команда:

— Медицинский персонал! Врачи, все медицинские работники с семьями — пять шагов вперед!

Человек шестьдесят, может быть, восемьдесят быстро отделяются и образуют небольшой обособленный ряд. Ноги понесли меня вместе с ними. Но что теперь делать? Надо к кому-нибудь пристроиться. К кому?! Кто согласится выдать меня за сына? Я кидаюсь то к одному, то к другому, то к третьему, но каждый отворачивается от меня, отгоняет. Никто не хочет рисковать. Я уже почти обошел весь ряд, не обнаружив ни одного знакомого, как вдруг в самом конце увидел мадам Магид — нашего семейного зубного врача. Она, стоя со своей дочкой, моей сверстницей, тоже меня заметила и поманила к себе:

— Сюда, Сема. Сюда! Я скажу, что оба вы мои дети...

Так и было. С проверкой нам повезло. И теперь мы стоим и беспомощно смотрим, как длинную-длинную колонну уводят на расстрел. Увы, такая же судьба постигла впоследствии и мою спасительницу, и ее дочь.

Войдя в опустевшую палату, я как помешанный бросился к узлу с нашими вещами. Вот место, еще хранящее тепло моей мамы, а рядом — насиженный уголок моей маленькой сестры. Я воображал их лица, голоса и никак не мог осознать, что их нет и больше уже никогда не будет. Скорее всего, в те минуты они еще были живы, еще находились в пути... Не передать того, что творилось в гетто, когда мужчины, среди которых был и мой папа, вернулись с работы и не нашли своих жен и детей. Люди рвали на себе волосы, рыдали во весь голос. Их крики, наверное, были слышны на противоположном берегу Даугавы. Кое-кто все же сумел спрятаться и переждать акцию. Я видел, как вытаскивали из выгребной ямы человека, погрузившегося по горло в испражнения. Он еле дышал, на него невозможно было смотреть.

Через некоторое время в гетто объявили карантин. Сюда никого не пускали, отсюда не выпускали. Тех, кого гоняли в город, расселили по месту работы. Теперь я остался взаперти, без папы. А вскоре меня положили в больницу с брюшным тифом. Врачи, однако, скрывали диагноз под видом воспаления легких. Голод был невыносимый. Раввин, лежавший на соседней койке, рассказывал, как во сне ему «посчастливилось» съесть буханку хлеба! Нам давали его по 125 граммов в день, да еще раза два суп из гнилой капусты. Понемногу выздоравливая, я только и мечтал, как бы выбраться отсюда. Мой папа тогда был занят на черных работах в военной комендатуре железнодорожной станции *Dünaburg* (немецкое название Даугавпилса). Ему удалось упротить кого-то из начальства, чтобы и меня затребовали в то же ведомство. Так с отменой карантина я оказался в городе.

Минуло еще несколько месяцев. Последний день гетто наступил 1 мая 1942 года. Его ликвидировали с особой жестокостью. Убили всех без разбора. Спаслись каким-то чудом лишь два или три узника. В тот же самый день сняли охрану. Следы учиненной бойни долго не убирались. Кто приходил сюда, содрогался от увиденного. Я перечитываю скупые строки из моих давних показаний, включенных в материалы Нюрнбергского процесса⁹: «Трудно описать трагедию 1 мая 1942 года. Гетто представляло ужаснейшую картину. На полу валялись изуродованные трупы детей, всюду была застывшая кровь... 30 человек, которые отказались направиться в грузовик, были расстреляны во дворе гетто».

Наверное, и сегодня, в начале XXI века, кое-кто все еще задается вопросом: почему жертвы Холокоста безропотно шли на заклание? Вопрос не новый. Так может рассуждать вполне нормальный человек, который не был, слава Богу, на нашем месте. Сотни исторических, психологических и религиозных исследований написаны на эту тему. Если говорить конкретно о Даугавпилсе, то в отличие, например, от огромного Варшавского гетто¹⁰, у нас не было ни налаженных связей с внешним миром, ни оружия, ни боевых организаций. Мы находились в условиях замкнутой территории оборонительного сооружения. Не герои — обыкновенные люди, сломленные и ввергнутые в отчаяние, не способны были помышлять о каком-либо восстании. Рядом со своими близкими все ощущали себя заложниками.

«Крепостные» евреи

После ликвидации гетто в живых осталось всего около четырехсот евреев. Это те, кого ранее «казернировали»¹¹ — переселили из гетто в город непосредственно по месту работы. А теперь эту горсточку евреев, разбросанных по разным точкам, снова собрали, но уже в городской крепости, или цитадели. Она располагалась на пра-

Даугавпилсская крепость, где находилось «малое гетто». Фото 30-х годов

вом берегу Даугавы, почти напротив предместных укреплений, где раньше находилось гетто. В крепости были расквартированы воинские части. Нами распоряжалось подразделение тыла с длинным названием *Heeresunterkunftsverwaltung 322*¹². Сюда с восточного фронта поступали вагоны с ношеным обмундированием. Мы выгружали, сортировали и чинили эту одежду. В портняжной мастерской, наряду с евреями, работали и вольные жители Даугавпилса. Возглавляли все это хозяйство оберцалмайстер¹³ Лукенвальд и затем сменивший его Попе в том же чине.

Обстановка, в которой мы находились, была вполне сносной и не шла ни в какое сравнение с прежней — в предместных укреплениях. Правда, в мастерских следовало всегда быть начеку. За работами присматривал веркмайстер¹⁴ Киевски, придирчивый чешский немец с наклонностями садиста. За малейшую «провинность» он избивал мужчин и женщин, валил наземь и нещадно пинал сапогами. Наше мини-гетто представляло собой общежитие с двухъярусными нарами. Его не охраняли. Толь-

ко у главных ворот крепости стояли часовые, но это не мешало выходить в город под всякими предлогами.

Как ни странно, ситуация долго не менялась. Забегая вперед, необходимо сказать, что несколько сотен человек, переживших уничтожение в гетто, нацисты не трогали целых полтора года — вплоть до конца октября сорок третьего. Чем, какими соображениями это было вызвано, остается загадкой по сей день. О нас как бы «забыли». Даже несмотря на возмущение некоторых латышей, служивших в немецкой армии. Их семьи, утверждали они перед отправкой на фронт, в опасности, покуда Даугавпилс полностью не очищен от евреев. Мы не обольщались затянувшейся передышкой. Понимали, что с нас не спускает глаз *Sicherheitspolizei* и что каждый день нашего пребывания в крепости может оказаться последним.

Не впору ли разбежаться, пока еще не поздно? Многим приходила в голову такая мысль, но было очевидно, что это наивная мечта. Куда идти? В какую сторону? Меченый типичной внешностью и не менее типичным акцентом еврей далеко не уйдет. Кому не лень, укажет на него пальцем. Правда, немецкие и латышские газеты порой писали о партизанах. Но где они воюют, где скрываются, как набрести на них, никто из нас не имел представления¹⁵.

На исходе лета 1943 года произошло ЧП. На первом этаже дома, где находилось наше общежитие, содержались военнопленные. Через зарешеченные окна с ними норовили пообщаться некоторые наши девушки. Кончилось тем, что три из них — Соня Презма, Сарра Зив и Соня Левина позволили себя уговорить «податься в партизаны». В ответ на их исчезновение немцы хотели взять в заложники и казнить каждого десятого еврея. Вышло иначе. Пленные, оказывается, были себе на уме и попросту обманули своих «подруг». Брошенные в лесу, они не знали, куда деваться, бродили несколько дней без еды и, не видя иного выхода, возвратились в крепость. Их тут же расстреляли.

Осенью все чаще и чаще до нас доходили слухи о предстоящем удалении евреев из крепости. Что это означало, никому не надо было объяснять. На явные признаки приближающейся развязки люди реагировали по-разному. Одни — равнодушно: будь что будет! Другие, решив не отдаваться живыми в руки палачей, обзаводились ядом. Были и такие, кто, припасая съестное, устраивал «малины»¹⁶ в городских развалинах и заброшенных домах. А часть нашей молодежи сумела к тому времени раздобыть оружие с намерением все-таки добираться наудачу до партизан.

Беспокойство особенно возросло во второй половине октября 1943 года. Тревога витала в воздухе. По ночам молодежь выставляла «разведчиков», дабы в случае чего всех разбудить, и тогда уж пусть каждый поступает по своему разумению. 28-го числа на рассвете я спросонья услышал крики:

— Евреи, вставайте!!! Скорее вставайте! Вставайте! За нами приехали!

Кто успел, спустился со второго этажа по деревянной лестнице. Но ее вскоре перекрыли, и люди прыгали из окон.

Еще до того, как полицейские приказали всем выйти во двор на построение, начались самоубийства. Доктор Гриша Гольдман принял цианистый калий и перерезал себе вены. Таким же способом покончила с собой и его сестра Сима. Один из наших, Шура Апешкин, повесился. Особый случай произошел с Бенци Шафиром. Он заранее условился с женой — расстаться с жизнью всей семьей. В то утро они поднялись на чердак, взяв с собой малолетнего сына и еще какую-то девушку по ее настоянию. Но Бенци сделал только три выстрела из пистолета, а четвертый, в самого себя, — не смог, рука не поднялась... Он спасся, пережил Катастрофу и, по слухам, после войны эмигрировал в Америку.

...В том, что 28 октября 1943 года проводилась окончательная акция — в однозначном понимании нациста-

ми этого слова — ни у кого не было даже тени сомнения. Однако действительные события никто не предвидел. Они стали полнейшей неожиданностью. Покинув крепость, колонна обреченно двинулась под конвоем в последний путь, но когда она прибыла на место, люди с удивлением увидели железнодорожный состав наготове. Всех затолкали в вагоны для скота и повезли, как потом оказалось, в Ригу. А там — концлагерь Кайзервальд¹⁷, в дальнейшем — Штутгоф на территории Польши, Бухенвальд в Германии и прочие лагеря, в жернова которых попали уцелевшие евреи Даугавпилса. Но это уже другая, отдельная история.

Папу моего не увели из крепости. Ему удалось с несколькими знакомыми выйти в город и укрыться в одной из «малин». По рассказам свидетелей, он горевал по мне, предполагая, что я погиб. Группа довольно долго отсиживалась в своем убежище, пока ее не обнаружили и не отправили вслед за остальными евреями в Ригу. Больше о папе я ничего не слышал.

Побег в никуда

О своем побеге со всеми его приключениями помню до мельчайших подробностей. Когда «разведчики» разбудили нас криками «Вставайте!», я мигом оделся и бросился с расстегнутыми пуговицами и незашнурованными ботинками к деревянной лестнице. По ней навстречу уже поднимался один из полицейских, но я каким-то образом увернулся от него и ринулся во двор. Я знал, что в соседнем пустующем доме окно на первом этаже не закрывалось изнутри, и залез в него, а затем выбрался на прилегающую улицу. Здесь уже находилось несколько парней, подходили другие. И когда кто-то предупредил, что нас окружает полиция, мы поспешили к ближайшим, западным воротам крепости. Но они были заперты. Нам пришлось карабкаться на крепостной вал и прыгать с наружной отвесной стены на дно защитного рва.

После удачного приземления мы первым делом спороли желтые звезды с одежды и выдернули остатки ниток. Потом все, кроме меня, разорвали на мелкие клочки немецкие «шайны»¹⁸ — картонные карточки красного цвета с указанием фамилии, даты рождения и т. д. Я почему-то сохранил свое свидетельство, только оторвал в нем уголок со словами “*der Jude*” (еврей). Эта ошибка могла стоить мне жизни. Я спохватился слишком поздно...

Парни постарше, имевшие при себе оружие, сочли меня и еще одного подростка, Носю Гельфанда, недостаточно взрослыми, чтобы уходить вместе с ними. Мне тогда было четырнадцать лет, а Носе — пятнадцать, может, даже чуть больше.

— Вы, мальчики, будете нам в тягость, — сказали нам напрямик. — Надо вам отделиться, ничего не поделаешь...

Оставшись вдвоем, мы стали думать-гадать, куда бы податься. Нося предложил — в Краславу, его родной город. Почему именно туда? Что нас там ожидает? А, впрочем, не все ли равно? В Краславу, так в Краславу — лишь бы скорее да подальше отсюда. Нам предстояло одолеть более сорока километров. Поначалу, чтобы не привлекать к себе внимания, вышли на берег Даугавы и продвигались вдоль нее вверх по течению. Но река то и дело кружила, к тому же приходилось огибать всякие преграды, что утомляло и занимало много времени. Поэтому решили, была не была, идти большаком. Желая отвести от себя подозрения полицейских и немцев, мы при встречах с ними притворно шутили, смеялись или, наоборот, принимались спорить о чем-то, даже ругаться. Я при этом старался говорить погромче, поскольку у меня не было выраженного еврейского акцента (дома у нас чаще разговаривали по-русски, чем на идише).

Мы прошли уже больше двадцати пяти километров, когда увидели у дороги дом с почему-то открытыми настежь дверями. Нас потянуло посмотреть, что там, но, заглянув внутрь, мы отпрянули. На стене висел портрет Гитлера, а

на вешалке — немецкая шинель. Отойдя подальше, мы начали обсуждать, стоит ли вообще продолжать путь в Краславу. Сомнения появились, во-первых, потому, что могли не успеть до наступления комендантского часа, а во-вторых, из опасения, что на подступах к городу расположены полицейские посты. И мы не придумали ничего лучше, как... вернуться в Даугавпилс, чтобы переночевать где-нибудь в развалинах, ну а дальше видно будет.

Вот и двинулись обратно тем же большаком. У меня возникла проблема: натерлись ноги. Да так сильно, что я ковылял, преодолевая боль, и плелся позади Носи, а он часто останавливался, поджидая меня. Попробовал разуться, но ходить босиком было совсем невмозможу. На обеих ногах вздулись большие волдыри. С трудом удалось снова надеть ботинки.

Окраины Даугавписа мы достигли уже в сумерках. В районе, называемом Новое строение, было немало домов, сгоревших в начале войны. В одном из них отыскивали ход в неглубокое подполье и, спустившись в него, наощупь нашли каменную плиту. Уселись, опираясь друг на друга. Нам очень хотелось спать. Но всю ночь, длившуюся бесконечно долго, мы дрожали от холода и сырости, зуб на зуб не попадал. Когда, наконец, настало утро, вышли, стряхивая гарь, на улицу. И опять перед нами встал вопрос: куда же теперь? Побрели к единственному пешеходному мосту через Даугаву. А там — проверка документов! Пошли, не оглядываясь. И с уже испытанной напускной веселостью благополучно миновали контроль. Никто нас не окликнул. Пронесло!

Второй день мы металась с места на места, меняли дороги, шли бесцельно, в никуда. Как и вчера, я, хромая на обе ноги, еле тащился за Носей. В двух-трех километрах от моста — поселок. Надеюсь утолить голод, стучимся в первый попавшийся дом. У женщины, которая открыла нам дверь, просим чем-нибудь накормить. В ответ на вопрос, кто мы такие, говорим наобум:

— Беженцы из России.

Эти слова, впервые произнесенные здесь, прочно прилипли ко мне отныне. Женщина дала по куску хлеба, сочувственно повздыхала и выпроводила нас.

Нося нервничает, теряет самообладание. Он не может простить себе, что вчера так и не дошел до Краславы, сдался, струсил вместе со мною. Чем больше он рассуждает об этом, тем сильнее становится его желание снова идти туда! Я отчаянно отговариваю его, но он не слушает меня. И тогда я прибегаю к последнему доводу:

— А как же мост? Разве ты уверен, что еще раз удастся его проскочить?

Наш спор прерывает оглушительный скрежет: по дороге проносится грузовик с солдатами. Непонятно почему, это вызывает оживление у моего товарища. Оказывается, машина — из крепости, с того склада, где Нося работал. Он убежден, что машина отправилась сейчас на погрузку и скоро поедет назад. А водят ее два шофера — немец или его сменщик, русский военнопленный. Если сегодня за рулем второй из них, то уж он наверняка поможет перебраться через мост... Такая «идея» появилась у Нося.

В течение следующего часа возник еще один план. Неподалеку от нас возвышалась железнодорожная колея, на которой стоял товарный поезд. А вдруг он пойдет на фронт?

— Давай заберемся в какой-нибудь вагон! — предлагаю я.

Нося не возражает. Но как только мы поднялись на насыпь, раздался окрик "*Halt!*"¹⁹, и мы едва успели ретироваться. В одном из дворов поселка видели стог соломы под навесом. Обоим хотелось в него зарыться, отдохнуть. Нас клонило ко сну.

Мы как раз пересекали дорогу, когда услышали скрежущие звуки «нашего» грузовика. Вот он уже на виду, и Нося напряженно всматривается, кто там за ветровым

стеклом. Грузовик неожиданно тормозит прямо перед нами. В кузове громоздится мебель, на ней — солдаты. А из кабины выскакивают два немца, один из которых, водитель, узнал Нося!

— Как вы, евреи, тут оказались? — орет он, — вы удрали!

Нося бросился, что было сил, бежать вперед, по ходу движения машины, я — назад... Вернее, я шел, бежать не мог и, оборачиваясь, видел, как оба немца погнались за Носей и схватили его. Так он исчез навсегда...

А немцы кричали мне, приказывая немедленно вернуться. До них было метров сто. Куда деваться? Почти у самой дороги я вдруг обратил внимание на забор, чуть приподнятый над землей, и ползком протиснулся под ним в чей-то двор. Все это было на виду у немцев. Хотя они, возможно, не видели, где я притаился. Меня прикрывал редкий кустарник. Солдаты, спрыгнувшие с кузова, кинулись в мою сторону. Но в те считанные секунды, пока они приближались, я успел юркнуть в дощатую уборную, стоявшую во дворе напротив небольшого дома, и заперся в ней на крючок. Вспомнив, каким способом спасались некоторые узники гетто, я попытался пролезть в отверстие деревянного стульчака. Но ватные штаны не пускали меня (окажись я в выгребной яме, страшно подумать, что бы со мной было!)

А немцы уже рядом, слышны их голоса, откуда-то доносится длинный прерывистый свисток. Я боюсь шелохнуться. Меня ищут, спрашивают прохожих, но никто не догадывается заглянуть в уборную. Потом все стихает. Только скрежет удаляющегося грузовика оглашает окрестность. А я еще долго не смею двинуться с места, и когда решаюсь все же покинуть свое укрытие, нахожу другое: залегаю в канаве, присыпав себя опавшими листьями. Лишь пару часов спустя я поднялся и пошел...

Ранняя ночь на исходе осени, вторая после побега из крепости, застала меня в перелеске. Я сидел на подстилке из хвороста, прислонясь к дереву. Меня, мало сказать,

трясло — меня колотило от пронизывающего холода. Едва дотерпев до рассвета, я еще выждал, пока станет совсем светло, и только тогда вышел на новую незнакомую дорогу. Крестьянин, ехавший на телеге, попутно меня немного подвез. От него я узнал о близко пролегающей границе с Литвой.

Подозрительная смесь кровей

Мои скитания кончились у железнодорожной станции Курцумс. Я спросил человека, возившегося возле дома по хозяйству, как пройти к литовской границе. Он указал на дорогу, поднимающуюся в гору, назвал ориентир — усадьбу старосты, объяснил, куда повернуть за нею. Затем спокойно, как бы вскользь обронил:

— А известно ли тебе, что, встретив чужого в наших краях, мы должны сообщить о нем?.. Партизаны появились...

Впрочем, мой собеседник выглядел незлобивым. Он даже вынес мне горбушку хлеба на прощание...

Что-то в пути заставило меня оглянуться назад. Я увидел немецких солдат на велосипедах с несущимися рядом собаками. Несмотря на чувство опасности, я все же надеялся, что это не погоня за мной. Да мало ли, зачем и куда они едут! Солдаты опередили меня, спешили и преградили дорогу, сдерживая на поводках собак. Я услышал одно только слово — *“Dokumente!”* Но оно прозвучало так неожиданно, что я, не успев опомниться, протянул припрятанный «шайн» — ту самую красную карточку из картона с оторванным уголком. И только теперь до меня дошло, что я наделал! Как это я не сообразил, насколько легко выяснить, кем и кому выдано свидетельство с отсутствующим словом «еврей». Тем более что в нем записана моя настоящая фамилия.

Меня доставили в расположение части, завели в квартиру, начали допрашивать. Изъяснялся я на ломаном немецком, как принято было среди населения в годы окку-

пации. Выдал себя за беженца, отставшего от поезда. Немец в чине фельдфебеля велел мне лечь на кушетку, схватил полено, лежавшее возле печки, и занес его над моей головой:

— Будешь говорить правду?!

Мелькнула мысль, что сейчас у меня единственный шанс попытаться исправить свою роковую оплошность. И я ответил:

— Скажу... Скажу всю правду, только не бейте...

А «правда» состояла в том, что предъявленное свидетельство якобы вовсе не мое, а чужое и найденное совершенно случайно. После короткого, поверхностного допроса составили протокол, который, должно быть, отражал обстоятельства моего задержания.

Штаб пограничных частей, куда меня отправили с конвоиром, располагался в городке Земгале неподалеку от Курцумса. Солдат дал мне вести его велосипед, а сам следовал позади. В любом случае, думал я, меня разоблачили бы даже и без такой улики, как «шайн». Сознывая полную безнадежность своего положения, я не мог с этим смириться. И мною овладел неудержимый порыв — бежать! Прямо сейчас! Теряя чувство реальности и контроль над собой, я лихорадочно выбирал момент... Мы шли по холмистой проселочной дороге. И когда оказались на очередном пригорке, я нажал ногой на педаль велосипеда и уже собирался перебросить вторую ногу через седло, как в тот же миг немец вцепился в багажник. Он даже рассмеялся:

— Я бы тебя за двести метров достал! — И, щелкнув затвором, дальше повел меня уже под ружьем.

По дороге я вспомнил про мальчишеские сувениры в одном из моих карманов и незаметно избавился от красноармейской звездочки и зажима от пионерского галстука.

В штабе мне учинили основательный допрос с помощью переводчика. У меня, конечно, не было заготовленной легенды, кроме байки о беженце из России. Все придумывал на ходу. Вопросы задавал немецкий гауптман²⁰,

а я отвечал почти без запинки. Говорил, что взбредет в голову. Счет шел на секунды. Фамилия? Островский. Имя? Иван. Постоянное местожительство? Город... Брянск. Национальность? Я едва справился с замешательством, но все же уверенно ответил: мать — русская, отец — татарин. Необходимое пояснение. Мне было известно, что татары являются мусульманами, а те делают мальчикам обрезание²¹. Но вот незадача: я в жизни не видел татар и понятия не имел об их внешности. Для того чтобы как-то «оправдать» свои черные волосы и брови, я добавил на допросе, что бабушка моя была... цыганкой. Совершенно не ведая о том, что и цыгане преследуются нацистами!

В итоге я представился Иваном Островским, жителем Брянска, сыном русской матери и отца-татарина, а также внуком цыганки. Такое мог наворотить разве что подросток в моем тогдашнем состоянии. Но нужно было еще и хорошо запомнить все то, что я о себе говорил и, значит, было зафиксировано в документах. Это обстоятельство еще сыграет со мною злую шутку..

Гауптман после допроса подошел ко мне и, хитро прищурившись, изрек:

— *Also hast du drei Blüten Gemisch? Aber sag mal die Wahrheit: bist du kein Icik?* (Так что же, у тебя смесь трех кровей? Но скажи-ка правду: ты не Ицик?)

Вскоре напугал меня другой случай. При штабе служили не только немцы, но и украинцы. Один из них обратился ко мне:

— Ты из Брянска, что ли?

Я подтвердил.

— Так твой земляк ищет тебя, — сказал он, — желает погугарить.

Мне только этого не хватало! Аж сердце оборвалось. Но тут меня позвали в медпункт перевязывать ноги. Со своим «земляком» я так и не встретился.

С вечера я находился под присмотром дежурного унтер-офицера в отдельной комнате. Сюда заходили и дру-

гие немцы. Из разговоров я уловил, что утренним поездом меня отвезут в Даугавпилс и передадут в *Sicherheitspolizei*, т. е. в гестапо. О том, что меня ожидало, не стоило гадать. Это — конец.

...Дежурный отпустил меня в туалет. В коридоре я кинулся к входной двери, а она — на замке. Как же так?! Еще недавно была открыта... Через какое-то время я опять симулировал расстройство желудка. Все повторилось в той же последовательности. Я и третий раз получил разрешение выйти. Но теперь, когда отчаянно рванул дверь, она отворилась, и я... уткнулся в дуло винтовки. Так немцы изволили «пошутить» надо мной. А унтер-офицер сказал своему сослуживцу, что я безусловно еврей, а евреи — все они очень хитрые!..

Дальше произошло нечто странное, непонятное. Оставшись со мной наедине, мой страж тихо произнес на... идише:

— *Их вейс, ду бинст а клугер ингл* (я знаю, ты умный мальчик), — и отвернулся.

Слова эти навсегда врезались в мою память, и я по сей день теряюсь в догадках, что скрывалось за ними. Я также не знаю, сыграл ли тот унтер-офицер какую-либо роль в моей дальнейшей судьбе.

В гестапо — под двумя фамилиями

Поезд отошел от станции Земгале еще затемно. Меня конвоировал рослый молодой солдат. Хотя в пути были недолго, поездка запомнилась тем, что солдат пресек мою попытку выпрыгнуть из вагона на ходу. В Даугавпилс прибыли рано утром. От вокзала шли по пустынной Рижской улице. А когда дошли до Аллейной, я пустился наутек! Солдат не мог догнать меня и кричал:

— *Ich schiese!* (Стреляю!)

Тогда я начал бежать зигзагом. Свернул с Аллейной улицы на улицу Саулес и еще успел пробежать до конца квартала, но два немецких офицера, шедших навстречу,

бросились мне наперерез. После поимки солдат не отпустил мою руку, сжав ее как клещами.

Он доставил меня поначалу в СД²² — службу безопасности. Она размещалась в центре города, напротив сквера «Тарелочка». Здесь вскрыли конверт с сопроводительными документами. Эсэсовец, просматривавший бумаги, заметил, что в протоколе говорится о некоем «шайне», изъятом у задержанного. Где же он, указанный шайн?! Почему его не приложили?! Конвоир немедленно связался по телефону со своим штабом. Что ему там сказали, не знаю. Но «шайн» так и не нашелся! Невозможно объяснить, как немцы, с их педантичностью, допустили такое. Для меня это было ниспосланным чудом. Одним из многих чудес, спасавших меня всякий раз, когда моя жизнь висела на волоске.

При чтении сопроводительных документов неоднократно упоминалась фамилия Орлов. То ли я не расслышал, о чем шла речь, то ли не понял, но я растерялся. Меня охватило беспокойство: неужели перепутал фамилию? Вроде бы я назвал себя Островским?.. Или... может быть, все-таки Орловым? Никак не мог вспомнить. Сбился с толку. Но, преодолев колебания, решил, что раз в протоколе значится Орлов, то это и есть «моя» фамилия. В действительности же она принадлежала человеку, который вчера угостил меня горбушкой хлеба и тотчас донес на меня немцам у железнодорожной станции Курцумс. Но об этом я узнал гораздо позднее. А тогда, находясь в СД, стал зубрить в уме: Орлов, Орлов, Орлов... Брянск, Брянск, Брянск... Орлов, Орлов...

До *Sicherheitspolizei*, куда вскоре повел меня конвоир, было минут пять ходьбы. У дверей стоял на посту эсэсовец, рядом — мужчина в кожаном пальто. Так я оказался лицом к лицу с Совером, тем самым, чье появление навело страх на обитателей Даугавпилсского гетто. Конвоир передал ему конверт и предупредил, что я несколько раз пытался бежать. Совер улыбнулся в ответ:

— *Haben Sie keine Angst, von unsere Haende kommt niemand weg!* (Не бойтесь, из наших рук никто не уходит!)

Внутри здания меня обыскали, вывернув все карманы. Потом завели в большую комнату и усадили среди многих пойманных беглецов-военнопленных. Они занимали длинные скамьи, расставленные вдоль стен. Любые разговоры пресекались окриком надзирателя: «Молчать!» Но когда он поворачивался спиной, все же можно было шепотом переброситься отдельными словами. Сосед спросил меня:

— Откуда ты?

Я ответил, что из Брянска. Он:

— Знаю, бывал там не раз.

Я — с мольбой:

— Пожалуйста, расскажите мне хоть что-нибудь о Брянске!

Пленный взглянул на меня с удивлением и все понял. Ему удалось урывками сообщить мне, что Брянск стоит на Десне, что имеется там крупный вагоностроительный завод и что вокруг сплошные леса. С тех пор, признаться, я больше ничего не знаю об этом городе.

Водворяя меня в подвальную камеру, эсэсовцы записали с моих слов фамилию — Орлов. Мог ли я предположить, какая в связи с этим возникнет забавная ситуация! В *Sicherheitspolizei* как бы исчез задержанный. Согласно документам, сюда был доставлен Островский, но ни в одной камере он не числится. Зато в журнале учета заключенных фигурирует невесть откуда взявшийся Орлов. Надо мной в который раз нависла угроза разоблачения.

Я оказался вторым в крохотной камере. Меня подселили к некоему железнодорожнику по фамилии Лейманис, арестованному по поводу аварии поезда. Усевшись на койке, я поспешил снять с себя кожаный ремень, и булавкой нацарапал на нем два слова: Орлов и Брянск.

— Что ты там пишешь? — заинтересовался железнодорожник.

— Фамилию, — сказал я, — чтобы пометить свои вещи — ведь в тюрьму скоро отправят.

— Какая еще тебе тюрьма! Ты вылитый жид! Кокнут тебя, и все...

Через пару часов была проверка. Двое надзирателей сличили фамилии по журналу. Один из них просто так, для порядка, с размаху ударил меня кулаком по голове. Я не удержался на ногах. В тот же день меня почему-то перевели в карцер — сырое, крошечно-темное помещение, но потом столь же неожиданно возвратили на прежнее место, к Лейманису.

Как-то утром я услышал в подвале голоса. Вызывали:

— Островский! Островский!

Ко мне моментально вернулась память — это меня разыскивают! Когда фамилия прозвучала за нашей дверью, мой сокамерник откликнулся:

— Нет у нас такого!

Но я закричал:

— Есть! Есть! Я! Я Островский!

Железнодорожник аж рот открыл от недоумения...

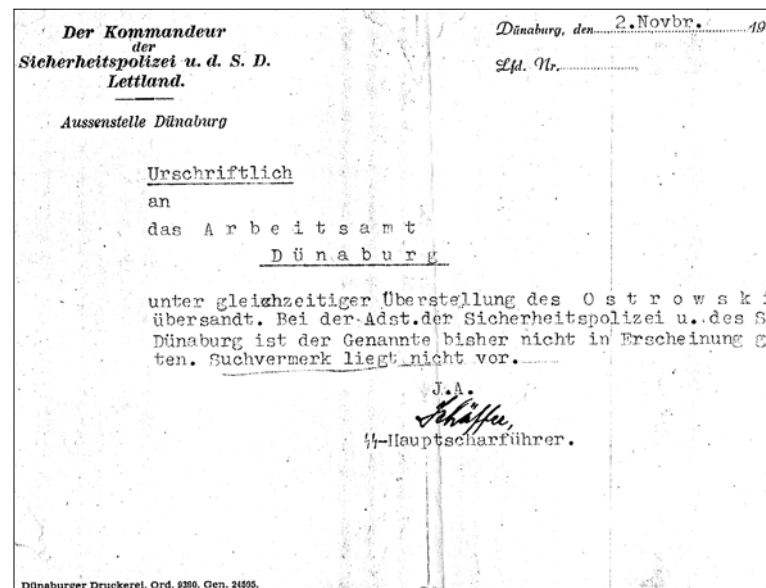
И вот я снова на допросе. Мне приказывают снять шапку, надвинутую так, чтобы прикрыть «подозрительные» брови. Стараюсь вести себя непринужденно.

Рассказываю «свою» биографию, обрастающую всякими подробностями. Мол, отец мой умер, когда я был ребенком, мать всегда работала прачкой и в последние годы стирала белье «для немецкой зенитной батареи». Говорю и о том, как нас эвакуировали, и про поезд с беженцами, от которого я отстал где-то в этих краях. Лишь один вопрос поставил меня в тупик — адрес проживания в Брянске.

— У лесника Алехина! — выпалил я, не найдя лучшего ответа.

— Нет, адрес! Как называлась улица? Какой номер дома, квартиры? — допытывался человек в форме СС²³ в присутствии другого чина полиции.

А я все твердил свое, прикидываясь не понимающим, чего от меня хотят, и даже стал описывать, как выглядит дом Алехина на опушке леса... Так и не добившись внят-

Направление из полиции безопасности на биржу труда, выданное Семену Шпунгину на имя Ивана Островского. 2 ноября 1943 года

ного ответа, следователь оставил меня в покое и сел печатать что-то на машинке. Он отдал бумагу одному из эсэсовцев, а тот велел мне идти с ним. Мы вышли в город, на свежий воздух. Было пасмурно, прохладно...

Как долго я находился в *Sicherheitspolizei*? Представление о времени, проведенном в подвале, стерлось начисто. Но у меня сохранились документы (о чем речь еще впереди). И по ним я определил точные даты. Оказывается, мое пребывание в полиции безопасности длилось ровно двое суток. Всего-навсего...

Прибыв с эсэсовцем к месту назначения, я глазам своим не поверил. Мы переступили порог биржи труда (*Arbeitsamt*). Эсэсовец быстро уладил формальности и удалился.

В моих руках — официальное письмо от 2 ноября 1943 года. На бланке с надписью "*Der Kommandeur der Sicherheitspolizei u. d. S. D. Lettland*" (командир полиции безо-

пасности и СД Латвии) напечатано несколько строк. Вот перевод с сохранением стиля: «Изначально — на биржу труда. Письмо направляется одновременно с препровождаемым Островским. Сведений о нем в полиции безопасности и СД до сих пор не было. Розыск не предстоит. Подпись: гауптшарфюрер²⁴ СС Шеффер».

Случилось невероятное. Документ неожиданно-негаданно легализовал мое положение! И какой парадокс: мне надо было попасть в гестапо, чтобы впервые обрести надежду остаться в живых! Без «помощи» гестапо я пропал бы. Судьба и впрямь неисповедима.

Последние чудеса

На бирже труда мне был задан вопрос:

— Где ты хочешь работать — в городе или деревне?

Надо ли говорить, что я выбрал деревню.

— Тогда, может быть, поедешь на хутор к моему отцу? — спросил чиновник.

— Конечно поеду! Я согласен!

— В таком случае будем знакомы: моя фамилия Маскалан.

Чиновник созвонился с отцом и выписал направление от биржи труда (так у меня появился второй официальный документ!) Ночевал я в его квартире на улице Виестурас. А на следующий день он купил мне билет и проводил к поезду. На станции Ваболе меня ожидала подвода...

Маскалан-старший, владевший довольно большими угодьями, имел уже двух работников и желал обзавестись еще одним. Но ему нужен был взрослый, крепкий мужчина. Поэтому он сразу уступил меня крестьянину Иерониму Лаздану из деревни Зелтенева. В его хозяйстве я помогал кормить скот, чистить хлев, трепать лен, носил воду из колодца, топил печи, ездил в лес за хворостом.

Через месяц меня вызвали в полицейский участок Калупской волости, чтобы получить специальное удостоверение с пометкой «Только для военных беженцев с терри-

Auftrag № 22749 Berufs-Gr.: 1
 Norikojums № _____ Aroda gr.: _____
 Firma / Herr / Frau Kalupes pag. vicānvalde kungam, kundzei
 Firmai Kalupe
 Herr / Frau / Fri. Ostrovskis Jānis kungam, kundzei, jkdzel
 wurde Ihnen zur Arbeitsaufnahme am 5.11.43
 uzdots ierasties pie Jums darbā š. g.
 — Uhr als darbā sākt. zugewiesen.
 plkst. par _____

Deugavpils 5.11.43
 Ort u. Tag d. Zuweisung. — Nostāšanas vieta un diena.

Diese Zuweisung gilt bei Einstellung in Ihrem Betrieb als Zustimmung zur Beschäftigung
 Šis norikojums uzskatāms par nodarbināšanas atļauju Jūsu uzņēmumā.

Diese Karte ist vom Betriebsführer aufzubewahren.
Uzņēmuma vadītājam šī karte jāuzglabā.

Das Arbeitsdepartement Leiter des Arbeitsamtes
 Darba departamenta _____ Darba pārvaldes priekšnieks

Staatsdruckerei Riga, Hermann-Göring-Str. 6 379 43 2 Atl. 3573 DD Riga Nr. 23

Plānotā darba vieta: Kalupe
 atļaujas izdeva 5.11.43
 1943. g. 11. mēn. 5. dienā

part. R. Kart. p. 73-1943.9.615
Kalupes pag. valde

J. Šteinis
 Kungam, kundzei

Laut der Verordnung des Reichskommissars für das Ostland vom 15. August
 22. Dezember 1941, die die Erfassung und den Einsatz von Arbeitskräften
 1) ist jeder Bedarf von Arbeitskräften beim Arbeitsdepartement zuständige
 Arbeitsamt zu melden;
 2) sind Einstellungen und Entlassungen von Arbeitskräften nur
 Zustimmung des Arbeitsamtes vorzunehmen.

Saskaņā ar Austrumu apgabala Valsts komisāra 1941. g. 8. mēn. 2. dienā
 rikojumam, kas regulē darba spēka sagādi un izmantošanu.

1) katra darba spēka vajadzība pieteicama Darba pārvaldei
 darba pārvaldei;
 2) darbinieki pieņemami un atļaujami tikai ar Darba pārvaldes piekrišanu.

1943.

Направление с биржи труда (лицевая и оборотная стороны), выписанное Семену Шпунгину на имя Ивана Островского и адресованное старосте Калупской волости. 5 ноября 1943 года

торий СССР». И тут со мной произошел конфуз. Я не знал, что ответить на простой вопрос: к какой области относится Брянск? Сказал: «К Калининской», — лишь потому, что оттуда понаехало много беженцев. На мое счастье, в полиции не нашлось сведущих в географии. Мне выдали удостоверение № 3091 с моими отпечатками пальцев, в котором так и записано на латышском языке: «место рождения — город Брянск Калининской области». Документ датирован 9 декабря 1943 года.

Мне пришлось сменить и второго хозяина. Из девяти месяцев моего существования под вымышленной фамилией я полгода провел в деревне Кейши у Андрея Мукана. Он да жена и дочь с маленьким ребенком — вся его семья, если не считать сына, служившего в дивизии ваффен-СС²⁵. Муканы были мною довольны.

У них я прижился. Привык к тому, что звали меня то Иваном или Ваней, то на латышский манер — Янкой.

Генерал-губернатор Латвии
 Valsts Drošības dienests
 1943. 12. 9

Name: Ostrovskis
 Фамилия: Островский

Viens: Jānis
 Имя: Янис

Gimēnis un dzimšanas vieta: 1929. g. 2. 11.
 Место рождения: Калининская обл. Брянская губ.

Skaidrojošā informācija: PSRS
 Подписка: СССР

Personālais numurs: 3091
 Свойственный номер: 3091

Atļaušuma izdevuma termiņš: n.a.
 Срок действия: н.д.

U. Ostrovskis
 (Aizsargiņa izdevuma numurs)
 Дансепилс при. Д. Д. Островский
 (Aizsargiņa izdevuma numurs)

Latvijas ģenerālģuberna
 Латвийский генеральный округ

Ausweis
 Apliecība Nr. 3091
 удостоверение

9. Decembris 1943

Удостоверение беженца на имя Ивана Островского, выданное Семену Шпунгину. 9 декабря 1943 года

Усердно занимаясь разными подсобными работами, я также старался примелькаться на людях, дабы никто не подумал, что я чего-то опасаясь, отсиживаюсь на хуторе. Не избегал соседей, регистрировался в полиции, покупал продукты по карточкам и т. д.

Но не все проходило так уж гладко. Иногда меня охватывал страх. Не зная, что я понимаю латышский, хозяева говорили при мне о чем угодно. У них закрались подозрения, когда они услышали, что я во сне разговариваю «не по-русски». Значит, могло быть — только на идише! Теперь, ложась в постель, я боялся заснуть. А бывали иные случаи. Так, однажды наварили пива, пригласили гостей. Один из них, полицейский, долго присматривался ко мне, пока не выдержал:

— А ну-ка скажи «кукуруза!» — Гость отстал от меня лишь после того, как я ублажил его слух отчетливым произношением требуемого слова.

Быстро летели дни и месяцы. Наступила весна 1944 года. Я учился пахать землю, рыхлить ее бороной, сеять зерновые... А с приходом лета распространились слухи о стремительном приближении фронта к границам Латвии. Я, затаив дыхание, прислушивался к разговорам о поражениях гитлеровских войск. Вдруг на мое имя прибыла повестка от волостного старосты. В ней сообщалось, что я мобилизован на рытье окопов в Даугавпилсе. 20 июня ровно в семь утра надлежало явиться к дому волостного правления, взяв с собой постельные принадлежности. За неявку, предупреждала повестка, «грозит наказание по законам военного времени».

Казалось, рушились все надежды. В городе опасность подстерегала меня на каждом шагу.

— Раз есть приказ, Ваня, я не имею права держать тебя, — сказал хозяин... Была у меня единственная зацепка — просить о помощи у Маскалана из биржи труда, пославшего меня работать к его отцу. Но я смекнул сперва пойти к врачу с жалобой на боль в руке. Он прописал мне

15-летний Семен Шпунгин после освобождения Даугавпилса. 1944 год

какую-то мазь для втирания. Прихватив рецепт, я отправился в Даугавпилс искать знакомого чиновника.

По пути на одной из главных улиц города увидел вывеску «*GEBIETSKOMMISSAR*»²⁶. Не разберусь, что толкнуло меня на безрассудный поступок — войти в приемную высокопоставленного нациста. Но все обернулось сказкой. Вынув из кармана рецепт врача, я обратился к сидевшей за столом женщине. Она благосклонно выслушала меня и... напечатала ходатайство в

Управление труда за своей подписью — референта гебитскомиссара. Больше я не хотел рисковать. На радостях позабыл про Маскалана, не отнес ходатайство по адресу, а вернулся в деревню Кейши. Хозяин мой Андрей Муқан по слогам прочитал бумажку и махнул рукой:

— Ладно, оставайся.

Тем временем из армии дезертировал сын Муқанов Антон. Завидев немцев или полицейских, он с пистолетом и я заодно бежали прятаться на сеновал. А во второй половине июля уже доносились глухие отзвуки канонады. Поговаривали, что красные взяли городок Вишки километрах в двадцати от нас. Гул все нарастал, орудия бухали уже из соседнего леса. И вот однажды в поле показали два советских конных разведчика. Потом стало необыкновенно тихо. Ни немцев вокруг, ни русских. Деревня Кейши могла еще не раз переходить из рук в руки, но я больше не в силах сдержать себя и объявляю хозяевам, что я еврей, что никакой я не Иван Островский, что я вовсе не из Брянска, а из Даугавпилса, и все такое прочее...

А 27 июля 1944 года я стою на обочине дороги, по которой нестройно шагает колонна советских пехотинцев, усталых, с заломленными пилотками, в пыльных, потрепанных гимнастерках. Они на войне. А я уже на свободе! Я вижу их своими глазами и не могу насмотреться. Но к чувствам, которые переполняют меня, совсем некстати примешивается то ли обида, то ли удивление. Многие солдаты, проходя мимо, покатываются со смеху:

— Ой, глядите, жиденок! Мордух! Шмулик! Еврейчик!..

Таковыми были первые слова, услышанные мной из уст освободителей. Что я могу сказать? Так было. Из песни слов не выкинешь...

ЗА ЩИТОМ ЭРЕНБУРГА

Должен прямо сказать, что мое отношение к Илье Эренбургу¹ никогда не было, да и сейчас не может быть беспристрастным. По той причине, что в нем нашел я в далекой юности своего ангела-хранителя. Он принял близко к сердцу злоключения подростка, вырвавшегося из гетто. И если бы не наша встреча, случившаяся за восемь месяцев до конца войны, моя дальнейшая судьба, возможно, повернулась бы иначе. По сей день многие, кто понаслышке знает об этом, считают меня воспитанником, а то и приемным сыном Эренбурга. В действительности все обстояло несколько по-другому, о чем разговор еще впереди.

Поначалу не обойтись без вступления к моему рассказу. В самых общих чертах — о писателе, имя которого осталось в памяти людей старшего поколения и было известно во всем мире. Ему выпала участь находиться в гуще событий двадцатого века. Многие его произведения будоражили умы, вызывали споры и острые дискуссии. Эренбург никогда не был обделен вниманием читателей. Он написал более ста книг, включая немало нашумевших романов. Помимо беллетристики, его дарование проявилось в других жанрах, будь то эссе, памфлеты, путевые очерки или мемуары. Менее известны его стихи, хотя они сопутствовали всему творчеству писателя.

Особое место в его деятельности занимала журналистика. Он был выдающимся публицистом, чье мастерство оттачивалось еще на полях сражений в республиканской Испании и достигло своей вершины в годы Второй миро-

вой войны. Стиль Эренбурга распознавался безошибочно: емкие, динамичные фразы, лапидарный слог, афористичность. Поражали обширные знания писателя. Он обладал энциклопедической эрудицией, слыл знатоком истории, тонким ценителем русского и мирового искусства, не говоря уже о литературе.

«Есть много прекрасных городов — всех прекрасней Париж», — писал Эренбург, который жил подолгу в столице Франции и безмерно любил ее. Но была у него и другая, не менее сильная любовь — Россия, его дом, его родная среда, без которой он просто не мог обходиться. Такая «раздвоенность» — характерная черта биографии Эренбурга. При всем при том, что он был советским писателем, в СССР его воспринимали как носителя западной культуры, и власти всегда относились к нему настороженно. Порой его восхваляли, одаривая государственными премиями и наградами, но нередко одергивали и низвергали, как, например, в послевоенном 1945 году, когда «Правда» напечатала статью Г. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает».

Я видел Илью Григорьевича в разных ситуациях — и в славе, и в опале. Он знал себе цену и болезненно переносил нападки официальной критики. Находиться в тени было ему невмозготу. Легкоранимый и чувствительный к обидам, Эренбург иногда поддавался тягостному настроению, а подчас и растерянности, но вел себя сдержанно, стараясь не показывать на людях свое состояние. Это ему не всегда удавалось. И тем не менее, даже попадая в немилость к «партии и правительству», он не опускал руки. Работа была его спасением. Она отвлекала его от всех напастей. Не прекращались также и многочисленные встречи. В общении этот человек был очень доступен, напрочь лишен высокомерия, умел слушать и располагать к себе собеседника. Среди его друзей и знакомых были всемирно известные художники и писатели, ученые и политики, полководцы и коронованные особы.

В своей жизни Эренбург, по его собственному признанию, часто заблуждался, менял свои воззрения, сомневался, не все понимал. Очевидно и то, что он вынужден был приспособливаться к господствующей идеологии и цензуре. Ему принадлежат слова: «Я не любил Сталина, но долго верил в него, и я его боялся». Необычайная популярность писателя сыграла с ним злую шутку. Некоторые сочли, что человек такого масштаба мог возвысить свой голос против гонений и кровавых расправ в стране. Его упрекали в том, что он проповедовал культ молчания. И ставили ему в пример Льва Толстого. По этому поводу писатель высказался вполне определенно: «Молчание для меня было не культом, а проклятьем». Надо принимать его таким, каким он был. Или не принимать — как кому нравится.

Илью Эренбурга, чье имя было у всех на слуху, не миновали клеветы и наговоры. В 1957 году газета *“Le Monde”* («Мир») обвинила его в гибели группы еврейских писателей — со ссылкой на журналиста, который слышал об этом от заключенных одного из сибирских лагерей. Сообщение перепечатали многие газеты. Другой журналист через два года выпустил в Париже книгу, где приводилась та же информация и вдобавок утверждалось, что Эренбург якобы выступал свидетелем на заседаниях трибунала, приговорившего писателей к смертной казни. Трудно отмыться от таких липких обвинений. Эренбург с возмущением и горечью отвергает их в своих воспоминаниях «Люди. Годы. Жизнь». Думаю, что появление подобных измышлений объяснялось просто. У «доброжелателей» Эренбурга вызывало вопросы и подозрения то обстоятельство, что сам он не пал жертвой сталинских репрессий. Точно в таком же положении оказывались люди, уцелевшие в Катастрофе. Раз остался в живых, значит, «сотрудничал» — чистой воды логика КГБ!

Эренбург был, конечно, далек от привязанности к еврейским традициям и национального самосознания. Но

его сердце обливалось кровью от того, что сотворили нацисты с его народом. Вместе с Василием Гроссманом² он решил показать миру истинную картину совершенных злодеяний, возложив на себя невероятно трудную задачу — составить и опубликовать «Черную книгу». Она долго и тщательно готовилась, но так и не вышла в свет. Весь тираж был уничтожен, типографский набор рассыпан, а рукописи конфискованы в 1948 году, когда в Москве разогнали Еврейский антифашистский комитет³. Понадобилось еще более тридцати лет, чтобы «Черная книга» восстала из небытия. Примечательно, что это произошло в Израиле, где ее почти полностью воспроизвели на основе материалов архива Эренбурга. Первое издание состоялось в 1980 году.

Едва ли найдется другой писатель, который бы внес такой заметный вклад в победу над гитлеровской Германией, как Илья Эренбург. За годы войны он написал около 2000 статей, которые печатались чуть ли не каждый день в «Красной Звезде», «Правде», других центральных газетах и за границей. В редакциях удивлялись, откуда у него берутся силы для такого титанического труда. Все, что выходило из-под его пера, читали десятки миллионов людей. Вдохновляющего слова писателя с особым нетерпением ожидали на фронте, оно поднимало дух солдат и офицеров действующей армии. А в одном из партизанских соединений был даже приказ, разрешающий раскуривать любые газеты, «кроме статей Эренбурга»...

Хочу рассказать, при каких обстоятельствах я впервые узнал об Илье Эренбурге. Мне было 12 лет, когда в самом начале войны немцы захватили Даугавпилс в Латвии и наша семья очутилась в каменном мешке предместных укреплений, превращенных в гетто. Мы жили от акции к акции, которые всегда начинались одинаково. Людей сортировали — кому в какие ряды становиться. Пройти до конца через это сито довелось немногим. За неполный год было уничтожено более двадцати тысяч человек. Я поте-

рля родителей, сестру семи лет, близких и далеких родственников — всех, кто оставался в городе. Мое спасение для меня самого непостижимо.

Остатки евреев, всего несколько сотен человек, были переведены в крепость — так называемое «малое гетто». Здесь мне иногда попадались газеты, выходившие при немцах. Такие, как «Новое слово» или «*Tēvija*» («Отечество») и «*Daugavpils Vēstnesis*» («Даугавпилсский вестник») (на латышском языке). В них довольно часто появлялось имя Эренбурга в сопровождении злобной ругани, антисемитских кличек и карикатур. Фашисты, конечно, ненавидят всех евреев, думал я, но почему они постоянно вспоминают Эренбурга? Наверное, они видят в нем сильного врага, он не дает им покоя, мешает, как кость в горле. И в моей мальчишеской голове зародилась фантазия, которой я стал предаваться все чаще и чаще. Если, Бог даст, я выживу, то непременно расскажу Эренбургу обо всем, что тут происходило, о том, что я испытал и видел за эти годы.

Впоследствии, когда я уже находился в бегах, работал у крестьян под чужим именем, выдавая себя за беженца из России, приключился случай, еще более укрепивший мою наивную мечту. Однажды я оказался в доме, где на этажерке стоял радиоприемник. Когда хозяйка зачем-то вышла во двор, оставив меня одного, я быстро включил аппарат и стал лихорадочно вращать ручки, настраиваясь на Москву. И вот я уловил голос диктора! Он говорил о возмездии, наступающем фашистов, о неминуемой расплате за все их злодеяния и о великой победе, которая теперь уже не за горами. Это длилось всего несколько минут. Я прильнул к приемнику, боясь шелохнуться, но передача подошла к концу. И вдруг: «Мы передавали статью Ильи Эренбурга...» У меня аж мурашки пробежали по телу.

Советская армия взяла Даугавпилс и его окрестности 27 июля 1944 года. Освобождение застало меня в деревне Кейши Калупской волости. Не буду описывать свои пережи-

вания. Я сразу вернулся в мой город, полуразрушенный, пыльный, совсем не такой, каким помнил его с детства. Я увидел много людей, но среди них — ни одного еврея и вообще ни одного знакомого. Для меня это была пустыня. Я бродил, не зная, куда деваться, ночевал в брошенных квартирах, пока не нашел пристанище в «истребительном батальоне»⁴, наспех сформированном из местного населения. Мне выдали большой немецкий автомат, который чуть ли не волочился по земле, и стали посылать на задания — патрулировать улицы. Иногда я забирался в развалины домов и стрелял в воздух, пугая прохожих. Мне было пятнадцать лет.

Вскоре я узнал, что проводится срочный набор на курсы ОСОАВИАХИМа⁵, находящиеся где-то под Москвой. Достаточно было услышать слово «Москва», чтобы я загорелся желанием попасть туда. Это было трудно, но меня все же взяли, несмотря на то, что совсем не подходил по возрасту. Не помню, как назывался поселок, куда из Даугавпилса с пересадкой в Москве прибыла наша группа. На курсах было два отделения — собаководов и саперов. Меня определили во второе. Здесь учили обезвреживать взрывные устройства. Но я, как ни старался, все не мог в них толком разобраться. Курсантов готовили к отправке на минные поля.

После занятий и по выходным я ездил в Москву. Она ошеломила меня. Такого огромного города я никогда не видел. Но было еще одно очень сильное впечатление: по улицам свободно ходили евреи! Каждый, кого я принимал за еврея, вызывал неодолимое желание подойти и за-

Семен Шпунгин. Фото 1944 года

Овадий Савич

вести разговор под любым надуманным предлогом. Меня не отпускали мысли о пережитом.

Так я познакомился с человеком средних лет у входа в большой дом, на котором была вывеска какого-то научного института. Приветливый и общительный, этот человек внушал доверие. Слово за слово, и я уже излагаю ему свою историю, а он слушает меня внимательно и задает вопросы. Отвечая на

один из них — о том, что меня интересует в Москве, — я поделился своей давней мечтой о встрече с Эренбургом... Мой собеседник взглянул на меня, чуть улыбнулся и попросил немного подождать. Он скрылся за дверями института и через какое-то время вернулся с запиской в руке:

— Здесь адрес и телефон писателя Овадия Герцовича Савича⁶. Пойдите сначала к нему, прямо сейчас, а потом вас сведут с Ильей Эренбургом. Вечером он будет вас ждать.

Я понятия не имел, кто такой Савич. Лишь позднее узнал, что это самый близкий друг Ильи Эренбурга. Они были неразлучны с начала двадцатых годов. Одновременно работали во Франции, писали репортажи о гражданской войне в Испании, постоянно встречались, общались семьями. Эренбург писал в своих мемуарах: «Черновики многих моих книг испещрены пометками Савича — он замечал немало погрешностей... Я ему многим обязан». В ранней молодости Овадий Герцович был актером, потом стал профессиональным литератором. Он автор несколь-

ких романов, ряда повестей и рассказов, но особенно ценились его переводы стихов поэтов Франции, Испании и Латинской Америки.

Чета Савичей проживала на Старом Арбате (тогда просто Арбате). Хозяева приняли меня радушно, были ко мне очень внимательны. Они усадили меня за стол, накормили и всячески старались, чтобы я чувствовал себя непринужденно. Теплоту, которой меня окружили, впоследствии я ощущал постоянно, когда бы ни приходил в этот дом. Аккуратно одетый, подтянутый, с темной шевелюрой, тронутой проседью, Овадий Герцович был мягким и удивительно деликатным человеком. Под стать ему была утонченная, обаятельная Аля Яковлевна. Много лет спустя я случайно узнал, что она дочь известного московского казенного раввина⁷, юриста по образованию Якова Мазе⁸, чье имя вошло во все еврейские энциклопедии. Савичи навсегда остались в моем представлении эталоном интеллигентности.

Тогда мы долго сидели с Овадием Герцовичем у его письменного стола и вели разговор о Даугавпилсском гетто. Он вникал в мельчайшие подробности, связанные с моей судьбой, уточнял имена людей и даты недавних событий, детально расспрашивал о моем побеге, о том, как меня поймали и доставили в гестапо, а потом чудом выпустили оттуда, поверив, будто я отстал от поезда с беженцами. И все это Савич заносил в тетрадь, заполняя страницу за страницей. Сделанные им записи позднее легли в основу отдельной главы в «Черной книге» («Рассказ Семьи Шпунгина»)⁹. По окончании беседы Савич позвал из соседней комнаты племянника и попросил проводить меня к Эренбургу.

И вот минут через сорок мы в квартире Эренбурга на Горького (ныне Тверская), 8. Он приглашает меня в свой кабинет и указывает на мягкое кожаное кресло. А я смотрю на него во все глаза, не оглядываясь и не замечая вокруг предметов, столь запомнившихся мне по будущим

Илья Эренбург в своем рабочем кабинете. 1940-е годы

посещениям: большой стол, заваленный бумагами и журналами, стеллажи с эренбургскими книгами на разных языках, его портреты работы Пабло Пикассо и других выдающихся художников, знаменитая коллекция трубок... Я вижу тихого, чуть сутулого человека в мешковатом твидовом пиджаке и пытаюсь осознать невероятное. Ведь со мной рядом сам Эренбург, и при желании можно даже коснуться его... Голос Ильи

Григорьевича выводит меня из замешательства. Коротко, сухо, по-деловому он задает всего два вопроса, причем неожиданных. Во-первых, желаю ли я остаться в Москве, и, во-вторых, намерен ли пойти учиться в школу. На то и другое, не задумываясь, отвечаю утвердительно. Больше ни о чем он не спрашивает, успев, как видно, уже созвониться с Савичем. И на прощание:

— Хочу вам помочь. Наберитесь немного терпения. Как только выясню возможности, дам знать...

А через две-три недели бесслесный секретарь Эренбурга Валентина Ароновна Мильман, обыскав Москву

через своих знакомых и их знакомых, нашла семью, согласившуюся принять «мальчика из гетто». Софья Борисовна Лифшиц, муж которой погиб в ополчении, ее старенькая мать и дочь-студентка занимали две комнаты в коммунальной квартире на Тверском бульваре. Софья Борисовна преподавала на кафедре политэкономии в Институте иностранных языков. Это была женщина с властным характером и с добрым сердцем. В семье, приютившей меня, я чувствовал себя хорошо и не знал забот, хотя жили в некоторой тесноте и по карточкам. Я мог лишь догадываться, что Эренбург и Савич оказывают помощь, но мне об этом не говорили.

На первых порах у Эренбурга было со мной немало хлопот. По его просьбе генерал, возглавлявший ОСОА-ВИАХИМ, издал приказ о моем увольнении «по несовершеннолетию» с указанием, чтобы мне оставили выданное обмундирование. Вдобавок Эренбург прислал свою фронттовую шинель и еще кое-что из своей военной экипировки. Далее встал вопрос о прописке. В закрытой Москве, да еще во время войны, это было непросто. Опять все решил звонок Эренбурга, за которым последовало распоряжение начальника Управления милиции столицы...

Но оказалось, что у меня нет никаких документов, кроме справки об отчислении с курсов. Пришлось оформлять

Илья Эренбург. Портрет работы Пабло Пикассо. 1948 год

свидетельство о рождении «по восстановлению возраста» в ЗАГСе. На вопрос о моем имени я ответил «Семен», но вмешалась Софья Борисовна:

— Нет, не Семен, а Сема, — он еще маленький. Возражать было бесполезно. Так и записали. Можно себе представить, сколько потом понадобится усилий, чтобы изменить эту запись. Непредвиденный случай произошел и в отделении милиции, куда я явился для прописки. В отдельной комнате двое в штатском учинили мне допрос прямо с порога:

— Какую разведывательную школу вы кончали у немцев? Быстро назовите расположение и даты! Отвечайте!!

Сперва я опешил, а потом взорвался да так, что в конце концов чекисты стали меня успокаивать. Помню их слова напоследок:

— Уж извините, у нас работа такая.

Учиться я пошел в заведение под названием «Городская очно-заочная школа». Пропустив три года, в обычной школе я был бы «переростком». Ко всему прочему я совсем не знал русской грамматики. Весь мой довоенный багаж в Латвии — это три класса на ашкеназском иврите и еще четвертый на идише. Тем не менее за один учебный год я одолел в Москве и пятый, и шестой классы.

Я встречался с Валентиной Ароновной Мильман, другими людьми из круга общения Эренбурга и Савича. Появились и новые знакомые. Нередко я посещал Еврейский антифашистский комитет на улице Кропоткина, где, случалось, разговаривал с Львом Квитко, Ициком Фефером, Перцем Маркишем¹⁰. Однажды меня пригласил Василий Гроссман, чтобы написать обо мне корреспонденцию для зарубежных газет. Она была передана через Совинформбюро¹¹.

Я ненасытно читал книги, желая наверстать упущенное, и даже слагал стихи, о чем не стоило бы вспоминать, не будь у этого моего возрастного увлечения некоторых последствий. То, что у меня тогда получалось, стихами

назвать можно с большой натяжкой. И все же подчас возникали строки, не ушедшие из памяти:

Я помню тот день с рассвета,
И вал, ограждающий гетто,
И палачей озверелость,
Как рядом прощались люди,
Как кто-то молил о чуде,
Как жить мне тогда хотелось...

Ума не приложу, как я осмелился показать свои «произведения» Эренбургу. Илья Григорьевич, просмотрев исписанные листки, только и сказал:

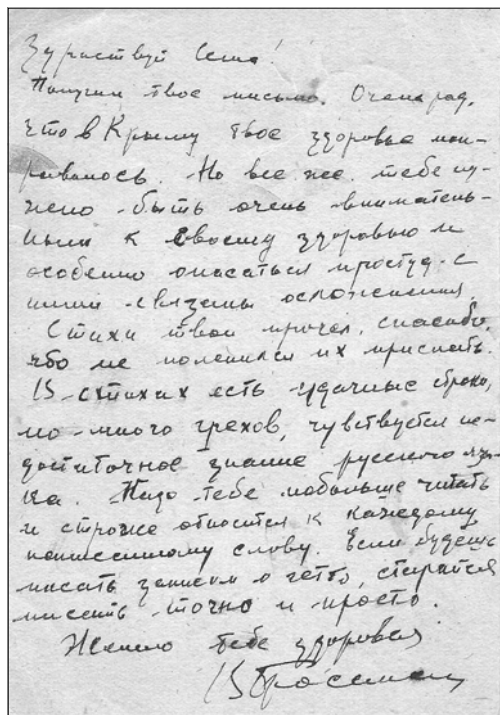
— Есть удачные строки, но вам предстоит много работать над собой.

Тем более удивительно, что у него, как я мог в дальнейшем убедиться, сложилось впечатление, что мои «литературные» опыты не безнадежны. Позднее, уехав из Москвы, я так же самонадеянно послал свои сочинения Василию Гроссману. Он ответил откровенно: «...стихи твои прочел, спасибо, что не поленился их прислать. В стихах есть удачные строки, но — много грехов, чувствуется недостаточное знание русского языка. Надо тебе побольше читать и строже относиться к каждому написанному слову. Если будешь писать записки о гетто, старайся писать точно и просто».

3 марта 1945 года газета «Эйникайт» («Единение»)¹², издававшаяся на идише Еврейским антифашистским комитетом, поместила статью с моим портретом под весьма «оригинальным» заголовком

Василий Гроссман

Письмо Василия Гроссмана Семену Шпунгину

случайно узнали две сводные сестры моей мамы, которые еще до Первой мировой войны уехали в Петербург, вышли замуж и постоянно жили там, а в эту войну перенесли блокаду Ленинграда. Одна из сестер, тетя Нюта, поспешила в Москву, чтобы повидаться со мной. При встрече она обняла меня, расплакалась, а потом стала настойчиво уговаривать переехать в ее семью. Я согласился и спустя несколько месяцев — осенью 1945 года — покинул Москву.

В Ленинграде родственники приняли меня как сына. Но едва начав посещать школу, я серьезно заболел. У меня обнаружили открытую форму туберкулеза. Мне казалось, что это конец. Не только болезнь ввергла меня в отчая-

«Сема Шпунгин». Статья завершилась словами: «Солдаты Красной армии! Вас благословляют дети, которых вы спасли из фашистского ада! Вас благословляют матери, сестры и братья!»

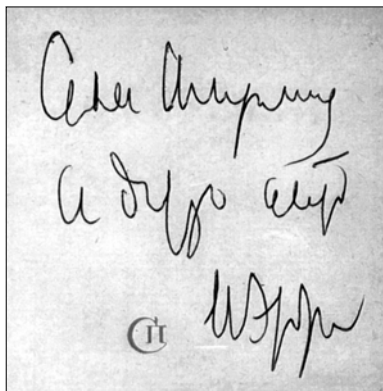
День Победы до поздней ночи я провел в ликущей толпе на Красной площади, которая освещалась прожекторами и россыпями разноцветных огней незабываемого салюта.

О статье в газете «Эйникайт»

ние, но и необходимость бросить школу. Я сохранил письмо Савича, присланное в ответ на мое сообщение о случившемся. Это письмо было для меня большой поддержкой, а лестные слова о моих способностях скорее говорят о сердечности Савича и его добром отношении ко мне. Приведу лишь отдельные отрывки.

«Милый Сема, нельзя так отчаиваться... Вы спаслись, Вы нашли родных не для того, чтобы болезнь парализовала Вас... Вам ли не знать, что гибнут безвольные, не сопротивляющиеся. Найдите в себе мужество тех дней, когда Вы бродили по дорогам, спасая свою жизнь... Эренбург сказал мне, что на Нюрнбергском процессе один ленинградец, фамилии которого он не помнит, говорил ему про Вас и называл подающим надежды начинающим поэтом. Он прибавил, что Вы еще нетвердо знаете русский язык... Что делать, придется, может быть, пожертвовать год учебы. Зато подумайте, многие ли в Вашем возрасте столько пережили и многие ли уже обратили на себя такое внимание своими способностями. Право же, одно стоит другого...»

Меня лечили и поставили на ноги в Туберкулезном институте на Лиговке, а потом еще долго приходилось терпеть неприятнейшую процедуру «поддувания» легкого. Летом 1946 года я возвратился на родину — в Даугавпилс, где климатические условия были более благоприятными для моего выздоровления. Здесь я жил в семье дяди Моисея, младшего брата моего папы. В начале войны он успел эвакуироваться и вернулся инвалидом, потеряв на фронте сына. Дядя был фотографом, дом его со студией уцелел, и потому он мог снова заниматься своим делом. А я окунулся в учебу, «перепрыгивая» через классы, которых в школе у нас было тогда 12. К тому же я стал активным участником городского литературного объединения. Мои корреспонденции, стихи и даже рецензии время от времени печатались в местной газете «Латгальская правда» и в рижской «Советской молодежи».

Дарственная надпись Ильи Эренбурга Семену Шпунгину на форзаце романа «Буря»

Связи с моими московскими покровителями не прекращались. Эренбург однажды прислал мне двухтомник Александра Блока, потом и свои романы «Падение Парижа» и «Буря». У Ильи Григорьевича, между прочим, был настолько неразборчивый почерк, что никто из моих знакомых по сей день не может расшифровать простую дарственную надпись: «Семе Шпунгину на

добрую память — Илья Эренбург». Только подпись автора различима.

Через два года, т. е. в 1948 году, я уже учился в выпускном 12-м классе и готовился к экзаменам на аттестат зрелости. Но как раз в это время возникли обстоятельства, выбившие меня из равновесия. Мой дядя настаивал на том, чтобы, окончив школу, я не думал ни о каком вузе, а освоил ремесло фотографа и стал подмастерьем. В ответ на мое письмо по этому поводу Илья Эренбург откликнулся несколькими строчками, отпечатанными на машинке: «Дорогой Сеня, спасибо за письмо, советую не обращать внимания на домашние неурядицы и налечь на учебу, чтобы потом легче было попасть в высшее учебное заведение. Шлю сердечный привет...»

В том же духе сразу написала мне и Валентина Аронова-Мильман, секретарь Эренбурга: «Сема, голубчик... чувствую, что тебе сейчас трудно и даже очень. Советую тебе одно: все, поскольку возможно, отложить в сторону и сосредоточить все силы и стремления на учебе. Вот надо, чтобы были все пятерки, — тогда дорога перед тобой открыта... А мы все, которые тебя любим и в тебя верим, поста-

раемся сделать так, чтобы тебе было легче и интересней жить... Тебе ведь осталось так немного — соберись с силами и нервами и сделай все на “отлично”...»

Весной следующего года я получил аттестат зрелости с серебряной медалью. Тогда это позволяло быть принятым в высшее учебное заведение без вступительных экзаменов. И я, конечно, поехал в Москву преисполненный радужных надежд. Не раздумывая, пошел в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (МГУ)

Евгений Долматовский

сдавать документы на отделение журналистики филологического факультета. Но не тут-то было: в приемной комиссии, как только увидели пятую графу¹³ моего паспорта, сказали, что у меня нет никаких шансов на зачисление и отправили восвояси. Без всяких объяснений. Я не учел, какое это было время, не знал, что уже разгромили Еврейский антифашистский комитет, арестовали крупнейших еврейских писателей, зверски убили Михоэlsa и что уже исподволь вынашивались другие зловещие планы.

Что было делать?

Я обратился за советом к Эренбургу, предположив, что, может быть, стоит переориентироваться на Литературный институт им. Горького. Но Илья Григорьевич не мог ничего посоветовать в этой ситуации. Он, как и я, сомневался, но все же позвонил при мне поэту Евгению Долматовскому¹⁴ с просьбой «подкорректировать» мои стихи, поскольку в институт надо было представить образцы

творчества. Что уж греха таить, Евгений Аронович несколько часов поработал со мной у себя дома и «справился» с ролью придирчивого редактора. Дальнейших осложнений не было. Так я стал студентом вуза, не связанного с моими прежними намерениями.

Я успешно сдал экзамены и зачеты за оба семестра, но когда кончился учебный год, случилось неожиданное. Всем, кто был принят на первый курс прямо со школьной скамьи, вернули документы... Правда, с обещанием согласованного перевода в другие вузы. Дело в том, что в 1950 году планировалось преобразование Литинститута в Академию писателей.

Так начался новый виток моих приключений на подступах к высшему образованию. И в дальнейшем не обошлось без вмешательства Ильи Эренбурга, но прежде, чем рассказать об этом, необходимо изложить предшествующую почти детективную историю. На филфаке МГУ, как и в прошлом году, не стали со мной разговаривать. И тогда у меня возникла идея обратиться за содействием в Союз советских писателей СССР, при котором числился Литературный институт им. Горького. В приемной генерального секретаря Союза писателей А. А. Фадеева сидел один импозантный посетитель — человек в очень темных очках и с тростью в руке. Вдруг он посмотрел на часы и, сказав секретарше, что вернется ровно через час, ушел. Поскольку его лицо показалось мне знакомым, я заинтересовался, кто же это был, и выяснил — Вилис Лацис...

Вот это да! Надо непременно попробовать воспользоваться нечаянно подвернувшейся встречей, решил я, зная о том, что писатель еще и занимает пост главы правительства Латвийской ССР. Дождавшись его возвращения и находясь рядом с ним в той же приемной, я с его позволения рассказал о своей проблеме. Лацис был в хорошем расположении духа.

— Что ж, я понимаю ситуацию, — сказал он. — Но раз вы из Латвии, не будем жалеть бумаги! Пойдите в Постоянное представительство Совмина республики на улице

Вилис Лацис (справа) и Илья Эренбург. Рига, 1960-е годы

Чаплыгина и попросите от моего имени постпреда Паэгле написать ходатайство в Московский университет. Я ему тоже скажу об этом. А если ходатайство не поможет, сообщите мне в Ригу. Что-нибудь придумаем.

Официальную бумагу с печатью я отнес на факультет, где ее рассмотрели и... отклонили. Глухая стена! Я написал, как было условлено, письмо в Ригу на имя Лациса, не очень-то, правда, надеясь, что секретариат его передаст ему лично. Но дней через десять, 18 июля 1950 года, вдруг получаю правительственную телеграмму из нескольких слов: «ПИСЬМО КАФТАНОВУ ВЫСЛАНО ЗАМПРЕД СОВМИНА ЛАТВИИ ОСТРОВ». Вскоре я узнаю содержание «депеш», адресованной министру высшего и среднего специального образования СССР. Правительство республики, оказывается, официально просит зачислить меня переводом на второй курс отделения журналистики филфака МГУ в счет брони Совмина Латвийской ССР! Это означало, что Московский университет не сможет отказать...

 <h1 style="text-align: center;">ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА</h1>		1145	
		147/1 РИГА	ПЕРЕДАЧА
ДЛЯ ЗАМЕТОК	Бл. № 370	Получил:	ПРАВительСТВЕННАЯ МОСКВА ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР 5 КВАРТИРА ШПУНГИНУ
И: ПР РИГИ 106 10 18 1127	Сл. №	Передат:	
ПИСЬМО КАФТАЦОВУ ВИСЛАНО 17 ИЮЛЯ ПР ОБЗ ЗАПРЕДСОВНИКА ЛАТВИИ ОСТРОВ			
КОРРЕКТОР ТЕЛЕГРАММ РОГОЖИНА Е. И.			

Телеграмма Совета министров Латвийской ССР Семену Шпунгину.
18 июля 1950 года

Так и произошло. Меня приняли беспрекословно и даже выписали студенческий билет! Но, увы, я слишком рано обрадовался. «Детективная» история продолжалась. Когда осенью начались занятия, моего имени не оказалось в списке студентов отделения журналистики. Я обнаружил его совсем в другом месте на романо-германском отделении. В деканате сказали: «Такое решение принято...» И вот я сижу на семинаре, почти ничего не понимая со своим школьным немецким, — настолько далеко продвинулись тут за год в изучении языка.

...Эренбург попросил меня прийти в назначенное время в его депутатскую приемную. Подумав над тем, что я ему рассказал, он решил связаться с одним из главных распорядителей на факультете — заместителем декана Зозулей.

— Только давайте это обставим посолоннее, — сказал Илья Григорьевич, — позвоните ему, будто вы мой секретарь, и сообщите, что соединяете со мной.

Набираю номер:

— Михаил Никитович? Минуточку.. С вами сейчас будет говорить Илья Эренбург, — и, услышав торопливое «да-да, я жду...», передаю трубку.

Отвечая по ходу разговора на задаваемые вопросы, Зозуля юлил и утверждал, что мое зачисление зависело не от него, а от Антропова, заведующего отделением журналистики, и советовал обратиться именно к нему. Но когда затем Эренбург перезвонил Антропову, тот заявил, что возражение исходило от... Зозули. Игра в кошки-мышки.

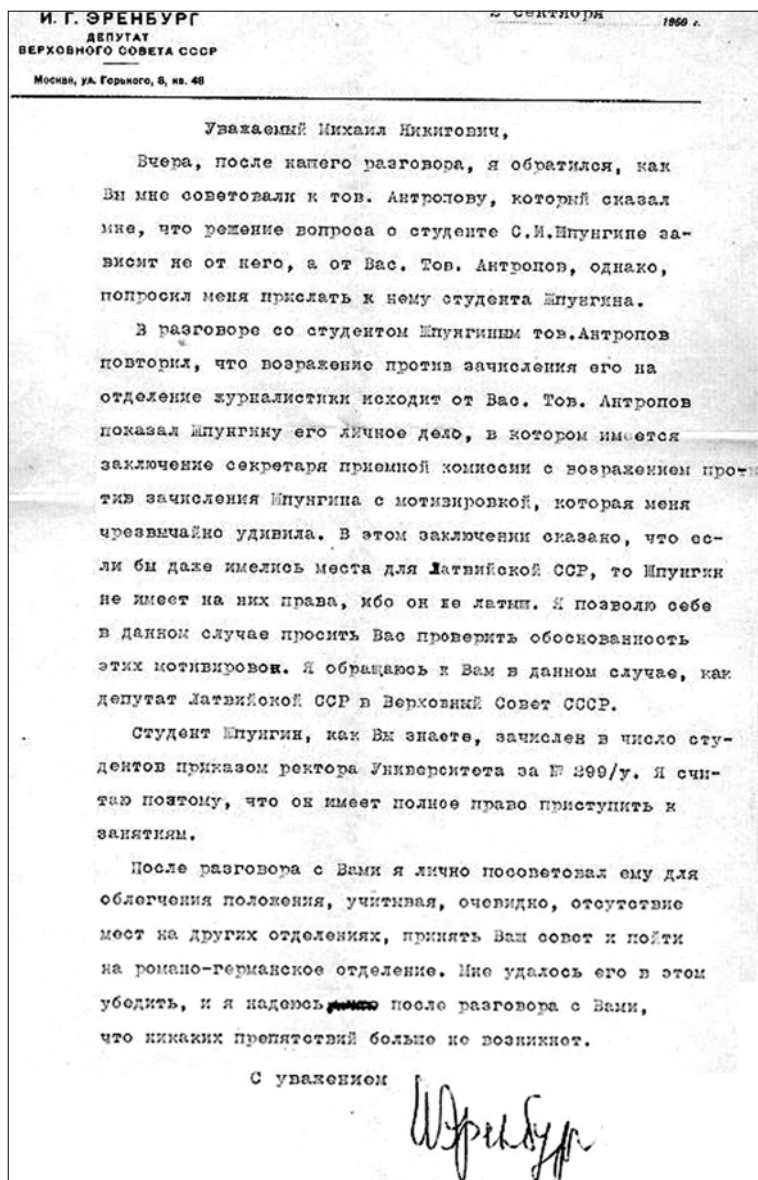
В этот же день я поспешил к Антропову. Он не стал ничего объяснять, а лишь молча достал мое дело и показал находившееся там письмо Совета министров Латвийской ССР. На нем красовалась размашистая резолюция: «Латвия в этом году не имеет в МГУ брони, но если бы даже была, то у Шпунгина на нее нет права, так как он не является представителем коренной национальности». Написал это секретарь парторганизации факультета Ухалов, он же секретарь приемной комиссии.

И вот новая встреча с Эренбургом — у него дома.

— Давайте оценим обстановку, — рассуждает Илья Григорьевич. — Вас приняли на одно отделение, произвольно перебросили на другое, а значит, скорее всего, вас вообще собираются исключить. Надо сейчас закрепить ваше положение. Это главное. Но, по-моему, все-таки лучше вам остаться на романо-германском отделении...

Заметив мою растерянность, Эренбург произносит:

— Не нужно печальных глаз, молодой человек, — и начинает меня убеждать, что следует на всякий случай «иметь какую-нибудь профессию за душой», что она не помешает, а наоборот, поможет в газетной работе, если это станет осознанным выбором в жизни. — Он приводит в пример Чехова, Гроссмана, других писателей и известных журналистов. А я киваю головой, не смея пере-
чить.

Письмо И. Г. Эренбурга заместителю декана филологического факультета МГУ М. Н. Зозуле. 2 сентября 1950 года

Затем Илья Григорьевич пригласил стенографистку и, расхаживая по комнате, продиктовал письмо Зозуле. Я получил его в отпечатанном виде на бланке депутата Верховного Совета СССР. Выразив свое «чрезвычайное удивление» по поводу резолюции, ущемляющей права студента Шпунгина, «поскольку он не латыш», Эренбург писал: «Я позволю себе... просить Вас проверить обоснованность этих мотивировок. Я обращаюсь к Вам в данном случае как депутат Верховного Совета СССР от Латвийской ССР». И далее: «Шпунгин, как Вы знаете, зачислен в студенты приказом ректора университета за №299-у. Я считаю поэтому, что он имеет полное право приступить к занятиям... После разговора с Вами я лично посоветовал ему пойти на романо-германское отделение. Мне удалось его в этом убедить, и я надеюсь после разговора с Вами, что никаких препятствий больше не возникнет».

Войдя в кабинет Зозули, я вспоминаю «непонятный» семинар по немецкому языку и чувствую, что не могу заставить себя примириться с романо-германским отделением... Сомневаясь, отдать ли письмо Эренбурга по назначению, я все же показываю его заместителю декана, не выпуская из рук. Он видит депутатский бланк, читает на нем свое имя, тянется за письмом, и в эту минуту я... кладу его себе в карман. Зозуля — в полном недоумении, а я ухожу...

Не желая упустить последний шанс, я с трудом добился приема у ректора МГУ и рассказал ему про то, как сначала меня приняли на второй курс отделения журналистики, а затем беспричинно и без моего ведома убрали от туда и перевели...

— Позвольте, но вас оставили в университете? — не разобрав, что к чему, спросил академик А. Н. Несмеянов.

— Да, оставили, но на другом отделении...

— Как это так — приняли на одно, а оставили на другом?... Куда, собственно, вас зачислили, на какое отделение?

— Журналистики...

— Так в чем же дело? Идите туда, коли Вас приняли, кто Вам мешает?.. — говорит Несмеянов, еще не совсем, видимо, понимая происходящее.

Действительно, кто мне мешает?! После состоявшегося странного диалога я снова посещаю Зозулю и передаю ему со смиренным видом слова Несмеянова о том, что могу оставаться на отделении, куда меня приняли, и никто, мол, не мешает этому...

— Ректор в самом деле так сказал? — недоверчиво переспросил Зозуля. — Ну... если он разрешил, так оставайтесь...

Вот и все. Больше на эту тему разговоров никогда не возникало. Со временем отделение журналистики было преобразовано в самостоятельный факультет, и я окончил его беспрепятственно. Остается добавить, что диплом с отличием вручил мне председатель государственной экзаменационной комиссии Ухалов. Тот самый, которого не устраивало, что я не латыш...

Как видно из моего рассказа, я не послушался совета Эренбурга. Хорошо ли, плохо ли — так получилось. Однако его письмо, увиденное, но не прочитанное Зозулей, все же произвело должный эффект и несомненно сыграло свою роль в прорыве глухой стены университетских «идеологов». Конечно, мне повезло, что Эренбург совершенно случайно оказался депутатом Верховного Совета СССР от Латвии, более того, от города Даугавпилса, откуда я родом. Но не менее удивительно и другое совпадение: на прием к ректору мне удалось попасть лишь потому, что он был депутатом Верховного Совета СССР как раз от того района Москвы, где я был прописан...

После университета я работал три года в Смоленске, а все остальное время — в Латвии, в Риге, где «дорос» до заслуженного журналиста республики. Бывая в Москве, я не упускал возможности навестить к Эренбургу, хотя бы взглянуть на него, пообщаться накоротке. Не помню слу-

чая, чтобы он когда-либо не принял меня, сославшись на занятость или другие причины.

Однажды, было это в первой половине шестидесятых, Эренбург рассказал мне, с какими сложностями он сталкивается в издании своего девятитомного собрания сочинений. Редакторы, у кого нос по ветру, норовят пригладить любые сомнительные, по их мнению, места; иногда доходит до курьезов. Например, в выражении «еврейский мальчик» требуют убрать первое слово, оставив только второе. Но, главное, по непонятным соображениям задерживается выпуск издания. Если первый том был подписан к печати в 1962 году, то второй — лишь через полтора года.

— Я, — сказал Илья Григорьевич, — уже отреагировал на это безобразие — предупредил издательство о своей готовности расторгнуть договор. Впрочем, добавил он улыбнувшись, — все понимают, что это невозможно. Потому что подписка на собрание с объявленным тиражом в 200 000 экземпляров давно закончена.

Другой раз зашла речь о взаимоотношениях Эренбурга и Шолохова, о которых я уже был наслышан. Удовлетворяя мое любопытство, Илья Григорьевич не стал подбирать слова для характеристики «живого классика». Пожалуй, самые мягкие из них — «антисемит», «пьяница». Эренбург вспомнил, как в 1961 году, накануне его семидесятилетия, ему в панике позвонил директор Центрального дома литераторов и сообщил о том, что Шолохов изъявил желание присутствовать на юбилее, — «директор хорошо знал, что если там будет Шолохов, то не будет меня...» Назревавший скандал едва удалось предотвратить. Иногда, находясь в подпитии, Шолохов неузнаваемо менялся и милейшим голосом вещал по телефону: «Илья, дружище, ну чего нам делить, ведь у нас с тобой всего лишь литературные расхождения!..»

Далее я услышал подробности происшествия на совещании у Н. С. Хрущева, созвавшего видных писателей страны.

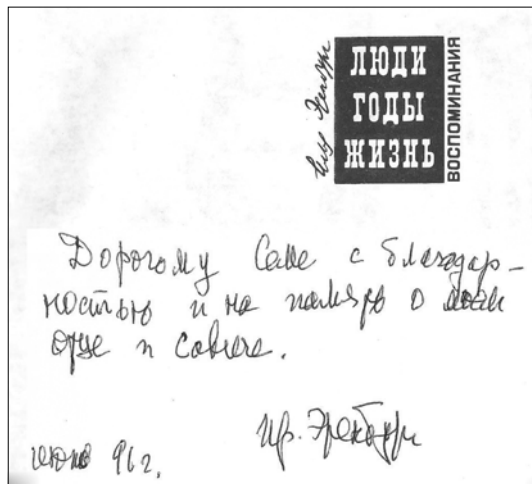
— Вдруг встает Шолохов и начинает нести чушь об одном из моих ранних романов «В проточном переул-

ке». Его выступление сводится к тому, что в этом романе одни только евреи изображены ярко, выпукло, а русские люди намеренно показаны плоскими и безликими. Поэт Александр Безыменский, не выдержав, попытался выразить протест против антисемитских высказываний в здании ЦК партии, но Хрушев грубо одернул его. Тогда я поднялся и, заявив, что не намерен сидеть за одним столом с фашистом, демонстративно покинул совещание...

— И то, что вы сказали, услышал хоть кто-нибудь? — спросил я, не скрывая удивления.

— Ну, как же, на совещании было человек тридцать, даже больше...

...Почти через тридцать лет после смерти Эренбурга его дочь Ирина Ильинична активно участвовала в подготовке наиболее полного варианта «Черной книги». По ее просьбе я послал ей вырезки публикаций, которые ее интересовали. Вскоре на мой рижский адрес пришла из Москвы посылка

Дарственная надпись Ирины Эренбург Семену Шпунгину на томе воспоминаний Ильи Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь». Июнь 1996 года

с тремя томами великолепно изданных мемуаров Ильи Эренбурга. На первом из них надпись: «Дорогому Семе с благодарностью и на память о моем отце и Савиче. Июнь 96 г. Ир. Эренбург». Тома эти заняли достойное место в моей «эренбургиаде».

ОТЗВУКИ СТАРЫХ МИФОВ

Перебирая свои бумаги, я наткнулся на газетную вырезку со статьей Кирилла Малянтовича «Буря над “Бурей”». Я специально ее отложил, чтобы откликнуться в печати, но потерял из виду и вот теперь нашел много месяцев спустя. По оплошности не пометил название газеты и дату публикации. Впрочем, вполне возможно, автор еще даст знать о себе...

Меня восхитила его цепкая память, удержавшая мельчайшие подробности истории, которая будоражила умы в конце сороковых годов прошлого века. Из уст в уста передавались слухи о том, как советский литературный бомонд вызвал «на ковер» Илью Эренбурга в связи с выходом его романа «Буря». Эту книгу с дарственной надписью Ильи Григорьевича я по сей день храню как драгоценную реликвию. Ее выпустило издательство «Советский писатель» в 1948 году — в пору нарастающей травли «безродных космополитов»¹.

Кто не знает, с каким скромным изяществом Эренбург сумел осадить и посрамить своих недоброжелателей?! Но впервые мне попались на глаза воспоминания человека, явившегося, по его заверению, свидетелем этого события. К. Малянтович поименно (!) перечисляет состав президиума, восседавшего на диспуте в московском ЦДРИ². А какие у него смачные характеристики, любо-дорого читать:

«В первом ряду — раздувшийся Сафронов, рядом — богатырская фигура Первенцева, ставшего известным благодаря написанной еще до войны книге “Кочубей”»

Илья Эренбург. 1950-е годы

(кто ее теперь помнит?). Сверкал оскалом стальных зубов, взамен выбитых в пьяной драке в “Арагви”³, драматург Суров. Блестел бритым черепом Бабаевский; виднелось пропитое лицо Михаила Бубенного, автора романа “Белая береза”, творческий путь которого укладывался в ходившую тогда по Москве эпиграмму: “Белая береза, белая головка⁴, белая горячка, Белые Столбы...”⁵»

Малянтович живописует с точностью докумен-

тальной хроники. Выступающие наперебой стараются лягнуть роман и его автора, изошряясь в обвинениях и выискивая в книге одни только недостатки. Между тем с краю (обратил внимание на детали) «в темной рубашке и сером пиджачке примостился виновник торжества — Илья Эренбург, посасывающий с невозмутимым видом незажженную трубку, словно все это его совершенно не касается.

Напряжение нарастает... Вдруг к трибуне прорывается никому не известный инженер, ветеран войны Михайлов — даже его фамилию свидетель запомнил на всю жизнь! Непрошенный гость пытается защитить понравившийся ему роман, внося неожиданный диссонанс в обличительную риторику. «Был он голубоглаз (!), русоволос, на синем бостоновом костюме пестрели планки наград...» На него все набросились, зашикали, называя дилетантом, и пристыженный инженер смутился, ушел с трибуны...

Доставлю себе и, надеюсь, читателям удовольствие изложением последовавшей затем кульминации.

— Позвольте, я прошу слова! — Голос был негромкий, но его услышали все. Пряча в карман трубку, к микрофону шел по авансцене Илья Эренбург.

Критик Ермилов на правах ведущего хотел было воспрепятствовать выступлению писателя, но зал загудел: «Дайте ему слово!», «Он же автор!», «Слово автору!»... Президиум нехотя стусевался.

И вот каким было, со слов Малянтовича, обращение писателя к его гонителям:

— Я хочу искренне поблагодарить всех присутствующих, проявивших интерес к моему роману... Я внимательно выслушал все, что тут было сказано, и... принимая критику в свой адрес, тем не менее, не во всем согласен с некоторыми товарищами. И вообще я не согласен, что в моем романе все так плохо. В этом меня убеждают письма многочисленных читателей. Их так много, что захватить все просто невозможно, и я взял лишь одно, которое мне особенно дорого...

С этими словами Эренбург не торопясь вынул из внутреннего кармана пиджака бумажник и достал листок, который осторожно развернул перед собой. В воцарившейся тишине он стал читать:

«Эренбургу Илье Григорьевичу. Прочел ваш роман с интересом. Желая дальнейших творческих успехов. С уважением — Иосиф Сталин».

Остальное легко вообразить. По залу прокатился вздох. «Хороши были физиономии в президиуме — с отвисшими челюстями, с выпученными глазами. Будто телеграммой с красным грифом Эренбург утер внезапно вытянувшиеся лица. Это стоило видеть!»

Хватит, однако, испытывать доверчивость читателей. Я был вхож в дом Эренбурга, которому многим обязан в своей жизни. И, конечно, слышал от разных людей историю о том, как провалилась расправа с писателем на так называемом диспуте. Каждый, кто ее рассказывал, особенно выразительно описывал эффект оглашения правительственной телеграммы.

Однажды я завел разговор об этом с Валентиной Ароновной Мильман, бессменным литературным секретарем и поверенной в делах Эренбурга.

— Ничего подобного не было и в помине! — ответила она. — Это просто красивая легенда, согревающая сердца читателей Эренбурга, солидарных с ним в трудное для него время. Никакой телеграммы от Сталина он не получил, и все связанное с нею придумано.

С легендой, разумеется, знакома проживающая в Хайфе Фаина Палеева, внучка Эренбурга, единственная наследница его авторских прав. Я не преминул позабавить ее, сообщив по телефону о появлении «живого свидетеля» нашумевшего диспута.

ВИЗИТ С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Когда покойного Сталина выставили на обозрение в Колонном зале Дома союзов, Москва была взбудоражена. Люди, привыкшие к очередям, готовы были стерпеть самую невероятную из них, чтобы отдать последний долг вождю всех народов. Стихийный порыв торопил их в центр города на поиски истоков огромной колонны. Это потом уже разнесся слух о сотнях, если не о тысячах искалеченных и затоптанных в давке...

Меня потянуло туда же. Пожалуй, из любопытства. Но каким бы острым оно ни было, я вовсе не мечтал окунуться в человеческий водоворот. Неужели не найду лазейку? Решив, что прощальная церемония без меня не обойдется, стал обдумывать, как перехитрить милицию. Возникла идея поначалу воспользоваться студенческим билетом МГУ. Спросят, куда я. Скажу — на лекцию. А там видно будет.

Жил я у Никитских Ворот, рядом с улицей Герцена. По ней можно было минут за двадцать спуститься до Моховой, где находился наш факультет. Но такой маршрут завел бы в тупик: оттуда все равно никуда не пропустят. Поэтому двинулся напрямую к площади Пушкина.

В конце Тверского бульвара, однако, выстроилось первое на моем пути оцепление. Как ни странно, идея моя сработала. Студенческий билет открыл передо мною проход на улицу Горького. Она выглядела пустынной. Из-за отсутствия транспорта стояла необычная тишина. Время от времени попадались редкие прохожие, не считая множества постовых. Меня несколько раз останавливали, проверяли документы.

Семен Шпунгин. 1950-е годы

Вскоре я оказался возле Центрального телеграфа. А дальше — ни шагу. Живая стена милиции напрочь перекрыла путь к Охотному ряду.

Делать нечего, я побрел в обратную сторону. На всякий случай свернул в проезд Художественного Театра¹, но и там — ограждение. Вплотную друг к другу были поставлены армейские грузовики, заполненные солдатами... Неожиданно к ним подходит некто в форме адмирала и просит помочь ка-

ким-нибудь образом преодолеть это препятствие. В ответ один из военных, склонившись над бортом, указывает на землю...

Морской начальник понял намек и при всех своих регалиях полез под машину. Видя такое, я мигом последовал его примеру. Солдаты, не ожидавшие подобной наглости, не успели опомниться. До меня донесся запоздалый вопрос: «Что, тоже адмирал?!» Раздался смех.

Так я прорвался на Пушкинскую улицу² и «влился» в людской поток, устремившийся к Дому союзов. Здесь уже не было никакой сутолоки.

Колонный зал, обтянутый вдоль и поперек черным крепом, утопал в цветах, источавших удушливый запах. Приглушенные звуки траурной музыки сопровождали бесконечное шествие. Все, не отрывая взгляда, смотрели на гроб, в котором лежал невзрачный человечек, чей облик мало соответствовал знакомым портретам вождя. И это Сталин? Бесцветное конопатое лицо удивляло не-

приглядной обыденностью. Многие плакали при виде уса- того покойника. Другие равнодушно проходили мимо.

Выйдя на свежий воздух, я ощутил облегчение. Стоило ли стараться? Теперь, оглядываясь в далекое прошлое, тем более спрашиваю себя: зачем мне это надо было? И все-таки я благодарен неизвестному адмиралу, который, не ведая того, оказал мне услугу. Памятный визит в Колонный зал стал неким фактом моей биографии. Когда заговаривают о Сталине, могу позволить себе чуточку хвастливое, но вполне оправданное замечание: «В гробу я его видал!..»

ПОД КОСЫМИ ВЗГЛЯДАМИ КГБ

Впервые я попал в поле зрения чекистов на исходе войны, когда в 15 лет пришел в милицию на пропуск. Меня отвели в отдельный кабинет, где двое в штатском учинили перекрестный допрос. Они допытывались, в какой немецкой разведшколе меня готовили, не допуская, что мальчишка мог чудом спастись из гетто. Железная логика: живой — значит, неспроста. К этому изначальному пятну в моей биографии, не считая памятной «пятой графы», со временем, наверно, добавились и другие. Какие именно, не буду гадать. За долгие годы работы в журналистике я привлекал внимание «органов» по разным поводам. И всегда было ощущение, что на меня смотрят искоса. Даже в тех случаях, когда со мной обращались вполне корректно или с подчеркнутой вежливостью...

Как меня вербовали

По окончании факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова меня направили в Смоленск, в областную газету «Рабочий путь», где я обязан был отработать три года. Срок уже подходил к концу, и как раз в это время по заявке редакции меня аккредитовали на Всемирном фестивале молодежи и студентов, который должен был вот-вот открыться в Москве. Охваченный нетерпеливым ожиданием, я больше всего прочего мечтал увидеть израильтян. Хотелось узнать, какие они, чем дышат эти парни и девушки «оттуда», восполнить скудную информацию, прорывающуюся по радио сквозь грохот «глушилок».

И вот уже выписана командировка и куплен билет на поезд. За пару дней до отъезда иду себе по улице, как вдруг меня останавливают двое прохожих. Назвав мою фамилию и убедившись, что не ошиблись, они представляют себя сотрудниками Комитета госбезопасности... «Пройдемте, нам надо кое-что обсудить».

В областном управлении КГБ мне доходчиво объяснили, что всемирный фестиваль — важнейшее политическое событие. Но вместе с тем наплыв иностранцев таит опасность. Необходима бдительность, так как враждебные элементы способны на провокации. Поэтому органы безопасности из разных городов посылают на подмогу москвичам своих людей. Среди них будет и представитель Смоленска.

— Мы сочли нужным воспользоваться вашей командировкой, чтобы вы были на связи с этим человеком. От него получите в Москве конкретные поручения.

Я наотрез отказался:

— Слово советского журналиста не менее полезно для Родины, чем ваша работа. Каждый должен заниматься своим делом. Любые побочные поручения будут мешать выполнению моей задачи. У меня нет ни времени, ни опыта, ни желания брать на себя чужие обязанности.

Кагебешники не отступали, взывая к моей сознательности, гражданской совести и патриотизму. «Беседа» длилась довольно долго, пока меня не препроводили к начальнику управления. Это был мужчина лет 45-ти по фамилии Федоров, выше среднего роста, плотный, с нахрапистым норовом. Он начал с упрека, едва сдерживая раздражение:

— Какой же вы журналист, если не хотите сотрудничать с нами?!.. А еще выпускник Московского университета...

Потом повысил голос и совсем сорвался на крик:

— Тоже мне нашелся герой!.. Мы вам покажем!... Думаете, нам не известно ваше прошлое в буржуазной Лат-

вии? Вы состояли в Бетаре! Небось еще не забыли, что такое «Иргун цваи леуми»? (Национальная военная организация. — С. III.).

Неплохо натасканный на сионизме, Федоров сыпал словечками и фразами на иврите. Было видно, что он хочет поразить меня своей заученной осведомленностью. В Даугавпилсе, втором по величине городе Латвии, откуда я родом, до прихода советской власти в 1940 году действительно существовала молодежная организация Бетар, но детей туда не принимали. Иногда мы бегали туда слушать песни, смотреть строевые занятия и спортивные игры. Мне нравились форменные рубашки командиров, перетянутые портупеей.

— Вот что, — изрек начальник, — или вы принимаете наше предложение, или ваша поездка отменяется! Одно из двух.

Стало быть, прощай фестиваль! Обидно... Но тут мелькнула мысль: пусть считают, что сломили меня, пусть думают, что хотят. Главное — попасть в Москву. Как только меня осенило, я сделал вид, что напуган услышанными угрозами, и перестал возражать. Тон разговора сразу изменился. Мне рассказали, как поддерживать контакты с посланцем ГБ из Смоленска...

День открытия фестиваля наступил 28 июля 1957 года. Праздник привлек гостей из 131 страны. Центр Москвы сверкал чистотой. Подкрашенные дома, пестрота цветных транспарантов с одним и тем же лозунгом на разных языках: «За мир и дружбу». Запомнились шумные толпы на улицах, иностранцы с размалеванными лицами, их вызывающе бросающие одежды.

Забегая вперед, не могу не сказать, что на фестивале, который продолжался две недели, мне позволили присутствовать всего несколько дней. Но обо всем по порядку.

По вечерам я звонил в Смоленск стенографистке и диктовал сообщение в номер. Настал черед события, за которым я охотился. Календарный план, выданный журнали-

стам, информировал, где и когда состоится встреча делегаций СССР и Израиля. Имея документ об аккредитации и нагрудный знак «Пресса», я мог самостоятельно явиться по указанному адресу, но предпочел поехать туда с советской делегацией. И скоро выяснилось, что поступил правильно. Иного пути не было.

Когда автобусы прибыли на место встречи, оказалось, что оно перенесено. Нам дали другой адрес, но и там никто не ждал. Мы петляли по городу, несколько раз меняя направление. Так выглядела операция по замечанию следов, придуманная для того, чтобы оградить «засекреченное мероприятие» от московских евреев.

Наконец, мы у цели и видим израильтян... на улице! Они выстроились по бокам длинных ступеней, по которым мы поднимаемся к дверям некоего клуба. Нас встречают радостными возгласами, цветами, объятиями.

Внутри помещения, перед тем как войти в зал, советская делегация обступила своего руководителя. Он провёл короткий инструктаж: занимать места только вместе, обособленно, да поменьше разговаривать с чужими!

Я, конечно, подсел к израильтянам и общался с ними на ломаном иврите, вспоминая знакомые с детства слова. Меня удивило, что гости были слабо осведомлены о положении евреев в СССР и о том, как здесь препятствуют пробуждению их национального самосознания.

Вслед за торжественной церемонией, когда со сцены отзвучали приветственные речи, состоялся концерт с участием обеих сторон.

Израильская делегация была смешанной. Она состояла из сионистов и коммунистов (евреев и арабов), которые явно не ладили друг с другом. Так, препирательство между ними сорвало исполнение гимна «Атиква»¹.

Во время перерыва в клубном фойе ко мне подошел человек, обративший внимание на знак «Пресса». Озираясь, он шепотом спросил:

— Скажите, а которые тут сионисты?

— Да вот же они! — указал я любопытствующему на толпившихся рядом молодых активистов Компартии Израиля...

Очередной звонок в газету. Стенографистка на другом конце провода зачитывает мне телефонограмму от редактора В. Медведева: «Немедленно возвращайтесь утренним поездом по служебной необходимости».

Кто стоит за этим распоряжением, не приходилось сомневаться. Но почему? За что меня отзывают? Засекли на «самовольном» общении с израильянами? Или потому, что не вышел на связь с гебистом?

Как и следовало ожидать, в редакции не случилось ничего особенного. Ничего такого, что срочно требовало моего присутствия. Привычные будни. Рутинка. Не успел втянуться в работу, как меня вызвали в КГБ.

— Ну, рассказывайте, — обратились ко мне, — что вы там видели на фестивале? Было что-нибудь достойное нашего внимания?

— Конечно! — ответил я и стал серьезно рассказывать о «возмутительном факте».

На моих глазах молодую блондинку, прогуливавшуюся возле гостиницы «Москва», повел к себе в номер корреспондент египетской газеты «Аль-Гумхурия»!

Хотел было еще добавить некоторые подробности, но меня не дослушали. Передо мной положили на подпись бумагу. Текст расписки помню дословно: «Обязуюсь нигде, никогда и ни при каких обстоятельствах не разглашать разовое задание органов госбезопасности». Так закончилась моя наивная попытка перехитрить всесильное ведомство.

На страже секретов полишинеля

В сентябре 1957 года я уехал в Ригу. Латвийское телеграфное агентство, куда меня приняли на должность корреспондента, было частью единой информационной системы страны и работало на правах отделения ТАСС.

У каждого журналиста были свои обязанности. Мне довелось заниматься освещением новостей науки. Поис-

ку во многом способствовали связи, которыми я обзавелся в академических институтах, на кафедрах вузов и т. д. Писать приходилось о разном — и о безвредных вирусах, начисто уничтожающих раковые опухоли у животных, и об экспериментах в области магнитной гидродинамики, позволяющих получать сплавы из несовместимых металлов, и даже о следах кометы Галлея, запечатленных в латышском фольклоре.

Моей задачей было находить темы, представляющие познавательный интерес, и излагать их понятным языком, не допуская профанации.

Порой возникали сложности в отношениях с цензорами Главлита². Их инструкции обязывали журналиста, сдававшего материал на научную тему, предъявлять оформленный по всем правилам акт экспертизы. Это занимало много времени и отвлекало от работы. Обходить помеху мне помогала уловка. Я приготовил своего рода «типовую справку» о том, что конкретная информация (вносилось ее условное название) «не содержит каких-либо сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати». Подпись руководителя, отвечающего за проводимые исследования, зачастую устраивала блюстителей государственных секретов.

Одно мое сообщение, появившееся на страницах газет, вызвало переполох. В нем шла речь о композитном материале с целым набором необычных свойств — разработке Института механики полимеров. Описывая новинку, я, конечно, не вдавался в технологию ее получения. Но оказалось, что это был заказ космической промышленности и тема вообще не подлежала огласке. У директора института А. Малмейстера были большие неприятности «в соответствующей инстанции».

— Как вы посмели писать об этом?! Кто вам разрешил? — кипел он, изливая свою ярость по телефону. — Все! Можете паковать чемодан! Вас уже ждут в угловом

доме! (Так называли здание КГБ в Риге на пересечении теперешних улиц Стабу и Бривибас. — С. III.)

Происшествие лишний раз доказывало, что Главлит и КГБ — две стороны одной медали. Обе инстанции, каждая по-своему, присматривали за средствами массовой информации. Что касается злополучного сообщения, меня спасла «типовая справка». Ее заблаговременно подписал заместитель директора института. Скандал замяли.

Цензура иногда вела себя непредсказуемо. Кто бы мог подумать, что ее насторожат опыты латвийских орнитологов и возникнет опасение «как бы чего не вышло»? Ученых занимала вечная загадка навигации пернатых. Предполагив, что аисты ориентируются по азимуту Солнца, подросших птенцов изолировали до начала осенней миграции, а на волю выпустили с определенной задержкой. Все было очень наглядно. Если расчеты верны, то окольцованные молодые птицы, в отличие от старых, полетят не на юг, в сторону Африки, а на запад! Об этом загодя оповестили работников орнитологических станций европейских стран. И вскоре от них поступили ожидаемые подтверждения!

Разумеется, я не мог упустить такую изюминку. Но мою корреспонденцию заблокировал Главлит. «Типовая справка» не помогла. Мне ясно сказали: «Только с разрешения Министерства сельского хозяйства СССР и только с актом экспертизы!»

Спустя пару месяцев, когда меня командировали в Москву, я отнес материал в министерство. Там его рассмотрел экспертный совет и принял категорическое решение — запретить публикацию. Мое удивление «развезял» один из членов совета:

— Неужели непонятно? Управляемая миграция птиц может стать оружием в руках ЦРУ! С ее помощью американцы вполне могут насрать на наши поля колорадских жуков и прочих вредителей...

Неважно, что результат уже был известен за границей. Лучше переусердствовать, чем недосмотреть! — такова логика чиновников, которым повсюду мерещился риск.

Нечто похожее я обнаружил в Институте биологии Академии наук республики. Здесь бросалась в глаза комната с дверями, обитыми жестью, опечатанными и запертыми на несколько замков. Ее назначение открыла мне в конфиденциальном разговоре заместитель директора института Г. Сабардина. Особо охраняемую комнату устроили по настоянию так называемых кураторов КГБ. Сюда надлежало помещать любые карты местности больше установленного масштаба. Их засекретили. Под это требование подпадала единственная уцелевшая ботаническая карта Латвии, составленная еще «при буржуазном строе». И сейчас пользоваться ею могли только сотрудники с допуском, хотя идентичные карты имелись в библиотеках многих стран, включая библиотеку Конгресса США.

Я рассказал про эту нелепую «тайну» президенту академии Я. Пейве, будущему председателю Совета национальностей Верховного Совета СССР. Свою реакцию он выразил в поведенной мне байке.

Курьера с депешей отправили поездом на сверхсекретный атомный объект. Вместо адреса ему дали конверты, вложенные один в другой, как матрешки. В каждом конверте была обозначена железнодорожная станция, на которой надо распечатать следующий. Последний конверт содержал указание покинуть поезд и отыскать в незнакомом городе ориентир — заброшенную мельницу. Рядом с нею находилось большое здание без окон. Это и был необходимый объект.

Но курьер... заблудился и вынужден был спросить, где эта мельница, у встреченной старушки.

— Как раз супротив атомки, сынок! — подсказала она. — Вон за тем домом повернешь направо, пойдешь до конца улицы и увидишь!

Пропавшие свидетели

Это было в начале шестидесятых. В мою рижскую квартиру нагрянул человек, предъявивший удостоверение КГБ. Он был среднего роста, с глубокой залысиной и в очках. Непрошеного гостя назову Очкариком. Он затеял общий разговор, не сказав ничего вразумительного о цели своего прихода. Все кружил вокруг да около. На вопрос, зачем пожаловал, ответил: «Для знакомства». Ощущая себя хозяином положения, расхаживал по комнате, бесцеремонно снимал с полки книги, перелистывал их, брал в руки и рассматривал предметы, лежавшие на моем столе. Казалось, он чего-то недоговаривает, «прощупывает» меня, приглядывается.

В облике визитера смутно улавливались еврейские черты, хотя впечатление могло быть обманчивым. Я не сомневался, что в любом случае он из «еврейского отдела».

Через какое-то время меня вызвали в «угловой дом». Повод был непонятным. В скромно обставленном кабинете с большим портретом Дзержинского находились несколько мужчин и женщина.

— Мы знаем, что в Даугавпилсе вы спаслись из гетто, где погибли ваши родители, — обратились ко мне. — Поделитесь, пожалуйста, своими воспоминаниями.

— Как, прямо сейчас? — не понял я. — У вас так много времени слушать?

— Да, вот наша машинистка, она будет записывать.

Я успел рассказать только один эпизод, и, когда кончилась страница, меня остановили.

— Этого вполне достаточно, спасибо!

— ???

— Да, хватит, вы оказали нам большую услугу..

Простившись, я направился к выходу. И у самых дверей меня настиг вопрос вдогонку:

— Извините, чуть не забыли: вам случайно не знакомы такие фамилии — Табберт и Шилле?

— Нет, не знакомы.

— Ну и ладно. Еще раз спасибо! Всего доброго!

Подоплеку неуклюже разыгранной сцены я узнал помимо КГБ. Как выяснилось, меня вызвали только для того, чтобы задать «случайный» вопрос о фамилиях. С ними связана следующая история.

В германском городе Дортмунде возбудили дело против бывшего оберштурмфюрера СС Г. Табберта и другого ээсовского чина Э. Шилле, которые в разные сроки возглавляли отделение зихерхайтсполицай (полиции безопасности) в оккупированном нацистами Даугавпилсе. Под их руководством планировались и проводились все акции в гетто — начиная с так называемых селекций и кончая рытьем погребальных рвов и расстрелами.

Всемирный еврейский конгресс передал немецкой прокуратуре список свидетелей. В нем фигурировали Соломон Ляк, Абрам Магид и еще несколько бывших узников гетто, включая меня и женщину по фамилии Вовси. Едва ли кто-нибудь из этой группы знал в лицо того и другого начальника зихерхайтсполицай, но все мы видели и пережили то, что творилось в нашем гетто.

Примечательно, что Советский Союз впервые согласился выпустить своих граждан для дачи показаний за границей. Правда, с маленькой оговоркой. Из списка были вычеркнуты две фамилии — моя и Вовси. Из Дортмунда тут же пришел запрос. Ответили: «Не удалось найти, адреса неизвестны».

Мои друзья, получившие разрешение на поездку в Германию, конечно, не утаили от меня беседы с каждым из них в КГБ. Им строго-настроено запретили говорить о знакомстве с недостающими свидетелями. Нету таких!

Мне по секрету показали официальные приглашения из немецкой прокуратуры. В них была сноска: «Если вы знаете адреса жителей Риги Вовси и журналиста Шпунгина, просим срочно сообщить посольству ФРГ в Москве или непосредственно окружному (земельному) суду в Дортмунде».

Почему нас обоих исключили из группы? Меня, возможно, потому, что «органы» по каким-то своим соображениям не питали ко мне доверия, а родственницу однофамильца — профессора М. Вовси³, проходившего по «делу врачей»⁴, — чтобы лишний раз не напоминать о сталинских репрессиях. Так мне кажется.

Но вот парадокс: КГБ объявил «пропавшим» журналиста, чьи корреспонденции в это время печатались в советских и зарубежных газетах. Большинство моих публикаций не были анонимными. Под ними стояла моя фамилия с припиской «корр. ТАСС».

На моем горизонте вдруг снова появился Очкарик. Теперь он дотошно интересовался, каким образом про меня стало известно Всемирному еврейскому конгрессу.

— Вам виднее, — сказал я. — Вы на то и существуете, чтобы все узнавать.

Он обвинял меня в неискренности, сокрытии правды, даже припугнул, что сообщит по месту моей работы...

Затем была еще одна встреча с ним, не менее странная, чем предыдущие. Сотруднику КГБ, скорее всего из «еврейского отдела», почему-то важно было услышать мое мнение... о монографии "*Kas ir Daugavas vanagi*" («Кто такие «Ястребы Даугавы»»). Книга, переданная мне «в подарок», подвергала разному организацию латышских эмигрантов в Швеции⁵. Но Очкарик, должно быть, забыл об этом и больше меня не беспокоил.

А бывшие узники гетто, которым позволили выступить свидетелями в Дортмунде, побывали там дважды — на следствии и на суде.

Аудиенция у генерала КГБ

Хотя по долгу службы в агентстве я следил в основном за научными новостями, ничто не мешало мне при желании взяться и за любую другую тему. Вот один из таких случаев, имеющий прямое отношение к этим заметкам. В октябре 1965 года все рижские газеты публиковали фотогра-

фии и репортажи о судебном процессе, проходившем во Дворце культуры завода «ВЭФ». На скамье подсудимых — разоблаченные каратели. Это они в 1942 года сожгли дотла деревню Аудрини⁶ Резекненского уезда Латвии и расстреляли большинство ее жителей от мала до велика — за укрывательство беглеца из лагеря военнопленных и связь с партизанами.

Я решил написать об этом для зарубежных каналов ТАСС. Получив «добро» из Москвы, набираю коммутатор КГБ, чтобы выяснить, как можно ознакомиться с материалами следствия и обвинительным заключением. Меня соединили с ответственным сотрудником. Тот попросил меня назвать фамилию, должность и номер служебного телефона. Обещал позвонить «завтра утром».

На следующий день узнаю ответ:

— Мы не будем знакомить вас с материалами процесса.

— Но это задание ТАСС! — пытаюсь я вставить слово.

— Повторяю, ваша просьба отклонена, вам отказано.

Что ж, спорить, «качать права» перед КГБ бессмысленно. Остается лишь известить ГРИДЗ — Главную редакцию информации для заграницы. Звоню в Москву. Слышу голос О. Незлобина, одного из редакторов, интеллектуала и эрудита, уважаемого в кругу журналистов. Объясняю ему причину, по которой снимаю свою заявку.

— Не торопитесь, Семен, — говорит он. — Малость подождите. Я сегодня же свяжусь с вами.

Часа через два, не более, — звонок из Москвы. О. Незлобин сообщает:

— Можете идти в КГБ, все в порядке.

— Но, Олег Николаевич, меня не допускают...

— Вопрос решен. Обращайтесь от имени ТАСС. Допустят.

И впрямь, ситуация изменилась как по мановению волшебной палочки. В КГБ меня снабдили материалами про-

цесса и дали к ним пояснения. Я собрал все необходимые сведения, сделал выписки и, возвратившись в редакцию, сел за работу.

...Ее завершение представляю себе во всей красе: опустошенная пачка папирос «Беломорканал» да пепельница, полная окурков. Перед глазами — исписанные косыми строками листы со многими помарками поверх зачеркнутых слов. Меня, как всегда, выручили терпеливые труженицы машбюро, умевшие разбирать мой корявый почерк.

Но я отвлекся. Отпечатанный текст еще предстояло согласовать и завизировать в КГБ. Я не предполагал, что с этой историей связана новая интрига.

Меня направили к начальнику отдела в чине майора, чья фамилия, помнится, содержала корневое слово «дуб». Посему буду его условно называть Дубенко. Передо мной был рослый человек с военной выправкой. Он не считал нужным скрывать свою неприязнь ко мне.

— А почему, собственно, вы... — начал он, с трудом подбирая слова. — Почему вы занимаетесь... этим делом?

— Я выполняю задание ТАСС.

— У вас там что... не было других журналистов?

Я смолчал, подумав, что именно от него исходил запрет, и теперь он никак не может смириться с тем, что я «пролез» в авторы корреспонденции. Его невысказанный вопрос, казалось, выпирал наружу: «Какими путями этот настырный еврей все-таки добился своего?»

Он вчитывался в мою статью медленно и въедливо, цеплялся то к стилю, то к смыслу отдельных фраз, а я отстаивал свою правоту. Но один абзац гебешный начальник целиком забраковал, потребовав переписать заново. Из путаных претензий нельзя было понять, чего он хочет. Явная прихоть, придирка на ровном месте вывела меня из себя, и я дерзко выпалил:

— Вашим рассуждениям недостает элементарной логики и здравомыслия!

Накалившуюся «беседу» перебил телефонный звонок. Майор снял трубку и шумно вскочил со стула. Вытянувшись во фронт, он отрывисто чеканил: «Есть!.. Так точно!.. Слушаюсь!.. Есть!..»

— Нас приглашает к себе генерал, — кивнул он, положив трубку. Мы поднялись на один из верхних этажей и, миновав приемную, где я оставил свой плащ, очутились в просторном кабинете. Председатель КГБ Латвийской ССР Л. Авдюкевич восседал во главе длинного Т-образного стола, обитого зеленой тканью. Он тут же встал и поспешил нам навстречу. Пожав мне руку, генерал сказал:

— Я должен принести извинения за то, что сначала вас не допустили к материалам процесса. Наши работники иногда перегибают палку. Я получил распоряжение уладить недоразумение от начальника группы референтов КГБ СССР генерала Белокопя. Присаживайтесь, пожалуйста!

Мы с Дубенко заняли места по разные стороны стола. Авдюкевич попросил меня читать вслух. Он не прерывал. Дойдя до того абзаца, к которому Дубенко особенно придирался, я обратил на это внимание генерала. Шеф КГБ обронил:

— Ничего не меняйте! Все правильно. Продолжайте.

Майор сидел, понутив голову, и не вымолвил ни слова. Когда я дочитал до конца, генерал отметил, что у него нет никаких замечаний, и завизировал материал.

Дальше происходит нечто забавное. В ту минуту, когда я в сопровождении Дубенко выхожу из кабинета генерала, в приемную входит... Очкарик собственной персоной! Он останавливается от неожиданности и с недоумением наблюдает за тем, как майор снимает с вешалки мой плащ и услужливо помогает мне его надеть. Лицо моего «старого знакомого» выражает растерянность. Надо было видеть эту немую сцену!

Алло, говорит Высоцкий

В сентябре 1974 года в столице Латвии проходили гастроли Московского театра на Таганке. Среди артистов труппы не было Владимира Высоцкого. Его приезда ожидали со дня на день. Рижане раскупили все билеты. Царил ажиотаж.

Было солнечное осеннее утро, когда в редакции на моем столе зазвонил телефон.

— Здравствуйте, вы Семен Шпунгин?

— Да, я слушаю.

— С вами говорит Высоцкий... (пауза)... из Комитета госбезопасности. Вы могли бы сейчас прийти к нам? Есть вопросы...

Поняв, что это совпадение фамилий, а не розыгрыш, я ответил, что очень занят и освобожусь лишь в четыре часа пополудни. На том и договорились. По правде сказать, у меня не было ничего срочного, просто хотелось отдалить неприятную встречу, а заодно показать свою независимость.

В бюро пропусков за мной пришел сотрудник Высоцкий и повел в свой кабинет. Мы уселись — он за своим столом, я напротив — и начали... делиться впечатлениями о первых спектаклях москвичей. Потом перешли к выдающимся талантам Владимира Высоцкого, обменялись мнениями и о репертуаре Рижского театра русской драмы.

— Вы разве меня не знаете? — спросил мой визави, прервав непринужденную беседу.

— Нет, вижу впервые.

— А я вас хорошо знаю, часто видел. Когда бывают большие научные конференции, съезды или симпозиумы, вы всегда заходите в комнату, где собирается президиум. Так вот, я раньше служил в охране руководства республики и лишь недавно переведен в другой отдел.

Действительно, в подобных случаях я всматривался в лица членов президиума, чтобы, упаси Бог, не проморгать никого из тех, кто значился в особом списке высшей но-

менклатуры. Их присутствие следовало отметить в любом газетном отчете или репортаже. Этот список у нас в редакции называли «поминальником».

— Так какие же у вас ко мне вопросы, — наконец любопытствовал я. — Что вас интересует?

— Ваши связи...

— Какие связи?

— Кто-нибудь из ваших знакомых хранит дома оружие?

— Простите? Я вас не понял.

— Вы знаете такого Лепехина?

Сообразив, в чем дело, и мгновенно вычислив, кто мог настучать, я сходу парировал вопросом на вопрос:

— А вы знаете такого Картиныша? (фамилия изменена. — С. III.)

Высоцкий улыбнулся. Тут придется сделать отступление. В штат журналистов нашего агентства невесть каким образом попал выходец из Азербайджана Лепехин, колоритная личность, авантюрист по натуре. Высокий, поджарый, со шрамом на лице, как у Скорцени, он уверял, что в прошлом работал в советской разведке «на иранском направлении». Была у него необыкновенная способность — доставать товары, которые не доходили до прилавков магазинов. Во времена тотального дефицита, что греха таить, многие из нас использовали свое служебное положение. Но Лепехин делал это открыто, беззастенчиво, у всех на виду обзванивая торговые точки и даже заводы. Он бравировал своими удачами.

Как-то раз в редакции на перекуре зашла речь о «подвигах» Лепехина, и журналисты вспоминали всякие связанные с ним истории. Я тогда рассказал, как встретил его в рижском микрорайоне Пурвциемс, и оказалось, что мы соседи. Лепехин пригласил меня на чашку чая. У него в квартире висела на стене винтовка, которую он назвал «именным оружием разведчика».

Я был абсолютно уверен, что об этом сообщил «куда надо» редактор Эдик Картиныш, один из участников пе-

рекура, уже ранее замеченный в доносительстве. Впрочем, он не скрывал, что является офицером запаса войск КГБ.

Итак, Высоцкий раскрыл свои карты. Мы разговаривали о Лепехине. И я старался выгородить незадачливого коллегу:

— Неужели у вас нет более важных дел, чем эта чепуха? Ну, висит там какое-то охотничье ружье, ну и что? Лепехин — чудак, выдумщик, фантазер. Он не представляет никакой социальной опасности!

Похоже, Высоцкий ухватился за эти слова. Он попросил изложить мое мнение письменно, «дабы знать, как реагировать, если поступят другие сигналы». Выполнить сию просьбу не стоило труда.

Вызов в КГБ, напомнивший о том, что и стены имеют уши, закончился конфузом. В лифте «углового дома» я нажал не на ту кнопку и опустился ниже первого этажа. Запах сырости, тусклое освещение. Я сообразил, что это тот самый подвал следственного изолятора, где, по слухам, когда-то находились расстрельные камеры. В полумраке возник силуэт человека:

— Вы куда направилесь?

— К выходу на улицу.

— Отсюда так быстро не выходят...

Оценив иронию невидимки, я поспешно вернулся в лифт.

Послесловие

За время моей работы в Латвийском телеграфном агентстве сменилось пять или шесть директоров. Последним из них до крушения СССР был З. Осман, типичный партийный функционер, занимавший ранее пост заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Латвии. Человек незлобивый, он был большим любителем горячительного, хотя на службе его никогда не видели нетрезвым.

Но однажды по случаю юбилея агентства состоялся банкет, и тут директор не устоял... В изрядном подпитии он отвел меня в сторону и произнес:

— Семен, Семен... Ты думаешь, мне не звонили?.. Еще как звонили!..

Эти несвязные слова зацепились в моей памяти. Я вспомнил о них много лет спустя.

Осман скончался, когда в Латвии уже была восстановлена независимость. Я был на его похоронах. Одинокого пенсионера проводили в последний путь несколько журналистов, и в их числе был Ю. Митин, бывший заместитель директора агентства. Я спросил его, может ли он объяснить, на что намекал наш шеф тогда на банкете? И вот ответ:

— Теперь уже можно обо всем рассказать. Осман однозначно имел в виду кураторов из КГБ. Они не только звонили, но и приходили, чтобы узнать, способен ли Шпунгин передавать секретные сведения за границу, используя коммуникационную технику агентства. Мы уверяли, что это исключено. Пришлось даже показать им аппаратную, где телетайпы обеспечивали связь с редакциями ТАСС, газет, радио и телевидения.

ВСТРЕЧА НА КОРАБЛЕ

Легкие на подъем, мы с моим давним приятелемлевой Б. решили податься на Кавказ. Было раннее осеннее утро 1973 года, когда мы выехали из Риги на моем еще мало обкатанном «Москвиче». За рулем сидели попеременно. Лева, в отличие от меня, был прирожденным водителем и мастером на все руки, способным устранить почти любую неисправность машины. Рядом с ним я набирался опыта.

Перед поездкой мы вывели весь маршрут по дорожным картам. Этому предшествовали кое-какие хлопоты. Чтобы доставить себе дополнительное удовольствие, заказали билеты на теплоход «Абхазия». Нам предстояло совместить сухопутное путешествие с морским.

На третий день мы были у причала одесского порта и, уладив положенные формальности, дождались переноса «Москвича» на борт корабля. Нельзя было не заметить, что две супружеские пары с машинами обслуживаются вне очереди, отдельно от других. Когда на палубу подняли «Жигули» серого цвета, их владелец — худощавый седеющий мужчина выше среднего роста — сверху наблюдал за своим попутчиком. Тот еще суетился вокруг белой «Волги» на погрузочной площадке. Я тоже присматривался к нему. Что-то знакомое всплыло в моей памяти. Был он лет пятидесяти, крепкого телосложения, русоволосый с чуть одутловатым лицом.

— Скажите, пожалуйста, кто этот человек? — отважился я спросить у хозяина «Жигулей».

— А, собственно, почему это вас интересует? — последовал настороженный встречный вопрос.

— Но если я назову его, вы подтвердите?

Не получив ответа, я снова спросил:

— Аджубей?

— Откуда вам это известно?

— Мы вместе учились на факультете журналистики Московского университета...

Признаюсь, я сказал полуправду, умолчав о том, что переходил только на третий курс, когда Аджубей закончил пятый, выпускной. И не было у нас общих лекций и семинаров, на которых мы могли бы видаться.

Холодная отчужденность моего невольного собеседника вмиг исчезла.

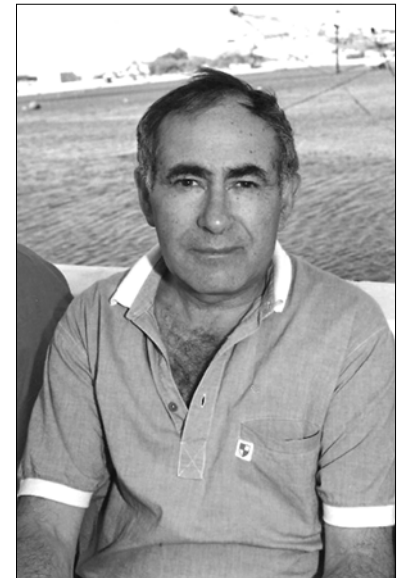
— Алексей Иванович! — позвал он. — Сюда! Тут твой однокашник нашелся!

Оставив ненадолго свою машину, Аджубей поднялся по трапу и крепко пожал мою руку:

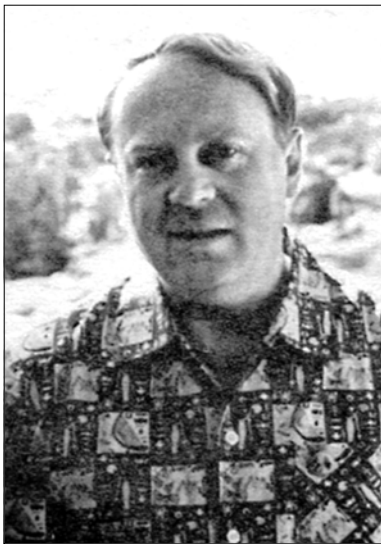
— Мне очень приятно встретиться с вами, коллега!

Так мы слевой Б. оказались в одной компании с дочерьми Хрущева и их мужьями. Общались мы три дня подряд, пока продолжался наш круиз по Черному морю. Рада Никитична тогда занимала должность заместителя главного редактора журнала «Наука и жизнь», а ее старшая сестра Юлия Никитична, удивительно похожая на отца, была уже на пенсии.

Аджубей, муж Рады Никитичны, являл собой наглядное свидетельство того, как больно падать

Семен Шпунгин. 1970-е годы

Алексей Адзубей

с вершины большой карьеры. Что и говорить, он был яркой личностью. Талантливый и амбициозный журналист, которому покровительствовал его могущественный тесть, сделал немало полезных вещей. Назначенный главным редактором «Известий», он превратил скучнейший официоз в живую, читаемую газету. Особенно привлекательной стала «Неделя», выходившая как приложение... Теперь я видел перед собою тихого, над-

ломленного человека, смирившегося с превратностями судьбы.

— Ваша фамилия помогает вам или, напротив, мешает? — спросил я при удобном случае.

— Безусловно, помогает, — ответил Адзубей, не задумываясь. — Многие еще помнят меня и, надеюсь, уважают...

Я поинтересовался, бывает ли он хотя бы изредка за границей.

— Ну, что вы... Даже Болгарию не посетил. Не смею просить. В моем положении вообще не стоит привлекать к себе внимание.

Это говорил журналист, объездивший весь мир, человек, которого номенклатура завистливо упрекала в подмене министра иностранных дел! Он старался быть в тени и ничем не выделяться, заведя отделом иллюстрированного, чисто пропагандистского журнала «Советский Союз».

Второй зять Хрущева Виктор Петрович Гонтарь, женатый на Юлии Никитичне, в прошлом был директором киевской оперы. Гуляя с нами по палубе, он доверительно рассказывал:

— Сейчас Адзубей тише воды и ниже травы. А тогда, в свои звездные годы, он был любимчиком Никиты Сергеевича, который прислушивался к его советам и предоставлял ему полную свободу действий. Меня же Хрущев держал в узде, игнорировал и, бывало, обижал. Однажды я съездил по линии культурного сотрудничества в ГДР, после чего... был арестован на короткий срок. За излишнюю самостоятельность. Мне послали сигнал: знай свое место! Зато, когда низвергнутый Хрущев сам оказался в опале, он поддерживал с нашей семьей тесные родственные отношения до конца своей жизни. Адзубей от него отдалился, опасаясь подозрительных связей.

Было у меня и у Левы «секретное» занятие на корабле, о котором не знали наши новые знакомые. Следуя расписанию передач радиостанции «Коль Израэль» («Голос Израиля») на русском языке, мы закрывались в машине и включали автомобильный приемник. Слышимость на море была идеальная. Ни грохота глушилок, ни прочих шумовых помех. Израиль, опьяненный победой в Шестидневной войне¹, беспечно жил мирными заботами и, казалось, не очень-то беспокоился о своей безопасности. Никто не считал дни, остающиеся до новой войны — Судного дня², которая вот-вот застанет страну врасплох...

Как-то мы обратили внимание на странное совпадение. В. П. Гонтарь уединялся в своих «Жигулях» именно в то время, когда мы слушали Израиль. Сделав это открытие, мы слевой не могли поверить...

— Вы догадались, — рассеял впоследствии наши сомнения Виктор Петрович. — Я постоянно ловлю передачи Израйля. Это издавна для меня интереснейший источник информации.

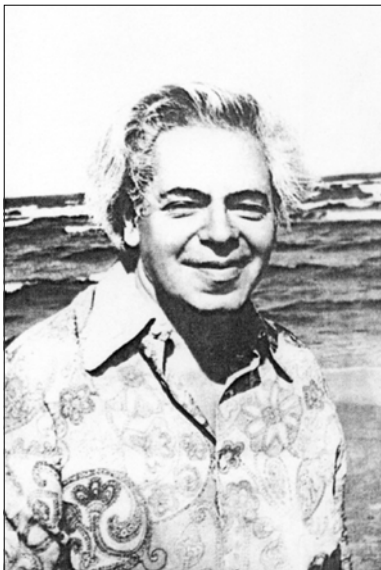
Глядя нам обоим в глаза, он с грустью добавил:

— Ребята, вам многие могут позавидовать! Что же вы еще раздумываете?! Смысл этих слов не нуждался в пояснении. Мы их часто потом вспоминали. С родней Хрущева расстались у причала в Батуми, где Аджубея поджидала досадная неприятность: при отгрузке пострадала его белая «Волга»... А мы отсюда держали путь в Тбилиси, Ереван и далее — в горную Армению. Но это, как говорится, уже другая история.

ЮРМАЛЬСКИЕ ПРОГУЛКИ С АРКАДИЕМ РАЙКИНЫМ

Санаторий «Рижское взморье» (*“Rīgas Jūrmala”*) — ныне первоклассный отель¹ — некогда принадлежал Четвертому управлению Минздрава Латвии. Каждый, кто бывал в Майори, видел оригинальное современное здание наподобие многопалубного корабля. Это главный корпус, подступающий вплотную к золотистому пляжу. Кроме него, в комплекс входило несколько благоустроенных особняков старой постройки. По численности персонал санатория вдвое превышал количество отдыхающих, которых здесь обслуживали с подчеркнутой учтивостью и предупредительностью. Лечебное отделение со всевозможными процедурами, комфортабельные жилые комнаты, тренажерные и спортивные залы, бассейн с каскадом, сауны, столовая ресторанного типа — все было по высшему разряду.

В таких условиях блаженствовала, отвлекаясь от суетных дел, партийная и чиновничья элита республики. Но сюда по разным протекциям приезжали также гости из Москвы, Ленинграда, Киева, других городов. Престижные путевки нередко доставались академикам и знаменитым врачам, популярным артистам и композиторам, известным спортсменам и прочим «звездам». Мне же доводилось много раз попадать в этот райский уголок по росчерку пера министра здравоохранения Латвийской ССР В. Канепа. Его щедрость по отношению ко мне объяснялась просто. Министр благоволил к журналистам, которые не обходили вниманием подведомственную ему медицину.

Аркадий Райкин. Юрмала, 1970-е годы

«Рижское взморье» издавна облюбовал и Аркадий Исаакович Райкин², отдыхавший здесь едва ли не каждое лето³. Однажды наше пребывание в санатории совпало. Было это в восьмидесятых годах, на заре «перестройки». Райкин, вызывавший всеобщее любопытство, держался неприметно, но не обособленно. Мы познакомились без всяких условностей, как обычно случается на курорте. При встречах разговаривали то урывками, то довольно продолжительно, прогуливаясь или найдя укромное местечко в просторном холле, устланном коврами. Между тем среди отдыхающих подобралась небольшая компания еврейских интеллигентов, державшихся поодаль от номенклатурной знати. Как-то, увидев их в сборе, Райкин окликнул всех на идише: «*Работдй, кумт эсн митик!*» («Господа, пошли обедать!»).

Стол, за которым сидели Райкины, располагался слева от входа в столовую. Их было пятеро: Аркадий Исаакович с супругой Ромой Марковной⁴ (она к тому времени перенесла тяжелое заболевание), их дочь Екатерина и сын Константин со своей первой женой. Помню, Константин без умолку хохотал, шумно изъяснялся и куражился за едой, несколько не считаясь с косыми взглядами в его сторону. Похоже, он намеренно эпатировал местную публику — знай наших! А вечерами при полном аншлаге шли его концерты в большом открытом зале филармонии в Дзинта-

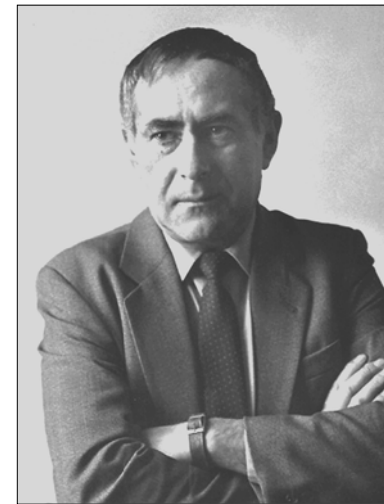
ри. И ни один из них не пропустил Аркадий Исаакович, неизменно находившийся в первом ряду среди зрителей.

Надо было видеть, как просветлялось его лицо, когда он делился впечатлениями об этих концертах, с каким нескрываемым восхищением и гордостью отзывался он об актерских способностях сына.

Аркадий Райкин умел подмечать всякие забавные ситуации и добродушно посмеивался над ними.

Так, его и других именитых гостей Юрмалы городской комитет партии пригласил покататься на яхте по Рижскому заливу. Писатель Александр Чаковский⁵ уселся там за пианино и заставил всех слушать, как он «играет», постукивая одним пальцем по клавишам. А потом самонадеянно спросил: «Ну как?!» Наглядно изобразив эту сценку, Райкин пожал плечами: «*Гор мишуге!*» («Совсем свихнулся!»). Ну а в серьезном плане он много рассказывал о ростках еврейской культуры в Москве, о возникающих еврейских музыкальных и театральных коллективах, которые зачастую обращались к нему за помощью и советом.

Однажды, коротая время, мы с Райкиным придумали себе незатейливую игру. Каждый из нас произносил какое-нибудь слово на иврите и переводил на русский. Обоим это доставляло удовольствие. Иные слова напрашивались сами собой, без напряжения памяти: *дерех* — дорога, *шамаим* — небо, *авода* — работа, *рош* — голова... К общей радости изредка удавалось даже составить простенькое предложение. Ничего более путного ни у Аркадия Исаа-

Семен Шпунгин. 1980-е годы

ковича, ни у меня, увы, не получалось. Тогда я узнал, что родившийся в Риге Райкин в Первую мировую войну эвакуировался с семьей в город Рыбинск, где прошли его детские годы. Здесь он ходил в хедер⁶. И здесь же посещал обычную школу.

Предаваясь воспоминаниям, Райкин рассказал об одном из своих рыбинских соучеников по школе. Хилый еврейский мальчик, вызванный на уроке к доске, был настолько растерян и взволнован, что у него под ногами образовалась лужа — на виду у всего класса. Мальчик, с которым произошел конфуз, впоследствии оказался необычайно способным. Он стал всемирно известным физиком. То был академик Я. Зельдович⁷. В зрелом возрасте, уже овеянные славой, однокашники редко встречались. Но когда это все-таки случалось, каждый говорил, что завидует другому...

Среди тех, кто общался с Райкиным на курорте, был журналист Александр Каверзнев, мой давний знакомый. Страдая время от времени запоями, он, тем не менее, сделал карьеру и приобрел широкую известность как комментатор Центрального телевидения. Его новенькая «Волга» вызывающе красовалась на территории санатория вопреки строгому запрету парковать там частные машины. Как-то Райкин подошел ко мне и спросил, не помню ли я, как часто принято произносить традиционное пожелание «В будущем году — в Иерусалиме».

— Кажется, только один раз в году — на Песах⁸.

— Вот и я так думаю, а Каверзнев спорит со мной, утверждая, что «вы, евреи, говорите это каждую неделю по субботам...»

Чувствуя, что мои отношения с Райкиным становятся все более доверительными, я осмелился задавать некоторые деликатные вопросы. Меня, например, интересовало, как выдающийся артист оказался на злополучном антикоммунистском митинге в Колонном зале Дома союзов⁹.

— Туда меня просто заманили, пригласив на «срочное совещание» и не сообщив о нем каких-либо подробнос-

тей, — сказал Аркадий Исаакович. — Я понял, что очутился в ловушке, когда увидел разыгрывающийся фарс перед телевизионными камерами. Я был в состоянии шока. И, конечно, не выступал, если помните.

Зашла речь и о клеветнических слухах вокруг имени Райкина, которые прокатились по всей стране. Их передавали из уст в уста в разных вариантах, иногда со ссылкой на «достоверные источники». Одно из самых абсурдных измышлений сводилось к тому, что артист отправил свою покойную мать для погребения в Израиль, а в гробу... припрятал много бриллиантов, целое состояние. Или еще слух, но иного свойства — про сорванный концерт в Киеве. Якобы на вопрос «Кто я такой?», содержащийся в райкинском монологе, некто из зала выкрикнул: «Жид!»

— Что касается Киева, — последовал ответ, — ничего подобного и в помине не было. Наоборот, нигде, пожалуй, в другом месте меня так восторженно не принимали. Мой памятный концерт в этом городе, проходивший, кстати, под эгидой ЦК комсомола, имел грандиозный успех. По окончании люди несли меня на руках к машине... А нелепых наговоров и сплетен действительно хватало. Когда я жил еще в Ленинграде, в бытность Романова секретарем обкома КПСС, несусветную чушь обо мне, в том числе историю с бриллиантами, распространял некий партийный лектор. Я возмущался, писал письма, ходил на приемы. Я настойчиво требовал остановить ретивого клеветника и ему подобных. Но все мои усилия ни к чему не привели. Тогда я начал самостоятельно бороться с порочащими меня слухами. Стал высмеивать их прямо с эстрады — в скетчах. И это помогло! «Официальное» муссирование небылиц с антисемитским духом прекратилось.

Мы коснулись также зловещего плана Сталина в отношении евреев под конец жизни диктатора¹⁰. О том, насколько реальной была надвигавшаяся беда, много лет

спустя Райкину напомнил случай. К нему в антракте одного из концертов обратилась незнакомая женщина, видимо, его почитательница, и протянула нумерованный лист бумаги, испещренный строчками машинописи. «Я это берегла для вас, — сказала она, пояснив, что муж в начале пятидесятых работал КГБ. — Возьмите себе на память». Перед глазами Райкина предстал список, сплошь состоявший из еврейских фамилий, среди которых он обнаружил и свою — с перечислением домочадцев, указанием адреса ленинградской квартиры, даже с пометкой о наличии черного хода. Такие списки составлялись во всех крупных городах.

Как раз в то лето, когда происходили эти беседы, на Рижском взморье поселился, арендовав несколько помещений, выездной... полуподпольный хедер. Мальчишек в ермолках¹¹ и с белыми шерстяными кисточками поверх штанов¹² я увидел во дворе у знакомых дачников. Тогда это было необычное зрелище. Смотрю, появился и раввин в черном облачении. Мы обменялись приветствиями, разговорились. Хедер с его питомцами и наставниками, оказывается, прибыл из Москвы. Подростки изучают Тору, совершают молитвы, соблюдают кашрут¹³. Занятия сочетаются с отдыхом на свежем воздухе... Я будто перенесся в свое детство. Мне, родившемуся в довоенной Латвии, не внове наши заповеди и традиции. Но теперь они лишь смутно проступали в памяти. И я признался, что знаю-то всего-навсего одну-единственную молитву на все случаи жизни. На что ребе¹⁴ ответил:

— В душе каждого еврея таится искорка веры, даже если он не догадывается о ней.

Вскоре об этой встрече я поведал Райкину, связав ее с воспоминанием о гетто, откуда я спасся чудом и где погибли мои родители, моя сестра семи лет от роду, мои близкие и далекие родственники от мала до велика. Я сказал:

— В минуты отчаяния, тревоги и опасности я всегда читал молитву «Шма, Израэль!»¹⁵.

Райкин молчал. Потом наклонился ко мне (будучи выше ростом) и еле слышно произнес:

— Я тоже!

— Но я и сейчас, Аркадий Исаакович! — почему-то так же тихо добавил я.

Он опять наклонился и повторил:

— Я тоже!

В первую минуту эти неожиданные слова меня поразили. Кто бы мог подумать!

Хотя задним умом вполне осознаю, что в сущности не было повода для удивления. И все же впечатление от того разговора свежо по сей день. Такое не забывается.

Завершая свои заметки, невольно вспоминаю и совсем иное откровение. Несколько лет назад израильский журнал «Алеф» напечатал эмоциональное письмо в редакцию. Читательница из Америки с горечью откликнулась на высказывание Константина Райкина о том, что он, мол, воспитан и ощущает себя русским. Да в такой степени, что «впору бы в церковь сходить, что ли...»

Нет смысла сравнивать отца и сына. Пословица о яблоке, падающем недалеко от яблони, справедлива только в безветренную погоду. А еврейская улица особенно подвержена сильным сквознякам...

Приложения

МУЛИНЫ ИСТОРИИ

В моих воспоминаниях о друзьях детства Муля занимает особое место. Точнее, полное имя его — Самуил, но по сей день все зовут не иначе как Мулей. Жизнь у него не такая уж безоблачная, какой может показаться, судя по историям, в которые он вечно попадает. Это редкий случай, когда человек не подвластен возрасту. С годами он отрастил брюшко, приобрел одышку, чуть ссутулился, но глаза сохранили вызывающий озорной блеск. С Мулей не соскучишься: нравится ему слыть чудачком и оказываться в разных забавных ситуациях. Кто впервые сталкивается с ним, либо от души смеется, либо с выразительным недоумением покручивает пальцем у виска... Мой друг давно живет в Ленинграде¹ и теперь уже вышел на пенсию. Свободного времени вдоволь. Вот и приехал нежданно-негаданно в столицу Латвии. В гостях у старых приятелей всплыли, конечно, Мулины истории. И поскольку сам он над ними подтрунивал не меньше других, смею надеяться, что не обидится, узнав себя в этих заметках. Фамилию указывать незачем, а имя пусть останется подлинным — Муля есть Муля!

С Днем шахтера!

Событие, происшедшее в Даугавпилсе летом 1949 года, не вошло в анналы истории: Муля стал обладателем аттестата зрелости. Но в какой вуз поступать, не имел ни малейшего представления. Надумал так или иначе куда-нибудь податься. Присел на дорогу, простился и, прихватив с со-

бой пухлый портфель, поспешил на вокзал — и как в воду канул. День за днем дома ждали вестей, а их все не было. Неведение длилось уже несколько недель, и семью охватила тревога. Мама Геся, отчим Шолом, сестра Сарра и младшие братья Зяма и Аба строили самые невероятные предположения.

В ночь с 25 на 26 августа вся семья проснулась от громкого стука в дверь. Почтальон доставил срочную телеграмму. Мама Геся вскрыла ее трясущимися руками. Были там четыре слова, вызвавшие замешательство: «Поздравляю Днем шахтера Муля». Что за глупости? Зачем поздравление? Откуда это? Дети, повскакавшие с постелей, обнаружили обратный адрес — ленинградский.

Назавтра новость облетела город. Евреи начали сомневаться, усмотрев в послании потайной смысл. Скорее всего Муля дает знать, что принят где-то в горный институт. А может быть, это шифровка и ему так плохо, как под землей? Ясность в бесконечные споры внес сам пропавший абитуриент, который нагрелся как ни в чем не бывало. Он-таки сдал экзамен, и знаете, куда попал? В финансово-экономический. Ну, а телеграмму послал просто так, для успокоения — вместо письма. Шел себе ночью мимо почтамта, вспомнил про наступающий День шахтера и решил поздравить.

*

Сия история требует послесловия. Мой друг едва не расстался со студенческим билетом в день его получения, когда новичков собрали в актовом зале института и перед ними выступил ректор. Он призывал дорожить честью вуза и не забывать о том, что подготовка каждого специалиста обходится в тридцать тысяч рублей. В этот момент ректора прервал Мулин возглас из задних рядов: «Отдайте нам половину, и мы уйдем!» Зал взорвался хохотом. Шутника, как ни искали потом, выявить, к счастью, не удалось.

Поединок в милиции

Муля худо-бедно учился на первом курсе, хотя и не испытывал восторга от мысли, что станет экономистом. Его золотой мечтой, как он уже успел осознать, была юриспруденция. Казавшаяся недосыгаемой, она обратилась в надежду, когда в газете напечатали объявление о наборе в Московский заочный юридический институт. Что делать? Муля, недолго думая, пошел в деканат и выпросил свой аттестат якобы для снятия копии. Вложил его в конверт и послал в приемную комиссию. Авось в деканате забудут. Но не забыли! Муля под всякими предложениями тянул время и в конце концов заявил, что аттестат потерялся. Тогда предоставили ему три дня на поиски пропажи и предупредили, что с истечением срока будет издан приказ об отчислении.

Приняв к сведению ультиматум, Муля немедленно выехал из Ленинграда в Даугавпилс. И по прибытии прямо с вокзала явился в гороно² за новым аттестатом взамен исчезнувшего. Там немало удивились и сказали, что подобных прецедентов еще не было. Впрочем, в одной из папок отыскалась инструкция, разрешавшая выписать дубликат «при наличии справки из милиции, что оригинал документа не найден». Ах, какая прекрасная инструкция!

Муля предстал в отделении милиции перед женщиной с погонами капитана и в упор задал ей вопрос: «Вы нашли мой аттестат»? Услышав отрицательный ответ, он потребовал в подтверждение справку. На что последовал категорический отказ. Такие справки, мол, не выдаются. Собеседница в форме, однако, недооценивала решимости посетителя.

— Знаете, — произнес он, осененный идеей, — я согласен на справку, что вы мой аттестат нашли!

— Но ведь я его не нашла! — взмолилась, не уловив подвоха, обессиленная хозяйка кабинета.

— Вот так и напишите! — поймал ее на слове неумный оппонент. — Разве это неправда? Или в милиции принято думать одно, а говорить другое?

Противная сторона сдалась. С тех пор у Мули два аттестата. Первый ему вернули из Москвы без объяснений. Вместе с прочитанной анкетой.

Пароль Остапа Бендера

На Литейном³ среди бела дня верзила в кожаной куртке дал пощечину девушке. Прохожие едва обратили внимание на дикую сцену. Спрашивается, причем тут Муля? А притом, что причиной уличного скандала стало его увлечение Ильфом и Петровым. Правда, из всего выдающегося наследия сатириков он знал наизусть лишь пять слов, произнесенных Остапом Бендером: «Шура! Вы не забыли пароль?» Кто бы мог подумать, что именно эти слова сыграют столь злую шутку!

Муля возвращался из бани, вызвавшей прилив сил и благодушное настроение. В голове вертелась та самая фраза великого комбинатора. И как раз в эти минуты по проспекту шла навстречу броская блондинка. Когда она поравнялась с Мулей, у него сорвалось с языка: «Шура!» Услышав, вероятно, свое имя, незнакомка удивленно остановилась. А Муля приблизился к ней и таинственно прошептал на ухо: «Вы не забыли пароль?» Блондинка опешила и едва успела опомниться, как рядом появился парень в кожаной куртке, следовавший чуть поодаль. Схватив ее за руку, он угрожающе закричал: «О чем вы шептались? Говори!!» Девушка, затрудняясь с ответом, хлопала ресницами. Тогда-то кавалер и ударил ее. После этой истории Муля, насколько помню, больше не цитировал Остапа Бендера.

Голос в трамвае

Ехал Муля в переполненном трамвае, стиснутый со всех сторон до такой степени, что дыхание перехватывало. Ни повернуться, ни рукой пошевелить. Ну, вот и его остановка, а выйти невозможно. Новые пассажиры, втолкнувшись и вися на поручнях, отчаянно пытались утрамбовать живую стену. Как же быть? Муля решил. Поднатужившись

и стараясь придать голосу официальность, он объявил: «Внимание, граждане пассажиры! Освободите вагон! Быстрее, пожалуйста! Не задерживайте!» Призыв, повторенный раз, другой, возымел действие. Сначала неуверенно, а потом напористо люди двинулись к выходу. Путь, наконец, был расчищен. Но Муля, оставаясь верным себе, на этом не успокоился.

— А теперь, граждане пассажиры, — воскликнул он, сойдя на асфальт и ускоряя шаг, — прошу всех вернуться назад! Только без суеты! По одному! Соблюдая порядок!

*

Муля, как я уже сообщил, недавно побывал в Риге, однако и здесь не обошлось без приключений. На вокзале, извините, в общественном туалете уборщица потребовала пятнадцать копеек за вход. Муля уплатил, но, выходя, одумался и с серьезным видом попросил сдачу, объясняя, что воспользовался услугами всего лишь на пять копеек. Женщина, принявшая его слова на веру, стала возмущаться. Что тут скажешь — и смех и грех! С ним всегда надо быть настороже, не зная, какой сюрприз тебя ожидает в любую минуту.

ДВЕ ЖИЗНИ ЯНКЕЛЯ ВИЛЕНЧИКА

Среди полутора миллионов евреев, сражавшихся в армиях союзников против нацистов, был и портной из Даугавпилса — Янкель Виленчик. Но едва ли еще кому-нибудь на войне привалило такое «еврейское счастье». Наслышанный о его невероятной судьбе, я не раз пытался узнать подробности у сына Янкеля — Баруха, который давно живет со своей семьей в Израиле. А он все откладывал разговор. То его занимали неотложные дела, то с работы приходил настолько усталым, что не хватало сил вдаваться в воспоминания. Да и вообще... Кому это сейчас может быть интересно? Мало ли что случилось на той страшной войне?

Я настойчиво возражал:

— Если придерживаться голых фактов, получается, что ты, Боря, родился через четыре года после того, как твой родной отец подорвался на mine и был похоронен под Крустпилсом... Пусть же люди узнают историю солдата, в которую не могли поверить даже его однопольчане!

И вот мы сидим, как водится, на кухне в доме Виленчиков, нависающем с холма над тихой улицей иерусалимского жилого массива Гило. Уже стемнело. Стало чуть прохладней после нестерпимого зноя, принесенного душным хамсином⁴. Я внимаю рассказу и стараюсь не упустить ни слова из того, что Баруху известно о ратной биографии отца, начавшейся, как у многих его сверстников, в 1941 году.

Когда немцы уже находились на подступах к Даугавпилсу, Янкель Виленчик с женой и маленькой дочкой успел эвакуироваться. Позднее, в России, они разлучились. Янкеля призвали в армию и направили в Гороховецкие лагеря, где формировалась Латышская стрелковая дивизия. А оттуда — марш-бросок прямо на фронт, в самое пекло кровопролитных боев под Москвой.

Подразделение, куда попал бывший портной, состояло большей частью из еврейских парней, слабо знавших русский язык. Янкель и вовсе не умел грамотно связать на нем двух слов. Он мог изречь, к примеру, такую фразу: «Мой жена остался с ребенком». Солдаты общались между собой на идише, а команды звучали на латышском. Им Янкель владел свободно, как, впрочем, сносно изъяснялся и по-польски, и по-литовски, и по-немецки.

Еще в лагерях, когда велась строевая подготовка мобилизованных, командиры обратили внимание на хорошую выучку евреев. Почти все они прошли школу латвийской армии. А Янкель в 39-м году служил в Елгаве капралом-инструктором. Потому его произвели в старшие сержанты, а вскоре назначили старшиной роты.

Он воевал под Наро-Фоминском, Боровском, Елагин-ом, долгие месяцы находился на передовой под Старой Руссой. Войска, особенно при обороне Москвы, несли огромные потери. Не сосчитать, сколько боевых друзей Виленчика полегло на русских полях. Но его самого щадила судьба до поры до времени. За три года войны он отделался лишь одним легким ранением.

Настало лето 1944 года. Под натиском войск 2-го Прибалтийского фронта немецкие дивизии откатывались на запад. С 18 июля преследование врага велось уже на латвийской территории. В середине августа, освободив Мадону, армия разворачивала наступление в рижском направлении. И на этом пути был Крустпилс — один из очагов ожесточенного сопротивления немцев...

Здесь группа разведчиков, включая Виленчика, попала в засаду и под сильным огнем в сумерках вынуждена была отходить по минному полю. Когда прогремел взрыв, солдаты увидели бездыханное окровавленное тело Янкеля. Три еврея, три давних друга по оружию, не могли отступить, покуда не предали земле своего старшину. Его погребли на приметном месте у дороги. Могилу покрыли еловыми ветками, а на дереве, что росло поблизости, сделали саперными лопатками засечки.

Те трое дали друг другу слово, что если кто-нибудь из них дождется победы, то поведаст супруге Янкеля об обстоятельствах смерти ее мужа и покажет эту могилу. В живых остался только один — по фамилии Шецер. Он демобилизовался в 1945 году и, поселившись в Даугавпилсе, сразу стал разыскивать вдову друга, всюду расспрашивал о ней. Но безуспешно.

Через два года, в 1947-м, Шецер однажды встречает на улице знакомую женщину, и она ему говорит:

— Вы, кажется, искали когда-то жену Виленчика? Так Роза недавно вернулась вместе с мужем... Живут они с дочкой в Доме инвалидов, там у них комната...

Шецер вздрогнул: как это так «вместе с мужем»? Наверное, Роза успела выйти второй раз замуж...

Свидетель гибели старшины поспешил в Дом инвалидов, и, когда Роза ему открыла дверь, и перед ним предстал живой Янкель Виленчик, бывалый солдат не устоял на ногах. Он потерял сознание и не приходил в себя, пока не подоспела «скорая помощь»...

О том, что случилось, сам Янкель узнал, находясь в госпитале. Как долго он пролежал в могиле, ему не сказали. Но сообщили, что его извлекла из могилы трофейная рота, проходившая по местам боев с собаками. Одна из них остановилась у свежего холмика, залаяла и, раскидав еловые ветки, принялась разгребать песок...

Его отправили на лечение в глубокий тыл. Врач-майор, желая его спасти, требовал немедленной ампутации обеих ног, а он на свой страх и риск не соглашался. Разведчика «собирали по частям», резали, латали, выхаживали два с половиной года подряд. В конце концов его выписали «на инвалидность», он нашел свою жену с дочкой, и тогда они возвратились в родной город.

То, что с ним произошло, Янкель называл словом «нэс», что в переводе с иврита означает «чудо». Был он верующим и после войны посещал единственную оставшуюся в Даугавпилсе синагогу. На хлеб зарабатывал портняжным ремеслом или торгуя всякой мелочью в киоске. Знавшие этого тихого, скромного человека свыклись с его маленькой причудой: во дворе ли, на улице ли он норовил приласкать любую встречную собаку...

На сей раз его похоронили в еврейском секторе городского кладбища, где поставили памятник с короткой надписью: «Я. Виленчик. 1914—1967». Сохранились немногочисленные награды Янкеля — два ордена Красной Звезды, две медали «За отвагу» и одна — «За боевые заслуги».

Роза пережила мужа на двадцать с лишним лет.

О Шецере больше ничего не известно. Мы не знаем даже имени солдата, который выполнял святой долг пе-

ред памятью товарища и убедился в том, что бывают-таки на свете чудеса.

В АФРИКЕ ПОД ЗВЕЗДОЙ ДАВИДА

Перелет из Южной Африки, где сейчас середина лета, в пасмурную, холодную, заснеженную Ригу — это не только смена климата и времени года, но и ощутимый психологический сдвиг. Я еще не успел прийти в себя, приспособиться к привычной обстановке наших суровых будней, в мыслях я еще там, далеко за экватором, среди близких людей, которые так тепло и радушно меня приняли.

Не буду говорить обо всех своих впечатлениях, связанных с моим вторым по счету посещением ЮАР (впервые я там побывал шесть лет назад), а расскажу вкратце о многообразной еврейской жизни в этой далекой, большой и богатой стране.

Я прилетел в Йоханнесбург 5 ноября 1996 года. Когда огромный «Боинг» с 355 пассажирами на борту приземлился в аэропорту, термометр показывал 30 градусов по Цельсию. Но еще жарче была встреча с Майей Абрамович, с которой мы в детстве пережили все ужасы Даугавпилсского гетто, и ее мужем Стивенем, известным архитектором.

По дороге к их дому (мы мчались по автостраде на «Мерседесе») мои друзья то и дело обращали мое внимание на окружающие дома: «Это — один из еврейских районов города. Видишь то здание с изображением могоендова? Это синагога А вот иешива...⁶ А там — еврейская школа».

Мы остановились у магазина, торгующего кошерной пищей, чтобы запастись продуктами. Все готовится на глазах клиентов. Это делают чернокожие женщины, разумеется, под присмотром хозяина. Так я с самого начала

соприкоснулся с тем, что впоследствии все больше и больше захватывало меня...

Массовые переселения евреев в Южную Африку началось в конце прошлого и начале нынешнего века⁷. В основном, процентов на 70, это были эмигранты из Литвы. Но есть и евреи, чьи корни находятся в Латвии. Многие из них со слов родителей хорошо знают наш край.

Кстати, 1 декабря в здании местного отделения «Бней-брит»⁸ состоялось собрание, посвященное памяти жертв Холокоста⁹ в Латвии. Звучали скорбные речи, а когда назывались латвийские города, где во время войны фашисты уничтожали еврейское население, — Рига, Елгава, Лудза, Бауска и т. д., — всякий раз кто-то подходил к столу и зажигал одну из подготовленных заранее свечей в память о жертвах Катастрофы в конкретном городе. Мне выпала скорбная честь зажечь свечу, символизовавшую память о тысячах евреев, загубленных нацистами в Даугавпилсе.

Сейчас в ЮАР проживает от 90 до 100 тысяч евреев (точной статистики нет)¹⁰. Большинство из них (50—60 тысяч) живут в Йоханнесбурге и примерно 25 тысяч — в Кейптауне, крупнейшем портовом городе и одном из красивейших курортных городов мира.

Для страны, население которой превышает 40 миллионов, 100 тысяч евреев — не так уж много. Для сравнения: около миллиона жителей ЮАР — индусы, 700 тысяч — португальцы, 200 тысяч — итальянцы. Но, будучи в количественном отношении сравнительно небольшой, еврейская община играет весьма значительную роль в экономической, общественной и политической жизни страны. Так, из трех десятков членов Верховного суда ЮАР семеро — евреи. Один из высших институтов государственной власти — Конституционный суд — возглавляет еврей. Заместитель министра обороны и заместительница министра финансов — тоже евреи. Многие еврейские предприниматели входят в финансово-промышленную элиту страны. Столь же заметна роль евреев в сфере культуры и искусства

Южноафриканские евреи гордятся своей национальной принадлежностью. Их дома и квартиры в многоэтажных домах сразу можно отличить по мезузам¹¹ или специфическим приветственным надписям на иврите и английском.

Меня до глубины души тронуло трепетное чувство, с каким местные евреи встречают Шаббат. Причем это можно в равной мере сказать как о людях глубоко религиозных, так и о тех, кого к этой категории не отнесешь. За большим столом собирается вся семья. Ее глава произносит кидуш¹². Здесь непременный атрибут — чаша с двумя ручками для традиционного троекратного омовения рук. Собравшиеся читают молитвы, поют песни; разумеется, зажигаются свечи.

В Йоханнесбурге около 40 синагог, больших и малых, причем разного толка — хасидские¹³ и митнагедские¹⁴; есть даже четыре реформистские¹⁵, которые среди подавляющего большинства евреев популярностью не пользуются.

Я был в двух синагогах. Одна из них называется «Оксфорд» (по названию района, где она находится). Ее спроектировал Стивен Абрамович, муж моей землячки и приятельницы Майи.

Я побывал в одной из крупнейших синагог Йоханнесбурга, которую возглавляет приехавший из Нью-Йорка раввин Иосиф Голдман. Обычно в этой синагоге каждый день собирается около 400 человек, а по субботам — более тысячи. Много молодежи, все в талесах¹⁶. Когда вместе с кантором¹⁷ и хором поет вся синагога, это тысячеголосье потрясает до глубины души.

В конце службы раввин произносит *дроше*. Это обращение к верующим, за основу которого берется очередная недельная глава Торы и увязывается с текущими событиями общественной и политической жизни. Все говорят между собой по-английски, и *дроше* звучит на английском, но два слова обязательно произносятся на идише: «Гут шабес!»¹⁸ (сама служба, естественно, ведется на иврите).

Несколько слов о раввине Иосифе Голдмане. Это в высшей степени эрудированный, интеллигентный и на ред-

кость мягкий в обращении человек. Мы с ним долго беседовали, и вдруг он задал мне вопрос:

— А кто главный раввин в Риге?

Я ответил:

— Натан Баркан¹⁹.

— Кто-кто? — переспросил он, будто не поверив своим ушам.

Когда я повторил свой ответ, он буквально опешил. Как выяснилось, он познакомился с Натаном Барканом в Нью-Йорке у Любавичского Ребе²⁰, а впоследствии Натан Баркан не раз бывал в нью-йоркском доме Голдманов. Как все-таки тесен этот мир!..

Мой собеседник попросил меня передать нашему главному раввину самый сердечный привет, что я с удовольствием сделал по возвращении Ригу.

Помимо своих основных обязанностей, Иосиф Голдман два раза в месяц ведет радиопередачу, посвященную иудаизму²¹. Есть у него и ежемесячная передача на телевидении.

Между прочим, когда религиозные евреи в беседах со мной узнавали, что я родом из Даугавпилса, они проникались ко мне особым уважением. И вовсе не из-за достоинств моей скромной персоны, а из-за двух имен, известных всему еврейскому миру. Речь идет о двух знаменитых двинских раввинах-гаонах: о рабби Меире Симхе и Рогачевере. А когда мои собеседники узнавали, что я присутствовал на похоронах Рогачевера, на их лицах появлялось выражение искреннего почтения.

За время моего пребывания в ЮАР мне довелось встречаться со многими представителями еврейской общины, играющими заметную роль в экономической и политической жизни страны. Но одну встречу не могу не отметить особо. Мне посчастливилось близко познакомиться с членом Верховного суда ЮАР Филиппом Боруховичем. Меня с ним познакомила его мать — известная скрипачка Циля Борухович. У этой женщины фантастическая биография.

Ее вместе с сестрой спас от неминуемой гибели даугавпилсский учитель музыки Пауль Круминьш. По поддельным документам, раздобытым им, Циля с сестрой переправились на запад и счастливо избежали трагической судьбы 6 миллионов евреев, загубленных нацистами в концлагерях и гетто. Паулю Круминьшу в Израиле было присвоено звание Праведника мира²². К сожалению, посмертно. Медаль Праведника мира была вручена его сыну — Андрею Круминьшу, доценту Латвийской музыкальной академии.

Нет такой еврейской организации, которой бы не было в ЮАР. Но у некоторых из них есть своя, так сказать, местная специфика. Например, «Хевре-Кадише»²³ не только оказывает помощь в скорбных делах, связанных с похоронами (основное ее предназначение), но и проявляет заботу примерно о тысяче еврейских семей, чей уровень жизни по тамошним меркам считается низким. Материальная помощь осуществляется на средства, жертвуемые богатыми людьми.

Есть в ЮАР объединение евреев — выходцев из Латвии, две организации бывших узников гетто и нацистских концлагерей и т. д. и т. п. Все эти организации объединяет Совет еврейских депутатов, созданный более 90 лет назад. Он представляет интересы еврейской общины на всех уровнях государственной власти.

Еврейская община уделяет большое внимание вопросам образования молодежи. В Йоханнесбурге есть несколько разных иешив, в том числе иешива-гимназия. Я побывал в еврейской школе хасидского толка, которая называется Академией Торы.

Одна из самых престижных средних школ в ЮАР — школа «Кинг Дэвид» («Царь Давид»). Вместе с детскими садами и классами для взрослых там насчитывается 3000 учащихся.

Власти ЮАР относятся к евреям очень лояльно. Во время моего пребывания там в газетах промелькнула такая информация. Один еврейский мальчик, готовившийся к посвящению в совершеннолетние, рассылая приглашения на бар-мицву²⁴, шутки ради послал пригласительный билет

президенту ЮАР Нельсону Манделе. Каково же было потрясение виновника торжества, его родных и друзей, когда на празднество явился президент собственной персоной!..

Нельсон Мандела, проведенный в заключении почти три десятилетия, не ожесточился душой. Он оказался дальновидным и весьма толерантным политиком. Так, он не стал прибегать к репрессиям по отношению к людям, осуществлявшим в свое время политику апартеида, даже к тем, кто совершил тяжкие преступления. Он лишь потребовал от них покаяния. Но, к сожалению, не все представители государственных институтов ЮАР по своим качествам соответствуют президенту страны. В Южной Африке сейчас наблюдается невероятный разгул преступности, что побуждает некоторые еврейские семьи покидать ЮАР. А какой будет обстановка при преемнике Манделы? Сегодня этого не знает никто. Очень хочется верить в хорошее...

ВОСПОМИНАНИЯ ПЕРЕЖИВШИХ ХОЛОКОСТ, СОБРАННЫЕ СЕМЕНОМ ШПУНГИНЫМ²⁵

Как я стала Екатериной Фадеевой

Роза Фридлянд

Не стану останавливаться на том, что я пережила в Даугавпилсском гетто, где погибли мои родители, брат и дальние родственники. Здесь смерть подстерегала на каждом шагу. Никто не знает точно, сколько людей уничтожено. По одним данным — двадцать тысяч, по другим — на десять тысяч больше²⁶. После ликвидации гетто осталось всего несколько сотен человек, которых до поры до времени использовали как рабочую силу в городской крепости. Когда 28 октября 1943 года за нами прибыли шуцманы²⁷ на грузовиках, никто не сомневался, что это конец²⁸. Многие

травились ядом, заготовленным «на черный день». А доктор Гольдман перерезал себе вены и истек кровью...

Нас везли в битком набитом товарном вагоне. В пути с огромным трудом удалось сорвать металлические прутья с маленького окошка. Я и еще два-три человека, сумев протиснуться через это окошко, вывалились на ходу. Была холодная ночь. Я долго бродила вдоль железнодорожного полотна, пока не встретила другого беглеца — Моисея Штейна. Голодные и продрогшие, мы не знали, куда идти. Добрались до деревни Залюми, постучались в чью-то дверь и, к счастью, не ошиблись. Над нами сжалась семья Игнатьевых, согласившаяся предоставить временный приют. Почти два месяца прятались мы в отдаленном сарае под сеном.

Позднее, когда хозяева стали особенно опасаться облавы, пришлось сменить сарай на лесную землянку. Оттуда я изредка выходила на поиски пищи и однажды попала. Меня задержал полицейский. Так я оказалась в даугавпилсской тюрьме, где во мне распознали еврейку. У меня допытывались, кто меня скрывал, а я выдумывала разные небылицы. На допросах так избивали, что все тело от синяков почернело, и в камере меня обкладывали мокрыми тряпками. Наконец переправили в Ригу и определили в Саласпилс²⁹.

Там мне повезло. Не имея никаких документов, я назвалась Екатериной Фадеевой и под этим именем была зарегистрирована. заключенные догадывались, кто я на самом деле, но не выдали. Летом 1944 года меня дважды перемещали в другие концентрационные лагеря. Сначала был Равенсбрюк, потом Грюнеберг. Оба в Германии. Второй из них стал для меня последним. Здесь особенно плохо кормили, били по всякому поводу, принуждали тяжело работать. Но, скрывая свою национальность, я хотя бы сохраняла какую-то надежду на спасение.

Помню солнечнее майское утро 1945 года, когда заключенных взбудоражили слухи о стремительном наступ-

лении русских. Говорили, что комендант лагеря, узнав об этом, упал в обморок. Во дворе состоялось необычное построение — каждому почему-то выдали по буханке хлеба. Но и этот «парад» не обошелся без мрачного сюрприза. Мою соседку по шеренге, случайно нарушившую ровную линию, убили выстрелом в упор.

Вскоре эсэсовцы погнали нас по дороге в неизвестном направлении. На одном из привалов я вместе с другой женщиной, улучив момент, совершила побег. Ночевали в сарае покинутой усадьбы и долго не могли уснуть. А на рассвете нас разбудили громкие голоса, и мы услышали русскую речь. Так настал день, в ожидании которого было столько пережито!

...Вошли мы в дом, занятый военными, и никак не могли поверить, что перед нами солдаты в советской форме. Когда впервые за многие месяцы я посмотрелась в зеркало, то испугалась. На меня, еще совсем молодую, глядела изможденная морщинистая старуха с пульсирующими жилами на лбу. Я опустила глаза и обратила внимание на случайно пораненную ногу. Из нее струилась жидкая, почти бесцветная кровь. Это было в деревне Варнер 3 мая 1945 года.

В корзине с силосом, в тайнике за печью... **Юдифь Морейн**

Перед глазами дом моего детства в Карсаве³⁰. Уютная обстановка, чистота, полы, натертые до блеска. Добрые, милые мои родители, заботливая бабушка... Жаль, что не хожу в школу: мне только шесть лет. Но скоро из Риги привезут пианино, и меня будут учить музыке...

На этом светлые воспоминания обрываются. Война. Немецкие офицеры, штурманы. Всех нас переселяют в бараки на окраине города, обнесенные колючей проволокой.

20 августа [1941 года], когда в гетто³¹ проникает слух об огромных ямах, вырытых на горе Наудаскалнс³², к нам приходит Альфред Банкович — местный немец, женатый на Рахили, тете Ронечке, сестре моей мамы. Он взволнован и хочет ночью нас увести к себе и спрятать. Но родители наотрез отказываются. «Спаси ее!» — кивает в мою сторону мама. Я горько плачу, обхватив руками ее шею, будто понимая, что это — в последний раз!

Вскоре меня отправляют в деревню Маззельчево, в семью Модеста Бальтова, приятеля Банковича, а спустя некоторое время — на хутор к железнодорожнику Антону Баркану. У него, оказывается, скрываются еще два еврея — Лейба Удэм, сумевший бежать из-под расстрела, и молодая женщина Соня Минкина. Мы отсиживаемся то в чулане, то в хлеву, то в деревенской баньке. А когда возникает опасность, Хелена, жена Антона, прячет меня в большой корзине с силосом и увозит на тележке куда-нибудь подальше.

К концу 1941 года Альфред Банкович оборудовал в своем доме на кухне, за русской печкой, убежище и всех нас забрал туда. Теперь между двумя стенами мы находимся уже вчетвером, включая беременную жену Альфреда — тетю Роню. Ее давно разыскивают полицейские, навещаясь время от времени. И однажды они учиняют тщательный обыск, рыщут по комнатам, простукивают стены, спускаются в кухонный погреб, хотят даже взломать полы. Дядя Фред разговаривает с незванными гостями спокойно, хладнокровно, а мы сидим, затаив дыхание, и боимся шелохнуться. Нас не обнаружили! Слава Богу, пронесло!

После того как 15 августа 1942 года тетя Роня родила сына Ленечку, прибавился еще один «подпольщик», крикливый и поэтому самый опасный. Банковича выручила добрая соседка Хелена Спиридович, у которой совсем недавно родилась девочка. Она согласилась с тем, что по плачу трудно будет отличить одного младенца от другого. В квартире Хелены дядя Фред построил еще более хитро-

умный тайник, попасть в который можно было через лаз, когда вынимался массивный кусок деревянной стены. Тут мы прятались почти два года — Лейба Удэм, Соня Минкина, я, тетя Роня и маленький Ленечка.

Оглядываясь в прошлое, диву даешься, сколько замечательных людей принимало участие в нашем спасении, подвергаясь смертельному риску!

Шли годы. Семья Банковичей пригрела меня и стала моей. Дядю Фреда еще при его жизни израильский институт-музей «Яд-Вашем» назвал Праведником народов мира. В Иерусалиме в честь него посажено дерево. А на поросшей соснами горе Наудаскалнс, где убиты мои родители вместе со всеми карсавскими евреями, теперь стоит памятник.

Пароль — «Буренька, вставай!»

Если посреди ночи стучат в дверь, всегда становится не по себе. Тем более во время войны. Стук, хотя и не был громким, разбудил всю семью Матусевичей — Яна Антоновича, Анну Михайловну и их 17-летнюю дочь Ядю. Хозяин не сразу узнал в темноте человека, стоявшего на пороге. Это был их давний знакомый Хаим Израэлит. Рядом с ним был мальчик, как потом выяснилось, его племянник Яша. «Впустите нас, — взмолился Хаим, — спасите!» Ян Антонович, чуть подумав и посоветовавшись с женой, принял ночных гостей. Хаим рассказал, что его жену, родителей, сестру и бабушку Яши забрала полиция, и что с ними — неизвестно.

Матусевичи спрятали беглецов в заброшенной хибаре, стоявшей во дворе, заколотили окна досками, а на дверь повесили большой замок. Так, в пустующем доме, каких немало было в Резекне, летом 1941 года появились обитатели. Они провели взаперти осень и зиму, а весной... нагрянули полицейские.

Их визит, правда, закончился благополучно. Хозяев только предупредили, что пустующий дом надо подгото-

вить для беженцев. И они прибыли вскоре со своими пожитками. А Хаима и Яшу заблаговременно переселили на чердак хлева, где хранилось сено. Во дворе стало многолюдно, и Матусевичи жили теперь в постоянном страхе.

Когда Анна Михайловна или Ядя носили беглецам еду, ее поверху маскировали кормом для коровы. А появляясь в хлеву, неизменно произносили одни и те же слова: «Буренька, вставай!» Это был условленный пароль...

Евреи вышли из своего убежища в день освобождения Резекне — 27 июля 1944 года.

Яна Антоновича и Анны Михайловны нет уже в живых. Умер и Хаим Израэлит, а его племянник Яков давно репатриировался в Израиль. В Резекне из семьи Матусевичей осталась только Ядя, Ядвига Яновна. Ее, как и ее родителей, иерусалимский институт «Яд-Вашем» зачислил в Праведники народов мира.

Одна ночь отделяла нас от свободы...

Абрам Кит

У нашей семьи было много родственников, и когда я пытаюсь сосчитать, сколько из них погибло от рук нацистов, сбиваюсь со счета. В латгальской деревне Силене были расстреляны свыше тридцати близких со стороны матери и почти столько же в Краславе — со стороны отца. Жизнь еще двадцати оборвалась в Румбуле во время двух массовых акций зимой 1941-го. Там были убиты и мои родители, три сестры и брат. Меня самого уберегла в этой мясорубке целая череда случайностей.

В Риге охота на евреев началась в первые же дни оккупации. Немцы и местные фашисты ходили по домам, гнали людей на работу, после чего многих увозили в Бикерниекский лес³³ и

расстреливали. Я сначала занимался уборкой дворов и подвалов, а потом попал в команду, хоронившую павших солдат и дохлых лошадей в поселке Олайне. Там с нами был раввин, который поплатился жизнью за то, что попробовал защитить свою бороду от ножа шуцмана.

Из «малого гетто»³⁴, где меня впоследствии содержали как трудоспособного, гнали на строительные и погрузочные работы. Однажды я не удержал большой камень, который упал на мою ногу. Поскольку я не мог передвигаться, меня посадили в так называемый «бункер», пользовавшийся дурной славой: люди в нем бесследно исчезали. Чудом я вышел оттуда живым.

С октября 1943 года я находился в концлагере Стразденгоф³⁵ на окраине Риги. Здесь были узники из Литвы, Чехословакии, Германии. За любые провинности, связанные с нарушением режима, «старший» по имени Ганс истязал людей до полусмерти, а зимой обливал водой и оставлял на морозе. Из-за нескольких картофелин, припрятанных в кармане, я был так избит, что две недели мои товарищи узнавали меня только по голосу. На теле возникли нарывы, и я во время перевязок терял сознание. Евреев из лагеря группами увозили на расстрел после каждой «селекции». 450 мужчин в возрасте более тридцати лет умертвили выхлопными газами в «душегубках»³⁶ по дороге ко рвам.

Двести узников, в том числе и я, были в сентябре 1944 года переправлены морем в Данциг (Гданьск). На корабле я неожиданно встретил моего дядю Мойше и его сына Иццока, о судьбе которых долго не имел никаких сведений. В дальнейшем мы старались не расставаться, что не раз помогало мне выжить в безвыходных ситуациях. Нам еще предстояло пройти через три лагеря — Штутгоф, Бургграбен и Готендорф, которые мало чем отличались друг от друга. Изнурительный труд, голод, публичные экзекуции, бесконечные издевательства и побои — таким был повседневный лагерный быт. По мере приближения фронта, зак-

люченных начали пешком гнать на Запад. Всех отстававших пристреливали на ходу.

В одном из таких «маршей смерти»³⁷ я уже едва держался на опухших ногах. Мойше и Иццок, которых тоже покидали силы, тащили меня на своих плечах. Но от марша к маршу охрана редела — не хватало конвоиров. Этим-то мы и воспользовались 9 марта 1945 года, находясь в последних рядах колонны. Нам удалось затеряться в придорожном лесу. А в окрестностях уже гремела канонада. И только одна ночь отделяла нас от свободы...

В моей душе победа над нацизмом не вытеснила горечи понесенных потерь. В Риге меня никто не ждал. Я вернулся сюда лишь через три года после службы вольнонаемным в запасном полку.

Беглецы из рая

Когда зимой 1943 года группу евреев перевели из рижского «малого гетто» в поселок Клейсты³⁸, они восприняли это как подарок судьбы. Инженера-химика Семена Пейроса с 14-летним сыном Мишей и трех парней — Перси Гурвича, Рувима Михельсона и Давида Долгицера — направили в научный центр вермахта — Институт медицинской зоологии. Пятерым узникам, оставшимся в живых после многочисленных акций, новое место показалось раем по сравнению с гетто и концлагерями. Теперь их использовали на подсобных работах, хотя была еще и другая обязанность, совершенно неожиданная.

В институте немцы изучали насекомых — разносчиков инфекций в армии, уделяя особое внимание вшам, которые содержались в термостатах. Они всегда должны были быть сытыми, чтобы хорошо размножаться. И вот донорами для них избрали евреев. Кормление происходило два раза в сутки, ровно в девять утра и восемь вечера.

Для этого к телу каждого заключенного прикреплялись пластмассовые коробочки, наполненные паразитами. Кожа после таких процедур воспалялась до волдырей.

Наступило лето 1944 года. Приближался фронт. И узники не питали иллюзий по поводу своего положения. В любой день за ними могли приехать эсэсовцы и увезти на расстрел. Надо было во что бы то ни стало бежать. Но куда? К кому? Группа начала лихорадочно искать убежища, с осторожностью устанавливая связи с жителями окрестностей. И вскоре появилась надежда.

Узнав об угрозе, нависшей над невольниками института, крестьяне Мария и Петер Пурины, чья изба находилась поблизости, согласились спрятать хотя бы одного человека. Затем они сообщили, что нашли надежное место и для других, договорившись с лесником Купшисом. На подготовку «операции» ушел почти месяц. Побег из своего «рая» евреи совершили в ночь с 26 на 27 июля, сняв с окна заранее подпленную решетку и перерезав во дворе колючую проволоку.

Рувим Михельсон отправился к Пуриням, которые приняли также еще одного парня, только что пробравшегося в Клейсты из города. Для обоих хозяева создали под хлевом «нору». Она представляла собой плавучий плот, покоящийся на коровьих нечистотах.

Давид Долгицер ушел той ночью в Ригу, рассчитывая получить убежище у знакомых.

А Семен Пейрос, его сын Михаил и Перси Гурвич встретились в условленном месте с лесником Купшисом. Тот отвез их к себе и поселил в сарае за специально устроенной потайной стенкой. Сюда Купшис ежедневно приносил еду и свежую газету «Тевия»³⁹, читая которую между строк, можно было следить за новостями с фронта. Однако спустя две недели лесника известили, что ему необходимо освободить свой дом для воинской части. Теперь перед беглецами опять возникла проблема: куда деваться?

Они отсиживались в кустах, чужих сараях и даже в пустом водяном баке какого-то жилого дома, пока не связались со знакомым шофером по фамилии Петровский. Он, работая на так называемой «Серум-станции»⁴⁰ в Клейстах, нашел здесь укрытие на чердаке. И сказал, что будет

доставлять пищу. Чердак находился над амбаром с овсом и кишел жирными крысами. Беглецы за отсутствием выбора ужились с беснующимися грызунами. Но очередной «рай» кончился через три недели, когда ветеринарный фельдшер станции за чем-то поднялся на чердак и обнаружил притаившуюся компанию. Пришлось снова бежать.

На сей раз обратились к соседям Пуриной — Янису и Марии Каминским. И они не отказали в помощи. К тому времени уже настала осень. Кругом гудели машины удирающих немцев. Фронт подступил к самой Риге. И крестьяне, чтобы сохранить свой скот, держали его в поле. Это и подсказало Каминским своеобразную идею. Они, приняв неожиданных гостей, предложили им пасти общее стадо под видом местных жителей. Дали теплые куртки, рукавицы, кнуты. Так трое скитальцев начали присматривать за семнадцатью коровами и двумя лошадьми.

Все хорошо, если бы не новое происшествие. На пастухов обратил внимание немецкий пост, находившийся неподалеку у моста через речку. Какой-то чин с нашивкой на рукаве придрался к Перси Гурвичу, имевшему характерную внешность: «Стой! Да ты же еврей! Документы!» И повел его в свой штаб.

Как раз в это время [хозяйки] Пурина и Каминская пришли с ведрами доить коров и, увидев Перси под конвоем, бросились на выручку. Мария Каминская, прибалтийская немка по происхождению, сумела внушить бдительному войке, что «наемный рабочий» вовсе не еврей, и вызволила его. На следующее утро, 14 октября⁴¹ 1944 года, части Советской армии, уже занявшие Ригу, появились в Клейстах.

Много воды с тех пор утекло. По-разному сложилась судьба беглецов после войны. Известно, что Перси Гурвич заведует кафедрой во Владимирском педагогическом институте, а Пейрос-младший, Михаил, преподает в американском колледже.

Давно умерли старики Пурины и Каминские. Из тех, кто причастен к спасению евреев в Клейстах, живы толь-

ко два человека. Это дочь Пуриной Вилма и бывший лесник Петерис Купшис⁴².

Низкий им поклон!

Чудеса наяву

Записано со слов Софии Аугустон

Первое мое спасение относится к осени 1941 года, когда узников Рижского гетто гнали в Румбулу⁴³ на расстрел. Никто еще не знал, куда ведет эта дорога. Шли молча, у многих на руках были дети, которые тоже не издавали ни звука. Под вечер конвоиры неожиданно получили приказ отсечь последние ряды колонны и оставшихся вернуть назад. Мы с мужем оказались как раз перед линией раздела. Видимо, палачи трудились только до определенного часа и заранее не рассчитали объем «работы»...

Это был последний довоенный снимок Софии Аугустон с ее сыном Исаем. Встретились они в 1945-м, после Победы. София чудом выжила, пройдя через ад гетто, а Исай, офицер Советской армии, прошел весь ее победоносный путь — до полного разгрома фашизма.

А вот другой эпизод. Нас, двух женщин, ведут на уборку помещений по улице Дзирнаву. Вдруг, поравнявшись с нами, останавливается машина с эсэсовским офицером. Он возмущен, что еврейки ступили на тротуар, и хочет забрать нас с собой. А это означало бы верную смерть. Но судьба распорядилась по-иному. Пока охранник объяснялся с офицером, мы успели улизнуть, юркнув в ближайшую подворотню.

Трудно даже припомнить, сколько раз я была на волочок от гибели. Одно из чудес случилось со мною в августе 1944 года, когда приближался фронт и заключенных вывозили морем в Германию. Две переполненные баржи, на которых мы находились, настиг жесточайший шторм. Буксир не мог их больше тянуть, и тогда эсэсовцы избавились от второй баржи, обрубив канат. На моих глазах она затонула вместе с узниками.

Нас перебрасывали из одного концентрационного лагеря в другой. Не буду рассказывать, что там довелось испытать. В памяти всплывает весна 1945 года, когда немцы отступали под натиском советских войск. Заключенных гнали по дорогам, и вот однажды поздно вечером нас заперли в конюшне крупного поместья. От усталости мы так крепко заснули, что... проспали свое освобождение. Русские солдаты долго не могли нас разбудить.

Затем была эпопея моего возвращения домой через Пруссию и Польшу. Добравшись со многими происшествиями до Даугавпилса, встречаю на улице еврея-инвалида в военной гимнастерке. Спрашиваю наобум, не видел ли он в армии моего сына, сумевшего эвакуироваться из Риги в первые дни войны. И тут выясняется, что именно этот человек служил с ним в одной части и совсем недавно видел его. Сын мой жив! Разве не очередное чудо?

Я прожила тяжелую жизнь. Сейчас мне 99 лет. Это, по моему, тоже чудо.

Неизвестный спаситель

Маша Блументаль

В тот день, когда отступавшие фашисты «эвакуировали» концентрационный лагерь Торунь (Польша), мне как раз исполнилось 19 лет. Мост через Вислу, по которому 20 января 1945 года гнали колонну замерзших, полуживых арестанток, казался бесконечно длинным. Холод и голод подкашивали женщин, одетых в легкие полосатые платья. Тех, кто падал от изнеможения, конвоиры безжалостно добивали. Впрочем,

они уже начали терять бдительность, обеспокоенные собственной судьбой. Многие из них то и дело отходили в сторону, срывали с себя погоны или переодевались в штатское.

В один из таких моментов к нашей шеренге подошел низкорослый коренастый поляк лет пятидесяти и тихо произнес: «Девочки, быстро за мной!»

Хотя в подобных случаях заключенные не раз попадали в ловушку, мы не стали сомневаться и согласились. Потому, что знали: все равно идем на верную смерть, и терять нам нечего. Поляк привел нас, пять молодых женщин, в какой-то хлев на окраине города Бромберга (Быдгощ), накормил хлебом, напоил горячим кофе и предложил всем зарыться в сено, сказав, что принесет еще еды, как только сможет.

Но вскоре начался шквальный артиллерийский обстрел города, не прекращавшийся почти неделю. Стены хлева изрешетили осколки. Наш доброжелатель появился только на шестой день. Он широко раскрыл ворота и с порога крикнул: «Девочки, выходите, для вас война кончилась!» И, как бы оправдываясь, объяснил, что раньше не мог покинуть свой дом из-за уличных боев. Это было 26 января. С тех пор мы больше не видели нашего спасителя и даже не узнали его имени.

Мне, прошедшей Лиепайское гетто, страшные лагеря Кайзервальд и Штутгоф, потерявшей родителей и двух братьев, этот день запомнился на всю жизнь.

«Отпуск» в Логойске

Тамара Зисерман

Перед войной мы жили в городе Душанбе, но летний отпуск родителей всегда проводили у бабушки с дедушкой в Минске. На сей раз мы поехали с мамой вдвоем, а

папу задержали неотложные дела. Мне тогда еще не исполнилось 11 лет. Дачную комнату сняли в поселке Логойск⁴⁴, что в сорока километрах от столицы Белоруссии, и поселились там вместе с нашими стариками. Было это 18 июня 1941 года.

Грянула война, в поселке появилось много беженцев. Потом нагрянули немцы, и сразу начались гонения на евреев. Вышел приказ, предупреждавший о том, что каждый, кто укрывает евреев, коммунистов или военнопленных, будет казнен. Хозяйка нашей комнаты попросила немедленно освободить ее. Тогда нам предоставили кров соседи — Петр Никифорович и Янина Францевна Ходосевичи, имевшие трех дочерей — Таню, Майю и Валю. Наверное, в их лице Бог послал мне ангелов-хранителей! 28 августа евреям, независимо от возраста, велено было явиться на центральную площадь. нас повели к подножию горы и приказали выкопать ров, а потом отпустили по домам. Мы были уверены, что рыли окопы. Утром 30 августа всем надо было снова собраться на той же площади. Янина Францевна, однако, уговорила маму не брать меня с собой, и она ушла с бабушкой и бабушкой.

В тот день никто из моих родных не вернулся. Их убили вместе с тысячами евреев, согнанных со всей округи. Потом очевидцы рассказывали, что, когда ров засыпали землей, она еще долго шевелилась.

Так внезапно я осиротела и осталась в семье Ходосевичей, Янина Францевна укрыла меня за печью, забросав старой одеждой, и строго наказала своим детям — не проболтаться! От ужаса я потеряла дар речи и заговорила только спустя неделю. Напуганная этим, Янина Францевна пыталась внушить мне надежду, что многие спаслись от расстрела.

Прятали меня в разных местах: и в погребе, и в хлеву, и в сарае за дровами. Однажды, находясь в сарае, я увидела через щель двух полицаев, сидевших на нашем крыльце, и решила, что они пришли за мной. После этого я опять онемела на несколько дней...

Три года провела я под кровом моих спасителей. Вплоть до 3 июля 1944 года, когда пришло долгожданное освобождение. День Победы я уже отмечала с папой в Душанбе.

Ходосевичей-старших давно нет в живых, а с их дочерьми моя семья все время поддерживает самые близкие отношения. Каждый год, в последнюю субботу августа, из разных городов в Логойск приезжают люди, чтобы почтить память погибших.

Семен Шпунгин с д-ром Ароном Шнеером (слева) и д-ром Григорием Смирным. Иерусалим, мемориальный комплекс «Яд-Вашем», 5 февраля 2010 года

КОММЕНТАРИИ

Григорий Смирин

Отблески моего далекого детства

¹ Даугавпилс — город на востоке Латвии. Историческое название — Динабург. Годом основания считается 1275, права города с 1582 года. С 1772 года в составе Российской империи. В связи со строительством железной дороги город стал важным транспортным узлом на маршрутах Петербург—Варшава (с 1860 года) и Рига—Орел (с 1862 года) и крупным центром промышленности и торговли в Витебской губернии. В 1893 году Динабург был переименован в Двинск. В многонациональном городе города жили евреи, русские, поляки и немцы. В годы Первой мировой войны большая часть промышленных предприятий вместе с рабочими были эвакуированы в глубь России. Численность населения города уменьшилась вчетверо. В независимой Латвии в 1920 году город был переименован в Даугавпилс. В 1956 году к Даугавпилсу был присоединен город Грива на противоположном берегу Даугавы. В наши дни Даугавпилс — второй по величине город, промышленный и культурный центр Латвии. Он по-прежнему является крупным транспортным узлом, соединяющим Европу со странами бывшего Советского Союза. Еврейская община оформилась в городе в 1772 году, когда он отошел от Польши к Российской империи. По переписи 1897 года, население Двинска составляло 69 675 человек, из которых евреями были 32 400, или 46,5%; накануне Первой мировой войны, в 1913 году, из 112 848 двинчан евреи составляли 55 686, или 49,3% — это был самый высокий процент евреев в населении города за все годы его существования. В 1935 году евреев в городе насчитывалось уже только 11 106, или 24,6% жителей. Даугавпилсская еврейская община была одной из крупнейших и самой яркой в Латвии, среди еврейских общин которой она дала наибольшее число выдающихся личностей в различных областях деятельности.

² Кошерный (от др.-евр. *кашер* — подходящий, пригодный) — соответствующий требованиям иудейской религии, предъявляемым к

людям, совершающим юридические и ритуальные действия, к предметам культа, а также к пище и одежде.

³ Бермант Хаим Ицик (1929—1998) — еврейский писатель и публицист. Родился в Браславе (в то время — в составе Польше, ныне в Белоруссии), получил традиционное еврейское воспитание; детские годы (1933—1938) провел в Латвии, в Силене (ранее Боровка), затем жил в Великобритании. Известность ему принесли короткие сатирические рассказы о британских евреях. Автор романов «Иерихон спит в одиночестве» (*Jericho sleep Alone*), 1964), «Дневник старика» (1996) и др., путеводителя «Израиль» (1967), историко-публицистической книги «Встревоженный Эдем. Анатомия британского еврейства» (1969), многочисленных статей в периодических изданиях.

⁴ Шаббат (др.-евр. «суббота») — в иудейской религии день отдыха, установленный, согласно Библии, Всевышним, который сотворил мир в шесть дней, а в седьмой отдыхал.

⁵ «Колена Израилевы» — названные в Библии 12 родственных племен потомков патриарха Иакова (Израиля), образовавших израильский народ (древнееврейскую народность). Десять из этих «колен» в 928 году до н. э., после распада Объединенного Израильского царства, создали северное — Израильское царство (существовавшее наряду с южным — Иудейским) и исчезли с исторической арены после падения этого царства в 722 году до н. э. Из представителей колена Левия, к которому принадлежит автор, набирались служители (певчие, музыканты, стража и т. д.) в Иерусалимском храме. Левиты разделялись на две степени священства: к первой степени относились священники (коэны) — прямые потомки библейского Аарона по мужской линии, ко второй — те представители колена Левия, которые не являлись потомками Аарона (они называются левитами).

⁶ Синагога (греч. *synagoge* — место собрания, от др.-евр. *бет-кнессет* — дом собраний) — молельный дом с приходом (общиной верующих) в иудаизме. Возникли в IV века до н. э. в Стране Израиля, но широко стали создаваться в диаспоре после разрушения Иерусалимского храма (70 год н. э.); помимо религиозных выполняли также функции управления еврейскими общинами. В синагогах совершается богослужение, читается и комментируется Тора.

⁷ Пурим (др.-евр. *пур* — жребий) — иудейский праздник в честь избавления евреев от козней злого царедворца Амана во времена персидского царя Артаксеркса (др.-евр. *Ахашверош*, V или IV век до н. э.),

о чем рассказывается в библейской книге Есфирь (Эсфирь); выпадает на февраль—март. Традиционным угощением в этот праздник служат *гоменташен* (букв. «карманы Амана») — треугольные булочки, начиненные маком, сухофруктами и пр.

⁸ Суккот (др.-евр. «шалаш»), ед. ч. *сукка*; в русской традиции — Кущи) — праздник в память о том, что после Исхода из Египта евреи жили в шалашах; обычно выпадает на октябрь.

⁹ Черта оседлости — граница территории в Российской империи в 1791—1917 годах, в пределах которой разрешалось постоянное проживание евреев. Охватывала 15 губерний в западной и юго-западной частях империи и еще 10 в Царстве Польском; носила дискриминационный характер. Фактически утратила свое значение во время Первой мировой войны, в 1915 году, в связи с депортацией царскими властями евреев (как «неблагонадежных») из прифронтовой полосы во внутренние губернии империи и была полностью отменена Временным правительством России после крушения царизма (соответствующее постановление от 20 марта 1917 года было подготовлено министром юстиции А. Ф. Керенским).

¹⁰ Михоэлс (наст. фам. Вовси) Соломон Михайлович (1890—1948) — актер, режиссер, педагог, общественный деятель. Родился в Динабурге Витебской губернии (впоследствии Двинск, ныне Даугавпилс в Латвии). Получил традиционное еврейское образование. С 1911 года учился в Киевском коммерческом институте, откуда был исключен за участие в студенческих волнениях; в 1915—1918 годах учился на юридическом факультете Петроградского университета. На сцене с 1919 года, работал в Московском государственном еврейском театре (с 1929 года художественный руководитель). В 20-е годы играл бытовых и комедийных персонажей в спектаклях по произведениям еврейской классики, снимался в кино («Еврейское счастье» по Шолом-Алейхему (1925), «Цирк» (1936), «Семья Оппенгейм» по Л. Фейхтвангеру (1938)). Крупнейшее творческое достижение — главная роль в спектакле по пьесе У. Шекспира «Король Лир» (1935). Сценические творения отличались философской глубиной, страстным темпераментом, остротой и монументальностью формы. Лучшая режиссерская работа — спектакль «Фрейлехс» по мотивам еврейского фольклора (1945). С 1931 года открыл при своем театре училище, готовившее актеров для еврейских театров Советского Союза (с 1941 года профессор). В годы Второй мировой войны возглавил Еврейский антифашистский комитет СССР. Убийство С. М. Михоэлса было организовано советскими органами гос-

безопасности. Имя С. Михоэлса носит одна из улиц Даугавпилса. На доме № 4 по улице Михоэлса, где родился актер, установлены мемориальная доска и барельеф.

¹¹ Иврит — современная модификация древнееврейского языка; относится к семитской ветви афразийской семьи языков, письменность на основе древнееврейского алфавита; ныне официальный язык Государства Израиль.

¹² Бен-Иегуда Элизер (наст. имя и фам. Лазарь Перельман; 1858, Лужки Дисненского уезда Виленской губернии (ныне в Белоруссии) — 1922, Иерусалим) — языковед, инициатор возрождения иврита в качестве языка повседневного общения. В возрасте 13 лет был отправлен в иешиву в Полоцк, затем поступил в реальное училище в Динабурге, которое окончил в 1877 году. В 1878 году уехал в Париж изучать медицину. Заболев туберкулезом, в 1881 году поселился в Палестине, где сменил фамилию на Бен-Иегуда. Его дом стал первым, в котором говорили на иврите, а его старший сын стал первым носителем иврита как родного языка спустя более чем тысячелетие после прекращения разговорной функции этого языка. Неортодоксальное поведение Э. Бен-Иегуды вызвало резкую оппозицию религиозных ортодоксов. В 1910 году он начал публикацию «Полного словаря древнего и современного иврита», издание которого было завершено уже после его смерти (1959). После утверждения британского мандата на Палестину Бен-Иегуда был среди тех, кто убедил британского верховного комиссара провозгласить иврит официальным языком наряду с английским и арабским.

¹³ Ашкеназы — термин, со Средних веков обозначавший евреев (предположительно древнеримского происхождения), проживавших на Рейне, а затем во всех германских землях, и их потомков во всем мире, отличительной особенностью которых стало употребление языка идиш, родственного немецкому.

¹⁴ Раввин (от др.-евр. *рабби* — мой учитель) — человек, получивший высшее еврейское религиозное образование и возведенный в сан; толкователь законов еврейской религиозной и семейной жизни.

¹⁵ Кук Авраам Исаак (1865—1935) — раввин, теолог и мыслитель. Родился в Гриве-Земгаллене Курляндской губернии (ныне часть города Даугавпилса, Латвия), в 1884—1886 годах учился в Воложинской иешиве (Белоруссия). С 1888 года был раввином в Жеймели (ныне Жеймялис в Литве), а с 1895 года — в Бауске Курляндской губернии (ныне в Латвии). В 1904 году эмигрировал в Палестину, где стал раввином Яффы и стремился приобщить ортодоксальных

евреев к идеалам сионизма, хотя критиковал сионистов за чрезмерное увлечение мирскими потребностями и за пренебрежение религией. Один из основателей религиозно-сионистского движения «Мизрахи». Во время Первой мировой войны руководитель одной из еврейских религиозных общин Лондона. С 1919 года главный раввин Иерусалима, а с 1921 года — первый верховный раввин Страны Израиля. В подготовке духовенства считал важным также преподавание ряда светских предметов. Автор многочисленных богословских и религиозно-философских сочинений.

¹⁶ Шолом-Алейхем (наст. имя и фам. Шолом Рабинович) (1859—1916) — еврейский писатель. Родился и жил в России, с 1914 года — в США. Писал преимущественно на идише, а также на иврите и русском. Создатель галереи ярких национальных типов. Для произведений характерны юмор и лиризм, точные бытовые детали, ярко выраженная демократическая позиция. Романы «Сендер Бланк и его семейка» (1887), «Иоселе-Соловей» (1889), «Потоп» (1906), «Блуждающие звезды» (1909—1911), «Кровавая шутка» (1913), повесть «Мальчик Мотл» (1907—1916), циклы новелл «Менахем Мендл» (1892) «Тевье-молочник» (1894—1914) и др.

¹⁷ Бялик Хаим Нахман (1873—1934) — выдающийся еврейский поэт (в основном писал на иврите), выступал против социальной несправедливости и национальных притеснений; в 1920 году эмигрировал из России, с 1924 года жил в Палестине. Во время своего визита в Даугавпилс Хаим Нахман Бялик был гостем клуба своего имени. Его посещение Латвии в декабре 1931 года проходило в рамках турне «Книга и слово» и имело целью усилить интерес к ивриту и культуре на этом языке. В Даугавпилсе поэт был встречен большим количеством читателей — сионистов, несионистов (еврейская община, еврейская фракция городской думы, ДИСК (*Даугавпилс идишер спортклуб*) — Даугавпилсский еврейский спортклуб), представителей еврейских школ, журналистов. Газета «Двинский голос» в статье «Пророк возрождения еврейской культуры» писала, что приезд великого поэта — праздник «для всего двинского еврейства...». В Даугавпилсе Бялик посетил знаменитого раввина И. Розина, встретился с учениками ивритских школ и членами юношеских сионистских организаций. Подробнее см.: *Волкович Б.* Хаим Нахман Бялик в Даугавпилсе // Евреи в Даугавпилсе: Ист. очерки. Даугавпилс, 2005. Кн. 4. С. 101—110.

¹⁸ Аш Шолом (1870—1957) — еврейский прозаик и драматург (писал на идише); родился в Польше, жил в США, Израиле, умер в Англии; автор пьес «По течению», «Бог мести» и др.

¹⁹ Сионисты-ревизионисты — политическое течение в сионистском движении радикально-националистического толка, зародилось в начале 1920-х годов и выдвинуло требование пересмотра (ревизии) политики Сионистской организации с целью ее переориентации с поселенческой деятельности на политико-дипломатическую, направленную на активизацию усилий по созданию еврейского государства. Создали Всемирный союз сионистов-ревизионистов (1925 год), а также ряд экстремистских военизированных организаций, не брезговали контактами с фашистским режимом Италии. В 1935 году вышли из Сионистской организации и создали Новую сионистскую организацию, которая в 1945 году, после того как Сионистская организация перешла к активной борьбе за создание еврейского государства (в том числе и вооруженной), приняла решение о самороспуске и возвращении в Сионистскую организацию. В 1950 году ревизионистские организации, действовавшие в различных странах мира, образовали Всемирный союз сионистов-ревизионистов — Херут. В Израиле представители этого движения входят в блок Ликуд.

²⁰ Жаботинский Владимир (Зеев) Евгеньевич (1880—1940) — писатель и публицист, идеолог и основатель ревизионистского направления в сионизме. До 1914 года жил в России, после 1920 года — в основном во Франции. В 1923 году основал в Риге молодежную сионистскую организацию Бетар, которая стала всемирной. Умер в США.

²¹ Сионизм (по названию холма Сион в Иерусалиме) — идеология, направленная на возрождение еврейского самосознания через поощрение репатриации евреев в Страну Израиля и создание там еврейского государства. Возникла в конце XIX века. После 1948 года ориентирована на всемерную поддержку Государства Израиль. Включает ряд течений — от социалистических и либеральных до религиозных и националистических. Сионистские организации действуют более чем в 60 странах, ведущая — Всемирная сионистская организация. (Сион — холм в Иерусалиме, где, согласно Ветхому Завету, находилась резиденция царя Давида; в Библии называется домом Бога, Царством Божиим на земле и на небе (напр., Ис. 2:3; и др.); название холма стало символом Иерусалима и Страны Израиля в целом).

²² «Гашомер-Гацаир» (ивр. «юный страж») — молодежное левосоциалистическое поселенческое движение; было создано в 1916 году в Вене членами молодежных сионистских групп Галиции. Целью движения была подготовка еврейской молодежи к переселению в Стра-

ну Израиля и к сельскохозяйственному труду. После Второй мировой войны центром его деятельности стала Южная Америка. В 1946 году движение преобразовалось в политическую партию, а в 1948 году волилось в израильскую партию Мапай. В Латвии Еврейское молодежное общество «Гашомер-Гацаир» выделилось из общества «Бар-Кохба» в 1926 году и действовало до государственного переворота 1934 года; впоследствии вместе с другими сионистскими организациями левого толка волилось в организацию «Олим».

²³ «Гордония» — молодежное сионистское движение левого толка, возникшее в 1923 году в Галиции и ставшее всемирным (1-й съезд в Данциге (ныне Гданьск в Польше) в 1928 году). Названо по имени А. Д. Гордона (1856—1922), на идеях которого оно базировалось; поддерживало поселенческое движение, активно участвовало в Сопротивлении во время Второй мировой войны. В 1945 году в Стране Израиля объединилось с молодежной рабочей организацией. Еврейское культурно-спортивное общество «Гордония» действовало и в Латвии в 20-е — первой половине 30-х годов. После государственного переворота 1934 года вместе с другими левыми сионистскими организациями объединилось в общество «Олим».

²⁴ Бетар (сокращение от «Брит-Трумпельдор» — Союз им. Иосифа Трумпельдора) — молодежная сионистская националистическая военизированная организация, созданная в 1923 году в Риге и получившая распространение в ряде других стран. После образования Государства Израиль (1948) распущена.

²⁵ Гаон (др.-евр. «величие», «гордость») — официальный титул руководителя иешивы — учебного заведения, которое готовит раввинов.

²⁶ Меер Симха Кац-Каган (ха-Кохен; 1845—1926) — раввинистический авторитет; был раввином в Динабурге—Двинске—Даугавпилсе в течение 38 лет, пользовался глубоким уважением различных слоев населения этого многонационального города.

²⁷ Иосиф Розин (1858—1936) — раввин, один из крупнейших знатоков Талмуда своего времени. Родился в Рогачеве Могилевской губернии (поэтому известен также под прозвищем Рогачёвер), учился в иешивах Слуцка и Шклова (Белоруссия), затем изучал светские науки в Варшаве. С 1889 года раввин общины хасидов Динабурга (впоследствии Двинск, затем Даугавпилс), один из наиболее популярных еврейских религиозных деятелей в Прибалтике и Белоруссии, прославился обширным и глубоким знанием древней и средневековой раввинистической литературы. В 1914—1924 годах был хасидским раввином в Петрограде, затем вернулся в Даугав-

пилс. Умер в Вене (похоронен в Даугавпилсе). В своих исследованиях Торы и Талмуда применял принятый в науке рациональный и исторический подход, чем снискал признание светских ученых-религиоведов. Автор многотомных комментариев к труду Маймонида «Мишне Тора» («Повторение Торы»; опубликованы в 1903—1908, 1935—1938 годах) и др.

²⁸ Рабби (др.-евр. «мой учитель») — законоучитель.

²⁹ Тора (др.-евр. «Учение») — в узком смысле наименование Моисеева Пятикнижия — первой части Танаха (Ветхого Завета); иногда также употребляется для обозначения Ветхого Завета в целом; в широком смысле имеет значение Божественного Откровения, Закона, иудаистского вероучения вообще.

³⁰ Талмуд (др.-евр. «изучение») — собрание религиозно-этических, правовых и бытовых предписаний иудаизма, сложившееся в IV в. до н.э. — V в. н.э.; основано на толковании Ветхого Завета и закрепляет систему обрядности, которая связывает поведение верующего 613 предписаниями.

³¹ Основная школа в довоенной Латвии давала обязательное шестилетнее образование.

³² Идиш (также новоеврейский, разговорно-еврейский, «жаргон») — язык ашкеназских евреев, относится к германской группе индоевропейской семьи языков, письменность на основе древнееврейского алфавита. Сложился в X—XIV веках на базе одного из верхненемецких диалектов, который подвергся интенсивной гебраизации (привнесению элементов древнееврейского языка), а позднее — славянизации. Перед Второй мировой войной на идише говорили примерно 11 миллионов человек. Основные диалекты: западный (польский), северо-восточный (литовско-белорусский, легший в основу литературного языка) и юго-восточный (украинский).

³³ Рабочая гвардия — военизированная организация сторонников советской власти в Латвии. Создана по решению Секретариата ЦК Коммунистической партии Латвии для охраны объектов народного хозяйства и поддержания порядка на публичных мероприятиях. Распущена в мае 1941 года, однако в первые дни войны начала формироваться вновь и участвовала в обороне Риги в последние дни июня. 16—18 июля из остатков Рабочей гвардии и из других жителей Латвии были сформированы два добровольческих латышских стрелковых полка Красной армии, которые в дальнейшем участвовали в обороне Таллина, а затем Ленинграда.

До и после побега

¹ Гетто (ит. *ghetto* — по названию района в Венеции) — часть города в средневековой Европе, выделенная для изолированного проживания евреев. Идея концентрации евреев в гетто была выдвинута Гитлером в 1939 году, но осуществлялась постепенно, по мере захвата нацистской Германией новых территорий. На оккупированной территории СССР было создано свыше 1000 гетто. В постсоветской историографии Латвии обычно говорится о существовании в Латвии трех еврейских гетто — в Риге, Даугавпилсе и Лиепае, где они имели «полную структуру» (еврейский совет (юденрат), биржа труда, еврейская полиция, медицинская и социальная службы и т. д.). Однако, по данным, восходящим к советской Чрезвычайной государственной комиссии, здесь их насчитывалось 18: места изоляции евреев на специально отведенной территории в населенном пункте с целью их последующего уничтожения имелись в Айзпуте, Бауске, Балвах, Вараклянах, Вентспилсе, Виляке, Даугавпилсе (Гриве), Елгаве, Зилупе, Карсаве, Краславе, Крустпилсе (ныне часть г. Екабпилса), Лиепае, Лудзе, Прейли, Резекне, Риге, Яунелгаве. В настоящее время термин «гетто» иногда употребляется для обозначения района, где селятся дискриминируемые национальные меньшинства.

² Впервые материал о судьбе автора в годы Второй мировой войны был опубликован в «Черной книге» — сборнике материалов, показаний очевидцев и документов об уничтожении нацистами евреев на территории Советского Союза и Польши, составленный под редакцией В. Гроссмана и И. Эренбурга. Сборник создавался с 1943 года в рамках международного проекта при финансовой поддержке американских еврейских организаций; в проекте приняли участие А. Эйнштейн, Л. Фейхтвангер и другие выдающиеся интеллектуалы и общественные деятели. Сбором материалов для книги занимался Еврейский антифашистский комитет, и ее рукопись фигурировала на начавшемся в ноябре 1945 года Нюрнбергском процессе над главными нацистскими военными преступниками. Однако уже набранная книга была уничтожена в 1948 году при ликвидации Еврейского антифашистского комитета. (Подробнее о запрете «Черной книги» см.: *Костырченко Г.* В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие: Док. исследование. М., 1994. С. 68—73). Сохранившаяся рукопись была издана в 1980 году в Иерусалиме; имеется также ряд ее последующих изданий. См.: Рассказ Семьи Шпунгина // Черная книга о

злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Светского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941—1945 гг. / Сост. под ред. В. Гроссмана и И. Эренбурга. Вильнюс, 1993. С. 356—359. Обстоятельства появления этой публикации автор изложил в настоящей книге, в главе «За щитом Эренбурга».

³ Айзсарги (латыш. *aizsargs* — защитник) — массовая военизированная националистическая организация в Латвии, созданная в марте 1919 года для борьбы с большевиками. Действовала сначала на обязательной основе, а с 1921 года — на добровольной. Послужила основной силой в осуществлении антиконституционного государственного переворота 15 мая 1934 года и была главной опорой авторитарного режима К. Ульманиса. Вместе с женскими и детскими организациями к июню 1940 года достигла численности около 68 тысяч человек и практически пронизывала все общество. Была разоружена и ликвидирована советской властью в июле 1940 года, часть членов организации были репрессированы. Во время германской оккупации бывшие айзсарги явились одним из основных резервов нацистских коллаборационистов. В мае 1990 года организация возобновила деятельность как общественная, однако она малочисленна и ее популярность ничтожна.

⁴ Префект — начальник полиции.

⁵ Звезда Давида (др.-евр. *маген-Давид* — букв. «щит Давида») — шестиконечная звезда, древний орнаментальный элемент. Впервые в качестве универсального еврейского символа стала использоваться в XIV веке в Праге, когда местной еврейской общине была пожалована привилегия иметь свой флаг; широкое распространение в этом качестве получила в XIX веке. Желтый цвет звезды заимствован у пресловутой желтой повязки — одного из отличительных знаков, к ношению которых принуждали евреев для выделения их из среды остального населения начиная с VIII века в странах ислама, а затем в Европе в Средние века и в Новое время, вплоть до XVIII века. В Даугавпилсе этот знак женщины должны были носить на груди и на спине, а мужчины — в двух указанных местах и на левом колене. Нашивать звезду евреям следовало с четырехлетнего возраста. Распоряжение об этом от 13 июля 1941 года было опубликовано в местной газете.

⁶ Нем. *Judenrat* — еврейский совет.

⁷ В этой связи приводим донесение начальника концентрационного лагеря в Даугавпилсе (т. е. гетто) от 19 февраля 1942 года:

«19 февраля с. г. в еврейском лагере была задержана еврейка Хая Мейерова, 1893 года рождения, которая обменяла кусок материи у какого-то рабочего-ремонтника концентрационного лагеря на муку, весом около 2 килограммов. В соответствии с распоряжением немецкой полиции безопасности еврейка Мейерова сегодня в 10 часов была расстреляна во дворе лагеря в присутствии остальных евреев лагеря. Рабочий, обменявший муку на материю, не обнаружен. При сем: мешочек с мукой» (Мы обвиняем: Док. и материалы. Рига, 1967. С. 184).

⁸ Гестапо (нем. *Gestapo* — сокр. от *Geheime Staatspolizei* — государственная тайная полиция) — одно из главных террористических учреждений нацистского режима, которым руководил Г. Мюллер, подчиненный руководителю Главного управления имперской безопасности Р. Гейдриху (впоследствии Э. Кальтенбруннеру) и рейхсфюреру (высшему руководителю) СС Г. Гимmlеру. Фактически гестапо действовало на территории рейха, а на оккупированных территориях так называли немецкую полицию безопасности.

⁹ Нюрнбергский процесс (20 ноября 1945 — 1 октября 1946 года) — суд над главными нацистскими военными преступниками (суду были преданы 24 преступника, входивших в правящую клику фашистской Германии); проводился в Нюрнберге (Германия) в Международном военном трибунале, который был создан в соответствии с московской Декларацией об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства от 30 октября 1943 года (СССР, США и Великобритания) и Соглашением между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран «оси» (т. е. Германии и ее союзников) от 8 августа 1945 года (соглашение содержало принципы Устава Международного военного трибунала). Подсудимым наряду с обвинениями в преступлениях против мира и военных преступлениях были также предъявлены обвинения в преступлениях против человечности: в истреблении, порабощении, высылках и других жестокостях, совершенных против гражданского населения по политическим, расовым или религиозным мотивам. Трибунал объявил преступными организации германского фашизма: гестапо, СС, СД, руководящий состав нацистской партии. Были разоблачены сущность нацизма (германского фашизма) и его планы уничтожения целых народов, опасность возрождения фашизма в любой его форме для всего человечества. Подробнее об этом см., напр.: Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 8 т. М., 1987—

1991; *Полторак А. И.* Нюрнбергский эпилог. 3-е изд. М., 1983; *Звягинцев А.* Нюрнбергский процесс: Без грифа «Совершенно секретно». М., 2010.

¹⁰ Варшавское гетто, на территории которого в разное время в 1940—1943 годах проживало от 400 тысяч до 500 тысяч евреев, было беспрецедентным по своим масштабам. Для подавления начавшегося в нем 19 апреля 1943 года восстания гитлеровцам понадобилось несколько месяцев.

¹¹ От немецкого *kasernierung* — перевод на казарменное положение; в данном случае — поселение в доме-казарме (вид трудового лагеря у нацистов).

¹² Квартирмейстерская служба 322 (нем.).

¹³ Нем. *Oberzahlmeister* — главный казначей.

¹⁴ Нем. *Werkmeister* — мастер на заводе; здесь, по-видимому, в мастерской.

¹⁵ Решение организовать партизанское и подпольное движение Сопротивления на оккупированной нацистской Германией территории Латвии Государственный комитет обороны СССР принял еще 3 августа 1941 года. Трудности его организации, в отличие от ряда других оккупированных территорий СССР, были связаны с тем, что в результате стремительного продвижения германских войск на территории Латвии не были созданы соответствующие опорные пункты. Кроме того, в результате репрессивной политики сталинского режима в 1940—1941 годах движение Сопротивления в начале войны еще не имело здесь достаточной социальной базы. Весной 1942 года около 700 человек, выходцев из Латвии, добровольно прошли специальную подготовку для действий в тылу противника. Впоследствии они составили ядро партизанского и подпольного движения в Латвии. Перелом в движении Сопротивления в результате перемен в настроениях населения Латвии наметился лишь в конце 1942 — начале 1943 года. Причинами этого были поражения германских войск на Восточном фронте, крушение надежд на возвращение немцами всего национализированного советской властью имущества, трудовая и иные повинности, мобилизация мужчин в германскую армию (включая добровольных коллаборационистов, в общей сложности под ружье нацистами были поставлены до 150 тысяч латышей), принудительная отправка населения на работу в Германию (за время оккупации туда были вывезены до 23 тысяч жителей Латвии), наконец, террор гитлеровцев (от него погибли около 18 тысяч ла-

тышей, около 35 тысяч их побывали в заключении). Значительного размаха на территории Латвии партизанское движение достигло только в 1944 году.

¹⁶ Малина (*жарг.*) — воровской притон (в данном случае в ироническом значении).

¹⁷ Кайзервальд — концлагерь в рижском районе Межапарк, занимавший территорию между проспектом Виестура и железной дорогой. Начал создаваться летом 1943 года, после того как 21 июня рейхсфюрер СС Г. Гиммлер издал приказ о ликвидации всех гетто в рейхскомиссариате Остланд (куда входила оккупированная нацистами территория Латвии) и переводе всех евреев в концентрационные лагеря. Лагерь был построен силами заключенных, привезенных в апреле 1943 года из концлагеря Заксенхаузен (в Германии), — преимущественно немцев и поляков, и в основном ничем не отличался от других нацистских лагерей массового уничтожения. Первые две группы узников Рижского гетто были перемещены в Кайзервальд в июле 1943 года. До конца октября в Кайзервальд была переведены большая часть обитателей гетто. Последнее перемещение произошло 2 ноября, и эта дата считается днем закрытия Рижского гетто. 28 октября 1943 года оставшихся в живых евреев Даугавпилсе погрузили в вагоны и увезли в Кайзервальд. В том же месяце в этот лагерь были отправлены оставшиеся в живых евреи Лиепая. Кайзервальд как центральный распределительный лагерь имел ряд филиалов в Риге и за ее пределами. В конце июля — начале августа 1944 года в связи с прорывом советских войск к Рижскому заливу в районе Тукумса, в результате чего основная часть германской группы войск «Север» временно оказалась отрезанной от своего тыла, началась эвакуация заключенных концлагерей в Германию. Евреи из лагерей-спутников Кайзервальда были съезжены обратно в Кайзервальд. Перед закрытием концлагеря из 1800 его заключенных были убиты 1300. Уничтожены были все мужчины и женщины старше 30 лет и моложе 17. Большую их часть отправили морем в Германию прямо из Риги, а других — из Лиепая. Транспорты с евреями отправились в Германию 6 августа, 25 и 29 сентября. Последний транспорт, насчитывавший около 100 человек, был отправлен 2 октября, за 10 дней до вступления в Ригу Красной армии.

¹⁸ Нем. *Schein* — свидетельство, удостоверение.

¹⁹ Стой (*нем.*).

²⁰ Капитан (*нем.*).

²¹ Обрезание — религиозно-мистический обряд удаления крайней плоти мужского полового органа. Известно у многих первобытных народов как часть возрастных инициаций — посвящения юношей в разряд взрослых мужчин. В иудаизме стало одним из основных признаков конфессиональной принадлежности; делается на восьмой день после рождения.

²² СД (*нем.* *SD* — сокр. от *Sicherheitsdienst* — служба безопасности) — служба разведки и контрразведки СС.

²³ СС (*нем.* *SS* — сокр. от *Schutzstaffeln* — охранные отряды) — главная террористическая организация нацистов в Германии и на оккупированных территориях.

²⁴ Старшина в эсэсовской иерархии.

²⁵ *Waffen SS* (*нем.* «вооруженные СС») — войска СС. Считались элитными частями и находились под личным командованием рейхсфюрера (высшего руководителя) СС Г. Гиммлера. Участвовали во множестве военных преступлений в ходе войны на уничтожение, которую вели нацисты. В данном случае имеется в виду Латышский легион СС (*нем.* *Lettische SS-Freiwilligen-Legion* — Латышский добровольческий легион СС) — войсковое формирование, созданное германским командованием в годы Второй мировой войны на территории Латвии. Входило в состав *Waffen SS* и состояло из двух дивизий СС: 15-й и 19-й. Приказ о создании легиона был подписан Гитлером 10 февраля 1943 года на фоне поражения германских войск в Сталинградской битве. Основу легиона составили полицейские и иные вооруженные формирования, созданные гитлеровцами ранее. Формально служба в легионе была добровольной, однако снижение числа добровольцев в результате падения престижа нацистского режима вынудило последний прибегнуть к призыву. В ходе четырех мобилизаций в 1943—1944 годах в легион было мобилизовано около 30 тысяч человек (всего за годы войны нацистским режимом было поставлено под ружье до 150 тысяч жителей Латвии).

²⁶ Гебитскомиссар (*нем.*) — руководитель области — административно-территориальной единицы, входившей в состав генерального округа (в данном случае оккупированной нацистами Латвии, которая, в свою очередь, входила в состав рейхскомиссариата Остланд).

За щитом Эренбурга

¹ Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — писатель, общественный деятель. Родился в Киеве. За участие в революционном движении был арестован, в декабре 1908 года эмигрировал в Париж. В 1921—1924 годах жил в Берлине, активно сотрудничал в советской печати. С начала

30-х гг. постоянно жил в СССР. Во время гражданской войны в Испании (1936—1939) был военным корреспондентом газеты «Известия»; публиковался как эссеист, поэт. С началом Второй мировой войны приобрел широкую популярность как публицист. Название его повести «Оттепель» (1954—1956) стало метафорическим определением короткого послесталинского периода. Наиболее значительное произведение последних лет жизни — воспоминания «Люди. Годы. Жизнь» (кн. 1—6, 1961—1965), которые открывали многие ранее скрытые имена отечественной и зарубежной литературы. Был депутатом Верховного Совета СССР 3—7-го созывов, с 1950 года вице-президент Всемирного совета мира. Умер в Москве. Произведения переведены на основные языки мира.

² Гроссман Василий Семенович (1905—1964) — писатель. Родился в Москве. Публиковался с 1934 г. В годы Второй мировой войны военный корреспондент. Главное произведение — роман «Жизнь и судьба» (1948—1960; опубл. в 1980 году за рубежом и в 1988 году в СССР), в котором поднята проблема сопротивления личности насилию тоталитарного режима.

³ Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) был создан в СССР в августе 1941 года. Вел работу среди советской и мировой общественности по разоблачению преступлений нацизма. Однако превратившийся во влиятельный орган советской еврейской общественности и приобретший большую популярность, этот комитет стал неуютен сталинскому режиму. В январе 1948 года был убит руководитель комитета С. - М. Михоэлс, а в условиях начавшейся по сути антисемитской пропагандистской кампании «борьбы с космополитизмом» была арестована большая группа его деятелей, часть из которых были приговорены к расстрелу, а часть — к длительным срокам заключения; реабилитированы в 1955 году (о чем официально было сообщено только в 1989 году). Подробнее об этом см., напр.: Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941—1948: Документир. история. М., 1996; *Костырыченко Г.* В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие: Док. исследование. М., 1994; *Он же.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001.

⁴ Истребительные батальоны — военизированные добровольческие формирования, создававшиеся в СССР во время Второй мировой войны для борьбы с диверсантами противника главным образом в прифронтовой полосе.

⁵ ОСОАВИАХИМ (Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству) — массовая добровольная общественная военно-патриотическая организация в СССР в 1927—1948 годах.

⁶ Савич Овадий Герцович (1896—1967) — писатель, поэт, переводчик. Родился в Варшаве, учился на юридическом факультете Московского университета, был актером. С 1923 года жил в Берлине, затем в Париже. В начале 30-х годов корреспондент газеты «Известия», затем ТАСС в Испании. По возвращении в Москву занимался переводами испанской поэзии. На заседании литературной комиссии по Черной книге 13 октября 1944 года И. Г. Эренбург говорил: «Савич обработал рассказ Семы Спунгина (фамилия искажена. — *Ред.*), он долго возился с этим мальчиком. Мы его устроили в школу» (ГАРФ, ф. 8014, оп. 1, д. 967, л. 43).

⁷ Казенный раввин — выборная должность в еврейских общинах Российской империи в 1857—1917 годах, претендент на которую должен был иметь также определенный уровень светского образования, который, в отличие от традиционных иешив, давало раввинское училище (семинария) и (с 1873 года) еврейский учительский институт; кандидатура утверждалась губернскими властями. Казенный раввин официально представлял общину в правительственных учреждениях, принимал присягу у евреев-новобранцев, вел регистрацию рождений, браков и смертей.

⁸ Мазе Яков Исаевич (1859—1924) — общественный деятель, раввин, публицист; получил юридическое образование в Московском университете. С 1893 года казенный раввин Москвы, после Февральской революции один из руководителей Совета еврейских общин России, депутат Учредительного собрания. В годы советской власти выступал против ограничения еврейской религиозной жизни.

⁹ См.: Рассказ Семы Шпунгина // Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941—1945 гг. / Сост. под ред. В. Гроссмана и И. Эренбурга. Вильнюс, 1993. С. 356—359.

¹⁰ Еврейские писатели, в 1952 году расстрелянные по делу Еврейского антифашистского комитета.

¹¹ Советское информационное бюро — орган информации, созданный 24 июня 1941 года для руководства всей работой по освещению международных и военных событий, а также внутренней жизни СССР. Занималось также составлением и публикацией военных сводок по материалам Верховного главнокомандования и организацией контрпропаганды. Просуществовало до мая 1945 года.

¹² Газета выходила с 6 июля 1942 года (Куйбышев, ныне Самара) по 20 ноября 1948 года (Москва).

¹³ В действительности в советском паспорте того времени это была третья графа. Выражение «пятая графа» или «пятый пункт» появилось из-за пятой графы в «Листке по учету кадров», заполнявшемся всеми поступавшими на работу на предприятия или в учреждения СССР; содержала сведения о национальности.

¹⁴ Долматовский Евгений Аронович (1915—1994) — поэт. Автор лирических стихов и текстов песен. Наиболее крупное произведение — роман в стихах «Добровольцы» (1956) о строителях московского метро (экранизирован). Автор мемуаров «Было. Записки поэта» (кн. 1—3, 1973—1988).

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Рочко И.* Илья Эренбург в Даугавпилсе // Евреи в меняющемся мире: Материалы 4-й Междунар. конф., Рига, 20—22 нояб. 2001 г. Рига, 2002. С. 108—117.

Отзвуки старых мифов

¹ «Борьба с космополитизмом» — идеологическая кампания, проводившаяся сталинским режимом в 1948—1953 годах и направленная против части советской интеллигенции, которую инициаторы кампании считали носителем прозападных тенденций. Для кампании была характерна борьба за русские и советские приоритеты в области науки и техники, критика ряда научных направлений, административные меры против лиц, заподозренных в «космополитизме» и «низкопоклонстве перед Западом». Поскольку кампания сопровождалась также обвинениями советских евреев в «безродном космополитизме» и враждебности к «патриотическим чувствам советских людей», а также их увольнениями со многих постов и должностей и арестами, то многие исследователи обоснованно считают эту кампанию антисемитской.

² ЦДРИ — Центральный дом работников искусств.

³ «Арагви» — популярный ресторан грузинской кухни в Москве.

⁴ «Белая головка» — известная марка водки.

⁵ Белые Столбы — поселок в Подмосковье, где находится психоневрологическая больница.

Визит с приключениями

¹ Так в то время назывался Камергерский переулок.

² Так в то время называлась улица Большая Дмитровка.

Под косыми взглядами КГБ

¹ «Атиква» (также «Хатиква», «Гатиква» — ивр. «Надежда») — песня, ставшая в конце XIX в. гимном сионистского движения, а впоследствии — Государства Израиль. — Ред.

² Главлит — Главное управление по делам литературы и издательств, созданное в составе Народного комиссариата просвещения РСФСР в 1922 году; впоследствии находилось в подчинении других ведомств. Осуществляло цензуру печатных произведений и защиту государственных секретов в средствах массовой информации вплоть до 1991 года. Под контролем этого органа находились также выставки, публичные лекции, букинистические магазины.

³ Вовси Мирон (Меер) Семенович (1897, Креславка Двинского уезда Витебской губернии (ныне Краслава в Латвии) — 1960, Москва) — врач-терапевт и ученый-медик. В 1919 году окончил медицинский факультет Московского университета, служил врачом в Красной армии. С 1922 года на научной работе. С 1935 года заведующий кафедрой внутренних болезней Центрального института усовершенствования врачей и руководитель терапевтического отделения Московской клинической больницы им. С. П. Боткина. В 1941—1947 годах был главным терапевтом Красной (впоследствии Советской) армии, генерал-майор медицинской службы. Исследования по физиологии и патологии почек, легких, сердца, печени, системы кровообращения и др.; разработал основные положения военно-полевой терапии. Стал одним из главных фигурантов «дела врачей» (см. прим. 4). Освобожден и реабилитирован после смерти Сталина.

⁴ «Дело врачей» — апофеоз антисемитской кампании (январь—апрель 1953 года), развязанной в последний период правления Сталина, когда была арестована группа популярных московских врачей и ученых-медиков (из девяти их шесть были евреями). Им инкриминировались планы «путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». Эту кампанию прервала смерть Сталина.

⁵ «Даугавас ванаги» («Ястребы Даугавы») — латышская общественно-политическая организация в эмиграции, основанная в 1945 году в Бельгии бывшими военными служащими довоенной латвийской армии и латышских формирований, созданных нацистами. С 1990 года ее отделение действует и в Латвии.

⁶ Аудрини — деревня в Резекненском уезде, в 13 км от города Резекне (Режицы), жители которой были уничтожены 2—4 января 1942 года за то, что скрывали пятерых раненых красноармейцев и одного

бывшего работника милиции, обеспечивали их продовольствием, медикаментами, оружием и помогли создать партизанскую группу. 18 и 21 декабря 1941 года в Аудрини и соседнем лесу между партизанами и полицейскими произошло вооруженное столкновение, в котором полицейские потерпели поражение. По приказу командира немецкой полиции безопасности Штрауха были арестованы 200 жителей Аудрини (61 мужчина, 88 женщин и 51 ребенок). 2 января 1942 года большую их часть расстреляли в Анчупанских холмах, а 4 января на базарной площади в Резекне публично были расстреляны 30 аудринских мужчин и 12-летний мальчик В. Глушнев. Деревня Аудрини была разграблена и сожжена.

Встреча на корабле

¹ Шестидневная война — третий вооруженный конфликт между Государством Израиль и арабскими странами (Египет, Сирия, Иордания и Ирак) 5—10 июня 1967 года, в результате которого Израиль нанес поражение войскам арабских стран и установил контроль над Синайским полуостровом, сектором Газа, Восточным Иерусалимом, Западным берегом реки Иордан и Голанскими высотами.

² Война Судного дня (Йом-Кипур) — четвертый вооруженный конфликт между Государством Израиль и арабскими странами (6—24 октября 1973 года). Началась внезапным нападением египетских и сирийских войск на израильские позиции в Судный день. В ходе контрнаступления 11 октября израильские войска прорвали оборону на Голанских высотах и вторглись на территорию Сирии, а 16 октября форсировали Суэцкий канал и вторглись на территорию Египта. 22 октября Израиль и Египет приняли предложение ООН о прекращении огня, а 24 октября, когда на это согласилась и Сирия, воюющие стороны прекратили боевые действия. Вновь было доказано военное превосходство Израиля над арабскими странами.

Юрмальские прогулки с Аркадием Райкиным

¹ Ныне это *Baltic Beach Hotel*.

² Райкин Аркадий Исаакович (1911—1987) — актер, артист эстрады. Родился в Риге. В 1935 году окончил Ленинградский институт сценических искусств; работал в ленинградских драматических театрах, выступал как конференсье в московском театре «Эрмитаж»; с 1939 года артист, а с 1942 года художественный руководитель Ленинградского театра миниатюр (с 1982 года Государственный театр миниатюр в Москве, с 1987 года театр «Сатирикон» им. А. И. Райкина), выступал на фронте. Мастер мгно-

венного перевоплощения, часто использовал приемы эксцентрики и буффонады, исполнитель монологов, фельетонов, скетчей, пантомимы, создал галерею остросатирических и лирических портретов. Спектакли «На чашку чая» (1940), «Своими словами» (1945), «Вокруг света в 80 дней» (1951), «Смеяться, право, не грешно» (1953), «Времена года» (1956), «Белые ночи» (1957), «Любовь и три апельсина» (1959), «От двух до пятидесяти» (1961), «Волшебники живут рядом» (1964), «Светофор» (1967), «Избранное-73» (1973), «Его величество театр» (1981), «Мир дому твоему» (1985) и др., в каждом из которых играл десятки ролей. Многие слова и выражения из райкинских спектаклей стали крылатыми. Снимался в кино: «доктор Калюжный» (1939), «Валерий Чкалов» (1941), «Концерт фронту» (1942), «Мы с вами где-то встречались» (1954), «Аркадий Райкин» (1967), «Волшебная сила искусства» (1971), «Люди и манекены» (1974) и др. Автор книги «Воспоминания» (1993, посмертно).

³ В своих мемуарах А. И. Райкин писал о Юрмале: «Я совершаю прогулки по берегу — из Майори в Дзинтари и обратно, и мне легко дышится и думается легко. Здесь воздух какой-то особенный: воздух моего детства, моих воспоминаний — так я его ощущаю» (*Райкин А. Воспоминания*. СПб., 1993. С. 426—427).

⁴ Руфь Рома — ее псевдоним; настоящее имя — Руфь Марковна Иоффе-Райкина (1915—1989) — актриса и литератор.

⁵ Чаковский Александр Борисович (1913—1994) — писатель и журналист, общественный деятель. Родился в С.-Петербурге в еврейской семье. Окончил Литературный институт им. Горького в Москве (1938) и аспирантуру Московского института философии и литературы. Во время Второй мировой войны корреспондент фронтовых газет, несколько раз находился в блокированном Ленинграде. Автор ряда повестей и романов, выступал также как драматург и литературный критик. Главный редактор журнала «Иностранная литература» (1955—1963) и «Литературной газеты» (1962—1988); под его руководством эта газета стала одним из популярнейших изданий в Советском Союзе.

⁶ Хедер (др.-евр. «комната») — еврейская частная начальная религиозная школа для мальчиков, где изучались Тора и Талмуд.

⁷ Зельдович Яков Борисович (1914—1987) — физик-теоретик, академик АН СССР (1958); один из основателей современной теории горения, детонации и ударных волн; автор фундаментальных трудов по ядерной физике, физике элементарных частиц, астро-

физике, космологии. В 1939 году совместно с Ю. Б.Харитоном впервые осуществил расчет цепной реакции деления урана.

⁸ Песах (др.-евр. «прохождение», «минование») — иудейская Пасха, праздник в ознаменование Исхода евреев из Египта; обычно выпадает на апрель.

⁹ Имеется в виду состоявшаяся в Москве 4 марта 1970 года и транслировавшаяся по телевидению пресс-конференция «граждан еврейской национальности», среди которых были государственные и военные деятели, ученые, писатели, артисты и другие известные люди, ряд из которых были вынуждены выступить с резкими антиизраильскими заявлениями.

¹⁰ В ходе «дела врачей», «согласно сталинскому сценарию, должен был состояться суд над “врачами-убийцами”, который приговорил бы их к смерти. Некоторых “преступников” следовало казнить, других позволить разъяренной толпе отбить у охраны и растерзать на месте. Затем толпа должна была устроить в Москве и других городах еврейские погромы. Спасая евреев от справедливого гнева народов СССР, их предстояло собрать в пунктах концентрации и эшелонами выслать в Сибирь. <...> Утверждая сценарий депортации, он [Сталин] распорядился: “Доехать до места должно не более половины”. По дороге предполагались “стихийные” проявления народного гнева — нападения на эшелоны и убийства депортируемых. Так Сталин готовил окончательное решение еврейского вопроса в России, как рассказал об этом Эренбург» (*Борев Ю.* Сталиниада: Мемуары по чужим воспоминаниям с историческими притчами и размышлениями автора. М., 1991. С. 401; см. также: *Айзенштат Я.* О подготовке Сталиным геноцида советских евреев. Иерусалим, 1994). Некоторые авторы, в частности Г. В. Костырченко, подвергают сомнению наличие подобных планов и саму возможность такой депортации, мотивируя свою точку зрения отсутствием документальных свидетельств (см.: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 671—685; *Он же.* Депортация — мистификация: Прощание с мифом сталинской эпохи // *Лехаим.* № 9. 2002. С. 23—35; *Он же.* Документы — на страже правды истории: Открытое письмо Я. Я. Этингеру // Там же. № 11. С. 49—53). И. Кременецкий считает, что такая акция в 50-е годы. XX века уже была невозможной, а «главный аргумент против этого — полная разлука промышленности, которая наступила бы, так как евреи находились в то время на многих ведущих постах» (*Кременецкий И.* Евреи при большевистском строе. 4-е, испр. и доп. изд. Миннеапо-

лис, 2002. С. 402). Другие же, проводя аналогии со сталинскими массовыми депортациями других народов, считают, что «документы — еще не вся правда» (см.: *Этингер Я.* Документы — еще не вся правда: По поводу статьи Г. Костырченко // *Лехаим.* 2002. № 9. С. 35—39).

¹¹ Ермолка (от араб. *ирей малка* — боязнь царя; ивр. *кина*) — головной убор в виде тюрбета, который постоянно носят верующие евреи, а некоторые надевают только во время молитвы.

¹² Имеются в виду *цицит* (идиш *цицес*) — кисти из сложенных вдвое шерстяных или шелковых нитей, прикрепляемые к одежде религиозного еврея и носимые как напоминание о 613 заповедях иудаизма.

¹³ Кашрут (от др.-евр. *кошер* — подходящий, пригодный) — совокупность требований иудейской религии, предъявляемых к людям, совершающим юридические и ритуальные действия, к предметам культа, а также к пище и одежде.

¹⁴ Ребе (идиш; от др.-евр. *рабби* — мой учитель) — титул, обычно применяемый к раввину, учителю религиозной школы или хасидскому лидеру (цадику).

¹⁵ «Слушай, Израиль...» (*др.-евр.*) — начало иудейской молитвы.

Приложения

¹ Речь идет о конце 1980-х годов.

² Городской отдел народного образования.

³ Речь идет о Литейном проспекте в Ленинграде.

⁴ Хамсин — сухой и знойный ветер, дующий из Африки.

⁵ Звезды Давида (*идиш*).

⁶ Иешива, или ешива (др.-евр. «заседание»; в русской традиции — ешибот) — высшее религиозное учебное заведение в иудаизме; готовит раввинов.

⁷ Т. е. в конце XIX — начале XX века.

⁸ «Бней-брит» (др.-евр. «Сыновья Завета») — одна из старейших еврейских общественных организаций (основана в Нью-Йорке в 1843 году), ставшая своей целью благотворительность, борьбу с антисемитизмом, сохранение и развитие еврейской культуры и образования, помощь Государству Израиль и укрепление его позиций на международной арене.

⁹ Холокост (гр. *holokauston* — всеожжение) — массовое уничтожение евреев нацистами в 1939—1945 годах. Существует мнение, что впервые в таком значении этот термин был использован писателем

Эли Визелем. Широко употребляется также словосочетание «Катастрофа европейского еврейства». Иногда в литературе на русском языке используется ивритское обозначение *Шоа* («бедствие», «катастрофа»).

¹⁰ По состоянию на 2013 год численность еврейского населения в ЮАР оценивалась в 75 тысяч человек.

¹¹ Мезуза (др.-евр. букв. «дверной косяк») — прикрепляемый к дверным косякам зданий футляр, содержащий свиток с написанными на нем фрагментами из Священного Писания и служащий оберегом для дома.

¹² Кидуш (др.-евр. букв. «освящение») — благословение, произносимое над вином и освящающее субботу или праздник.

¹³ Хасидизм (др.-евр. *хасид* — благочестивый) — мистическое течение в иудаизме, возникшее в XVIII веке в Польше и России. По его представлениям, Бог присутствует во всем, что окружает человека; это дает возможность непосредственного контакта верующего со Всевышним в молитве. Основные места распространения в настоящее время — США и Израиль.

¹⁴ Митнагеды (др.-евр. *митнагдим* — «несогласные», «оппоненты»; в ашкеназском произношении *миснагдим*) — название, которое дали приверженцы хасидизма его противникам из среды раввинов и руководителей еврейских общин. В отличие от хасидизма, влияние лидеров которого зиждилось на непререкаемом авторитете их личности, для митнагедов основным критерием, определяющим положение человека в обществе, по-прежнему оставалась раввинистическая ученость.

¹⁵ Реформистский иудаизм — движение за пересмотр и либерализацию законов и обрядов иудаизма; возникло в начале XIX века в Германии, со второй половины XIX века развивается главным образом в США.

¹⁶ Талес (др.-евр. *талит* — мантия, плащ) — прямоугольное молитвенное покрывало из шерсти (или шелка) с черными или голубыми полосами вдоль коротких сторон и с нитяными кистями (*цицит*) по углам.

¹⁷ Кантор (латин. «певец»; др.-евр. *хазан*) — лицо, ведущее синагогальное богослужение.

¹⁸ Доброй субботы! (*идиши*).

¹⁹ Баркан Натан Зусманович (1923—2003) — раввин, общественный деятель. Родился в Ливанах (Латвия), в детстве получил традицион-

ное религиозное воспитание. Образование получил в Рижской иешиве и любавичской иешиве в Гостини (ныне г. Плявиняс). Во время Второй мировой войны вместе с отцом эвакуировался в советский тыл, в Латвию возвратился в 1949 году. Работал на различных административно-хозяйственных должностях в Юнелгаве, а с 1954 года — в Риге; вел нелегальную религиозную деятельность. В 1969 году переехал в Израиль, где находился на государственной службе и создал религиозную школу для мальчиков в Лоде; добровольцем участвовал в войне Судного дня (1973 год). Один из создателей фонда «Шамир» и (с 1988 года) его отделений и религиозных школ в Москве, Ленинграде и на севере России. В 1989 году по поручению Любавичского Ребе и по согласованию с Главным раввином Израиля начал служение в Латвии как главный раввин Риги и Латвии. Сыграл видную роль в возрождении еврейской религиозной и общественной жизни в стране в постсоветский период. Награжден латвийским орденом Трех Звезд. Автор книг «Воспоминания» (Рига, 1998) и «Дороги судьбы. Смотри и помни. Самоотверженность» (Рига, 2003). Умер в Лоде (Израиль) 20 ноября 2003 года, похоронен на Масличной горе в Иерусалиме. В 2004 году вышла в свет задуманная раввином Н. Барканом книга-альбом «Латвия: синагоги и раввины. 1918—1940», основу которой составила собранная им коллекция исторических фотографий еврейских культовых зданий в Латвии.

²⁰ Любавичский Ребе — титул высшего авторитета хасидов, названного по местечку Любавичи бывшей Могилевской губернии (ныне в Смоленской области), которое до 1915 года было центром хасидского движения.

²¹ Иудаизм — древнейшая монотеистическая религия, лежащая в основе всей еврейской культуры. Возникла во II тысячелетии до н.э. Краеугольным камнем иудаистского вероучения является Завет (др.-евр. *Брит*) — особого рода договор между людьми и Богом (Быт. 9:9—17; Втор. 29:9—14), по которому Бог принимает на себя обязательство быть покровителем еврейского народа при условии соблюдения последним данного ему Закона (Исх. 34:10—27; Втор. 5:1—3,28).

²² Праведник народов мира — почетное звание, присваиваемое в Государстве Израиль людям, спасавшим евреев в период Холокоста. В соответствии с законом «Об увековечении памяти мучеников и героев» (1953) это звание присваивает Национальный институт Катастрофы и героизма «Яд-Вашем» с вручением специальной медали и Почетной грамоты.

²³ «Хевра-Кадиша» (др.-евр. «Священное товарищество») — погребальное общество.

²⁴ Бар-мицва (др.-евр. «сын заповеди») — празднование 13-летия мальчика, достигшего, согласно представлениям иудаизма, религиозного совершеннолетия.

²⁵ Опубликовано в: *LEGU*: Бюллетень Общества латвийских евреев — бывших узников гетто и нацистских концлагерей. Рига, [1995].

²⁶ Гетто, созданное в Даугавпилсе уже 15 июля 1941 года, по большинству подсчетов, насчитывало более 14 тысяч узников (по другим данным, на сентябрь 1941 года, — 23 048) — жителей города и окрестностей. «Большое гетто» было уничтожено в ходе акции 1 мая 1942 года, «малое» (трудоспособные узники) просуществовало до 28 октября 1943 года; почти все его узники были уничтожены, оставшихся перевели в концлагерь Кайзервальд в Риге.

²⁷ Шуцман — полицейский в Германии (до 1945 года). На оккупированных нацистской Германией территориях так называли коллаборационистов, вступивших в созданные нацистами полицейские формирования.

²⁸ В действительности оставшихся в живых узников перевели в концлагерь Кайзервальд в Риге.

²⁹ Саласпилский концлагерь был местом заключения и массового уничтожения людей на оккупированной нацистами территории Латвии, находился в Рижском уезде. Начал создаваться в октябре 1941 года как место заключения евреев, вывезенных из европейских стран, однако с 1942 года туда стали заключать местных жителей и депортированных жителей западных областей России и Белоруссии. В их испытании участвовали как нацистские оккупанты, так и их местные пособники; широко практиковалось взятие крови у детей для нужд медицинской службы германских войск (см., напр.: *Известный В., Быстров Е.* Факты и документы обвиняют // В Саласпилском лагере смерти: Сб. восп. Рига, 1964. С. 5—39; *Тимошенко Л.* Дети и война. Даугавпилс, 1999. С. 211—244). Имеющиеся в литературе данные о количестве узников и жертв концлагеря противоречивы (в советских изданиях обычно указывается, что в лагере одновременно находились 14—25 тысяч узников, а число жертв составило 53 тысячи человек, в том числе 7 тысяч детей). Публикация, появившаяся на рубеже веков утверждает, что в 1943—1944 годах в бараках концлагеря постоянно содержались 2000—3000 узников, число умерших не превышало 2000, а число прошедших через Саласпилс как транзитный лагерь не превышало 12 тысяч человек (см.: *Strods H.* Salaspils

koncentrācijas nometne (1941. g. okt. — 1944. g. sept.) // *Latvijas Okupācijas muzeja gadagrāmata*, 2000. R., 2001. 87.—153. lpp.). Однако новейшие исследования, выполненные на широкой документальной основе, показали узость доказательной базы названной публикации и весьма существенную неполноту приводимых в ней данных (см.: *Kangeris K., Neiburgs U., Viksne R.* Salaspils nometne: vēstures avoti un historiogrāfiskais materiāls // *Okupācijas režīmi Baltijas valstīs, 1940—1991: Latvijas Vēsturnieku komisijas 2008. g. pētījumi un starptautiskās konferences “Okupācijas režīmi Baltijas valstīs (1940—1990): izpētes rezultāti un problēmas” materiāli*, 2008. g. 30.—31. okt., Rīga. R., 2009. 200.—234. lpp. (Latv. Vēsturnieku kom. r. 25. sēj.); *Богов В.* Концлагерь Саласпилс: забытая история // *Приговоренные нацизмом: Сб. док. свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской оккупации Латвии в 1941—1945 гг.* / Сост. В. Богов. Рига, 2011. С. 43—50). В лагере содержались главным образом латыши, но в 1941—1942 годах было велико число евреев, а в 1943 — белорусов. При отступлении гитлеровцы, замечая следы своих преступлений, уничтожили лагерь, а часть его заключенных вывезли в концлагеря на территории Польши и Германии. В 1967 году на месте концлагеря был открыт Саласпилский мемориальный ансамбль.

³⁰ Поселение Корсовка, известное с начала XV века, после раздела Польши в 1772 году, как и вся Инфлянтя (Восточная Латвия), вошло в состав Российской империи, в XIX — начале XX века — село Люцинского (Лудзенского) уезда Витебской губернии. С 1920 года — Карсава, права города — с 1928 года. Еврейская община в Корсовке была образована в 1820-х годах переселившимися туда еврейскими торговцами. В 1840 году здесь проживало ок. 700 евреев, а в 1914 — 2400 (60 % жителей). В 1935 году в Карсаве насчитывалось 785 евреев (42 % населения).

³¹ По данным советской Чрезвычайной государственной комиссии, наряду с другими 18 населенными пунктами, в период нацистской оккупации гетто как место изоляции евреев на специально отведенной территории с целью их последующего уничтожения имелось и в Карсаве.

³² Холм Наудаскалнс (в 4 километрах от Карсавы) — место убийства нацистами 21 августа 1941 года более 350 евреев из Карсавы и Балтинавы. На холме установлен памятник.

³³ Бикерниекский лес — район Риги, где уже в июле 1941 года местные пособники гитлеровцев расстреляли первые несколько групп

евреев; в целом там было убито несколько тысяч местных и привезенных из других европейских стран евреев, а также советских активистов, антифашистов, пленных красноармейцев — всего, по данным судебного процесса 1946 года (Рига), более 46 тысяч человек; по оценкам современных историков, число убитых и погребенных там латвийских и иностранных евреев колеблется около 20 тысяч, а жертв всех категорий — около 35 тысяч человек. В 2001 году в Бикерниеком лесу был открыт мемориал.

³⁴ «Малое гетто» — особый трудовой лагерь на территории Рижского гетто, куда незадолго до ликвидации «большого гетто» (29 ноября 1941 года) были переведены около 4500 трудоспособных евреев-мужчин. «Малое гетто» просуществовало до 2 ноября 1943 года, а оставшиеся в живых его узники были переведены в концлагерь Кайзервальд в Риге (с филиалами).

³⁵ Концлагерь Стразденгоф (филиал концлагеря Кайзервальд) находился в Риге, на территории бывшего имения Страздумуйжа у оз. Юглас. В июле 1944 года там насчитывалось 1300 узников — евреев из Латвии, Литвы, Германии и Венгрии. Мария Рольникайте (р. 1927), депортированная в Стразденгоф из Вильнюсского гетто, описала лагерь в своих воспоминаниях «Я должна рассказать...» (1963). См.: *Рольникайте М. Я должна рассказать...* Екатеринбург, 2012.

³⁶ «Душегубки» (газ-вагены) — крытые автомобили, специально оборудованных для уничтожения людей путем отравления выхлопными газами; мучительная смерть от удушья и отравления при работающем двигателе наступала в течение 10 минут. В следственном деле высшего руководителя СС и полиции в Остланде Ф. Еккельна есть указания на то, что во второй половине 1942 года три-пять газ-вагенов использовались в Риге и Саласпилсе.

³⁷ «Марши смерти» — принудительные пешие переходы групп узников, при которых некоторая их часть погибала из-за невыносимых условий марша.

³⁸ Клейсты — исторический район в левобережной части Риги, прилегающий к бывшему имению Клейстенгоф.

³⁹ “*Tēvija*” («Отечество») — нацистская ежедневная газета, издававшаяся на латышском языке на оккупированной гитлеровцами территории Латвии в июле 1941 — апреле 1945 года (сначала в Риге, затем в «Курляндском котле»). Первый ее номер был датирован 1 июля 1941 года (день вступления гитлеровцев в Ригу), но фактически вышел 2 июля. Материалы из “*Tēvija*” широко перепечатывали газеты, издававшиеся в латвийской провинции.

⁴⁰ *Serumstacija* — серологическая станция (латыш.) Латвийского университета в бывшем имении Клейсты, на базе которой в 1946 году был создан Институт микробиологии Академии наук.

⁴¹ В действительности 15 октября.

⁴² Подробнее этот сюжет изложен в воспоминаниях: По ту сторону жизни: Вспоминает Семен Пейрос // Зильберман Д. И Ты это видел. 3-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 194—254.

⁴³ Румбула — маленькая железнодорожная станция на линии Рига—Даугавпилс, в 12 километрах от станции Рига, или примерно в 10 километрах от ворот Рижского гетто. На пригорке, в 250 метрах от станции, в лесу, нацистами было выбрано место для убийства узников гетто. В песчаном грунте, что позволяло легко это сделать зимой, советскими военнопленными были вырыты ямы. Затем эти военнопленные (около 300 человек) были там же расстреляны. Число расстрелянных в Румбуле в дни крупных акций уничтожения 30 ноября и 8 декабря 1941 года, согласно отчету начальника полиции безопасности и СД в Латвии Р. Ланге, было 27 800 человек (вместе с 942 евреями, привезенными из Германии и расстрелянными 30 ноября 1941 года). Число убитых в Румбуле евреев из Рижского гетто в те дни современными историками оценивается примерно в 25 тысяч. Расстрелы отдельных групп людей продолжались там и в последующий период нацистской оккупации. В 2002 году в Румбуле открыт мемориал.

⁴⁴ Логойск — город в Белоруссии, районный центр в Минской области, расположен в 36 километрах северо-восточнее Минска.

Оглавление

Возвращение к истокам.	
Предисловие (<i>Л. Школьник</i>)	3
ОТБЛЕСКИ МОЕГО ДАЛЕКОГО ДЕТСТВА	8
ДО И ПОСЛЕ ПОБЕГА (ВОСПОМИНАНИЯ	
УЗНИКА ДАУГАВПИЛССКОГО ГЕТТО)	21
В каменном мешке	22
Экзекуция по праздникам	26
«Крепостные» евреи»	29
Побег в никуда	33
Подозрительная смесь кровей	38
В гестапо — под двумя фамилиями	41
Последние чудеса	46
ЗА ЩИТОМ ЭРЕНБУРГА	52
ОТЗВУКИ СТАРЫХ МИФОВ	77
ВИЗИТ С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ	81
ПОД КОСЫМИ ВЗГЛЯДАМИ КГБ	84
Как меня вербовали	84
На страже секретов полишинеля	88
Пропавшие свидетели	92
Аудиенция у генерала КГБ	94
Алло, говорит Высоцкий	98
Послесловие	100
ВСТРЕЧА НА КОРАБЛЕ	102
ЮРМАЛЬСКИЕ ПРОГУЛКИ С АРКАДИЕМ РАЙКИНЫМ ...	107
Приложения	
МУЛИНЫ ИСТОРИИ	114
С Днем шахтера!	114
Поединок в милиции	116
Пароль Остапа Бендера	117
Голос в трамвае	117
ДВЕ ЖИЗНИ ЯНКЕЛЯ ВИЛЕНЧИКА	118
В АФРИКЕ ПОД ЗВЕЗДОЙ ДАВИДА	122

ВОСПОМИНАНИЯ ПЕРЕЖИВШИХ ХОЛОКОСТ,	
СОБРАННЫЕ СЕМЕНОМ ШПУНГИНЫМ	127
Как я стала Екатериной Фадеевой (<i>Р. Фридлянд</i>)	127
В корзине с силосом, в тайнике за печью... (<i>Ю. Морейн</i>)	129
Пароль — «Буренька, вставай!»	131
Одна ночь отделяла нас от свободы... (<i>А. Кит</i>)	132
Беглецы из рая	134
Чудеса наяву (<i>С. Аугустон</i>)	137
Неизвестный спаситель (<i>М. Блументаль</i>)	138
«Отпуск» в Логойске (<i>Т. Зисерман</i>)	139
Комментарии (<i>Г. Смирин</i>)	142

Семен Ильич Шпунгин
ДО И ПОСЛЕ ПОБЕГА
Воспоминания

Редактор *Григорий Смирин*

Отпечатано в SIA "BOTA", ул. Дзербенес, 14, Рига, LV-1006

Общество «Шамир» (Рига, Латвия)
Редакция Латвийской еврейской энциклопедии
В 2012 году вышла в свет книга:

Макс Кауфман
חורבן לעטלאנד
ХУРБН ЛЕТЛАНД
Уничтожение
евреев в Латвии

Книга, отражающая личные воспоминания автора и свидетельства других узников, впервые вышла на немецком языке в Мюнхене в 1947 году, переиздана в 1999 году в Констанце (Германия) и там же издана в переводе на английский язык в 2010 году.

Макс Кауфман (1897—1987) вместе с женой и сыном-подростком, которые впоследствии погибли, стал узником Рижского гетто, затем концлагерей Кайзервальд (Рига), Штутгоф (Польша), Бухенвальд (Германия). После освобождения работал в Центральном комитете освобожденных евреев Германии (Мюнхен), занимался розыском нацистских преступников. С 1947 года жил в США.